

Эрик Фрэнк Рассел

Зловещий барьер

Аннотация

Первую же пчелу, которая вздумает жужжать о том, что мед украли, тут же прихлопнут, а первую корову, которая возглавит борьбу против дойки, ждет скорая смерть.

ГЛАВА 1

«Первую же пчелу, которая вздумает жужжать о том, что мед украли, тут же прихлопнут», – размышлял профессор Педер Бьернсек. Мысль была новой и, казалось бы, шутливой, но своим рождением она была обязана ужасающим фактам. Профессор провел длинными, тонкими пальцами по рано поседевшим волосам. Взгляд его странно выпуклых, горящих жутковатым огоньком глаз был устремлен в окно кабинета, которое выходило на бурлившую транспортом стокгольмскую улицу Хеторгет. Но смотрел он вовсе не на транспорт.

А первую корову, которая возглавит борьбу против дойки, ждет скорая смерть, – закончил он про себя. Стокгольм гудел и ревел, не ведая о нависшей угрозе. Профессор безмолвно застыл, погружившись в мрачные раздумья. Вдруг взгляд его ожил, глаза расширились, в них мелькнуло узнавание. Медленно, неохотно он отошел от окна.

Двигался он так, как будто одним лишь усилием воли принужден себя пятиться от чем-то страшного, что, незримо притягивая, манило его.

Вскинув руки, он тщетно попытался оттолкнуть от себя пустоту. В неестественно выпученных глазах, по-прежнему холодных и неподвижных, сверкало нечто неподвластное страху. Как зачарованные, они следили за чем-то бесформенным и бесцветным, ползущим от окна ж потолка. Сделав нечеловеческое усилие, профессор повернулся и бросился бежать.

Не добежав до двери, он судорожно вздохнул, споткнулся. Падая, сведенной рукой схватил со стола календарь и стащил на ковер. Потом всхлипнул, прижал руки к сердцу и затих. Искра жизни угасла. Верхний листок календаря трепетал от загадочного, неведомого откуда прилетевшего ветерка. На листке стояла дата 17 мая 2015 года.

Когда полиция обнаружила Бьернсена, он был мертв уже часов пять. Медицинский эксперт невозмутимо констатировал смерть от сердечного приступа и на этом успокоился. Тщательно осматривая помещение, лейтенант полиции Бекер нашел на письменном столе профессора записку – весть с того света.

«Знание – опасная штука. Человек неспособен ежеминутно, весь день напролет управлять своими мыслями, а по ночам ежечасно следить за неподвластными ему сновидениями. Скоро меня найдут мертвым – это неизбежно. Тогда вы должны..»

– Что мы должны? – спросил Бекер. Ответа не последовало. Голос, который мог бы произнести зловещий ответ, умолк навсегда. Бекер выслушал доклад эксперта, потом сжег записку. «Профессор, как и многие его коллеги, на старости лет стал чудить, – решил он. – И не удивительно: груз ученой премудрости оказался ему не по силам. Официальный диагноз – сердечный приступ. Какие могут быть сомнения?»

Тридцатого мая доктор Гатри Шеридан размеренной дергающейся поступью робота вышагивал по лондонской Чаринг Кросс Роуд. Глаза его, похожие на холодные сверкающие льдинки, были неотрывно устремлены в небо, ноги механически меряли тротуар. Он напоминал слепого, следующего по знакомому до мелочей маршруту.

Джим Ликок увидел Шеридана, когда тот, как заведенный, шествовал мимо, но не

заметил в нем ничего странного.

– Эй, Шерри! – крикнул он, подскочив к приятелю, и уже было собрался хлопнуть его по плечу, но внезапно застыл в смятении.

Оборотив к встречному бледное напряженное лицо, на котором, как сосульки в голубоватом полумраке, поблескивали глаза, Гатри схватил его за руку и затараторил:

– Джим, видит Бог, как я рад тебя видеть! – Он часто дышал, в голосе звучала настойчивость – Джим, мне необходимо с кем-то поделиться, или я просто сойду с ума. Я только что открыл самый невероятный факт в истории человечества. Поверить в него почти невозможно. И все же он объясняет тысячу таких вещей, о которых мы только догадывались. Или вообще игнорировали.

– Ну и что же это такое? – скептически осведомился Ликок, вглядываясь в искаженное лицо доктора.

– Джим, я хочу сказать, что человек – не хозяин и не властитель своей души и никогда им не был. Он всего лишь домашняя скотина!.. – Шеридан вцепился в собеседника. Голос его сорвался, потом поднялся на два тона. В нем зазвенела истерическая нотка. – Я это знаю, слышишь, знаю! – Ноги его подломились в голених. – Все кончено! – Он рухнул наземь.

Потрясенный Ликок поспешно нагнулся над упавшим, расстегнул ворот его рубашки, приложил руку ж груди. И ничего не ощутил. Сердце, которое только что бешено колотилось, остановилось – навек. Шеридан был мертв. Скорее всего, сердечный приступ.

В тот же день и час. нечто очень похожее произошло с доктором Гансом Лютером. Несмотря на обманчивую полноту, он вихрем пронесся по лаборатории, стремглав слетел вниз по лестнице, промчался через холл. При этом он все время испуганно оглядывался через плечо, глаза его сверкали, как полированные агаты. Подбежав к телефону, он трясущейся рукой набрал номер «Дортмунд-Цайтунг» и потребовал редактора. Глаза его были прикованы к лестнице, телефонная трубка, прижатая к уху, дрожала.

– Фогель, – завопил он, – у меня есть для вас самая потрясающая новость со времен сотворения мира. Нужно оставить для нее место, много места, и поскорее, пока не поздно!

Расскажите подробнее, – терпеливо предложил Фогель.

– Земной шар, опоясанный транспарантом, и на нем надпись: «Держитесь подальше!»

Покрывшись испариной, Лютер следил за лестницей.

Ха-ха! – безжалостно ответил Фогель. Его крупное лицо на видеоэкране, установленном над телефонным аппаратом, выражало снисходительное понимание: он привык к чудачествам ученых.

Нет, вы послушайте! – отчаянно закричал Лютер, вытирая лоб трясущейся рукой. – Ведь вы меня знаете. Знаете, что я не лгун и не трепач. И никогда не говорю ничего такого, что не мог бы доказать. Так вот, я утверждаю: ныне, а возможно уже целое тысячелетие наша несчастная планета... А-а-а!... А-а-а!

Из повисшей на шнуре трубки раздался встревоженный крик:

– Лютер! Лютер! Что с вами?

Доктор Ганс Лютер не ответил. Медленно повалившись на колени, он поднял странно поблескивающие глаза к потолку, потом упал на бок. Медленно, очень медленно провел языком по губам – раз, второй. Смерть его наступила в зловещей тишине.

На видеоэкране дергалось лицо Фогеля. Из раскачивающейся трубки еще долго раздавался взволнованный писк, который здесь уже никто не мог услышать.

Билл Грэхем ничего не знал об этих трех трагедиях, случившихся раньше. Зато он знал про Мейо. Все произошло у него на глазах.

Дело было в Нью-Йорке. Он шел по Западной Четырнадцатой улице и вдруг, случайно взглянув на отвесную стену Мартин Билдинг, увидел, как мимо двенадцатого этажа пролетела человеческая фигура.

Раскинув руки, дергаясь и вращаясь, тело беспомощно, как мешок тряпья, падало вниз. Ударившись о тротуар, оно подпрыгнуло футов на девять. Раздался звук – нечто среднее между хрустом и хлопанием. Асфальт выглядел так, как будто по нему шлепнули гигантской окровавленной губкой.

Толстуха, шествовавшая навстречу Грэхему, застыла как вкопанная ярдах в двадцати от него. Уставилась на пятно и распростертое на асфальте тело. Лицо ее позеленело. Выронив сумочку, женщина опустилась на тротуар, закрыла глаза и что-то невнятно забормотала. Около сотни пешеходов образовали вокруг изувеченного трупа быстро сжимающееся кольцо. Толкаясь и напирая, они так и пожирали несчастного глазами.

Лица у трупа не было. Выше окровавленной одежды виднелась жуткая маска, по цвету похожая на взбитую чернику со сливками. Нагнувшись над телом, Грэхем не ощутил особых эмоций: на войне доводилось видеть и кое-что пострашнее.

Его сильные смуглые пальцы скользнули в липкий от крови жилетный карман погибшего и извлекли перепачканную визитную карточку. Пробежав глазами текст, Грэхем не удержался и тихонько присвистнул от удивления:

– Профессор Уолтер Мейо! Вот это неожиданность!

Но к нему сразу же вернулось обычное самообладание. Бросив последний взгляд на бранные останки, распростертые у его ног, он стал пробираться сквозь все прибывающую, бурлящую толпу. Вихрем миновав вращающиеся двери Мартин Билдинг, он устремился к пневматическим лифтам.

Пока круглая одноместная площадка стремительно несла его вверх, Грэхем, машинально вертя в руках карточку, старался разобраться в беспорядочных мыслях, роившихся у него в голове. Надо же! Чтобы такое случилось именно с Мейо...

На шестнадцатом этаже площадка подпрыгнула как мячик и со вздохом остановилась. Грэхем бросился по коридору и, добежав до двери, ведущей в лабораторию Мейо, застал ее распаханной. Внутри никого не было. Все выглядело вполне чинно и мирно, никаких следов беспорядка.

На длинном тридцатифутовом столе громоздился сложный агрегат, в которой Грэхем узнал установку для сухой перегонки. Он пощупал реторты – холодные. Похоже, что эксперимент так и не начался.

Пересчитав колбы, он сделал вывод: аппарат предназначался для получения продукта шестнадцатой фракции. Затем открыл дверцу электрической печи и обнаружил исходное сырье – сухие листья. Судя по виду и запаху, это было какое-то

лекарственное растение.

Ветерок, залетавший в широко раскрытое окно, шевелил бумаги на письменном столе. Грэхем подошел к окну, глянул вниз и увидел толпу, окружившую четверых в синей форме и безжизненное тело. К тротуару подруливал фургон скорой помощи. Грэхем нахмурился.

Оставив окно открытым, он торопливо просмотрел бумаги, разбросанные на столе покойного профессора, но не нашел ничего, что смогло бы удовлетворить его бесцельное любопытство. Еще раз мельком оглядел комнату и вышел. Спускаясь на лифте, он пронесся мимо двух полицейских, которые поднимались ему навстречу.

В вестибюле выстроилась шеренга телефонных кабин. Грэхем вошел в одну из них и набрал номер. На круглом экране появилось миловидное девичье личико.

– Хетти, соедини-ка меня с мистером Сангстером.

– Хорошо, мистер Грэхем.

Девушка исчезла, уступив место мужчине с тяжеловатыми чертами лица.

– Мейо умер, – напрямик выпалил Грэхем. – Выпал из окна Мартин Билдинг минут двадцать назад. Пролетел шестнадцать этажей и приземлился чуть ли не у моих ног. Узнать его невозможно – разве что по шрамам на руках.

– Самоубийство? – кустистые брови собеседника поползли вверх.

– На первый взгляд, похоже, – согласился Грэхем. – Только я так не думаю.

– Почему?

– Потому что я достаточно хорошо знал Мейо. Когда я работал инспектором по связям между учеными и Ведомством целевого финансирования США, мне пришлось регулярно встречаться с ним в течение десяти лет. Вы, может быть, помните, что я четыре раза выбивал ему субсидии для продолжения работы.

– Да-да, – кивнул Сангстер.

– Большинство ученых – вообще народ малоэмоциональный, – продолжал Грэхем. – Так вот, Мейо был, пожалуй, самым флегматичным из всех. – Он взглянул собеседнику прямо в глаза. – Поверьте мне, сэр, Мейо был просто не способен покончить с собой – во всяком случае, находясь в здравом уме.

Я вам верю, – без тени колебания сказал Сангстер. – Что, по-вашему, нужно сделать?

– У полиции есть все основания считать это рядовым самоубийством. И я тут не могу вмешиваться. ведь у меня нет никаких официальных полномочий. Полагаю, нужно сделать все возможное, чтобы полиция не закрыла дело, пока не будет проведено самое тщательное расследование. Нужно проверить все до мелочей.

– Все будет так, как вы скажете, – заверил его Сангстер. Он придвинулся ж камере, его грубоватое лицо на экране увеличилось. – Этим займутся соответствующие службы.

– Спасибо, сэр, – ответил Грэхем.

– Не за что. Вы занимаете свою должность именно потому, что мы всецело полагаемся на ваше мнение. – Он опустил глаза и стал рассматривать что-то на столе, остававшемся за пределами экрана. Послышался шелест бумаги. – Сегодня произошло нечто похожее на случай с Мейо.

– Что? – воскликнул Грэхем.

Умер доктор Ирвин Уэбб. Мы имели с ним дело два года назад субсидировали его, чтобы он смог закончить одно исследование. В итоге наше Министерство обороны получило самонастраивающийся оптический прицел, основанный на принципе магнитного поля.

– Как же, прекрасно помню.

– Уэбб умер час назад. Нам позвонили из полиции, потому что у него в бумажнике нашли наше письмо. – Лицо Сангстера омрачилось. – Обстоятельства его смерти вызывают недоумение. Медицинский эксперт утверждает, что он умер от сердечного приступа, и в то же время он испустил дух, стреляя в пустоту.

– Стреляя в пустоту? – недоверчиво переспросил Грэхем.

– В руке у него был пистолет, и он всадил две пули в стену своего кабинета

– Ну и дела!

– С точки зрения благосостояния и научного прогресса нашей страны, – продолжал Сангстер, тщательно взвешивая каждое слово, – смерть таких талантливых ученых, как Мейо и Уэбб, имеет слишком большое значение, чтобы мы могли пустить дело на самотек, тем более что присутствуют некие загадочные обстоятельства. Случай с Уэббом представляется мне более странным. И я хочу, чтобы им занялись вы. Желательно, чтобы вы лично просмотрели все документы, которые после него остались. Возможно, там окажется какая-то зацепка.

– Но для полиции я – человек со стороны.

– Офицера, который ведет это дело, уведомят, что у вас есть правительственный допуск на ознакомление со всеми бумагами Уэбба.

– Отлично, сэр. – Грэхем повесил трубку, к лицу Сангстера исчезло с экрана. – Сначала Мейо, а теперь Уэбб!

Уэбб лежал на ковре, на полпути между окном и дверью. Он покоился на спине, зрачки закатились под верхние веки. Окоченевшие пальцы правой руки все еще сжимали вороненый автоматический пистолет, заряженный разрывными сегментными пулями. На стене виднелось восемь отметин – россыпь выбоин там, где четвертинки разорвавшихся пуль вошли в цель.

– Он стрелял в какой-то предмет, находившийся вот на этой линии, – сказал лейтенант Воль, натягивая шнур от центра выбоин к точке, расположенной четырьмя-пятью футами выше лежащего тела.

– Похоже на то, – согласился Грэхем.

– Только там ничего не было, – заявил Воль. – Когда началась пальба, по коридору проходило с полдюжины людей. Они тут же ворвались в комнату и обнаружили его лежащим на полу при последнем издыхании. Он все пытался что-то сказать, но язык его уже не слушался. Никто не мог войти в кабинет или выйти из него незамеченным. Мы допросили шестерых свидетелей – все они вне подозрений и потом, медицинский эксперт ведь сказал, что это сердечный приступ.

– Может быть, и так, – уклончиво ответил Грэхем, – а может, и нет.

Едва он произнес эти слова, как по комнате пролетел ледяной вихрь. По спине у Грэхема поползли мурашки, волосы на голове зашевелились – и все прошло. Осталось внутреннее ощущение смутного беспокойства, как у кролика, который чувствует незримое присутствие затаившегося поблизости ястреба.

– И все равно, что-то тут не чисто, – не унимался Воль. – Нюхом чую, что у этого Уэбба были галлюцинации. Но я и жизни не слышал, чтобы галлюцинации случались от сердечного приступа, поэтому даю голову на отсечение: он принял какую-то дрянь, от которой все разом и приключилось.

– Вы хотите сказать, что он был наркоманом? – с сомнением в голосе осведомился Грэхем.

– Вот именно! Держу пари: вскрытие покажет, что нюх меня не подвел.

– Дайте мне знать, если ваша догадка подтвердится, – попросил Грэхем.

Открыв стол Уэбба, он стал просматривать аккуратно подшитые папки с перепиской. Там не оказалось ничего такого, что смогло бы удовлетворить его интерес или привлечь особое внимание. Все письма без исключения были обыденными, пресными, почти нудными. Он сложил папки на место. На лице его было написано разочарование.

Закрыв стол, Грэхем обратил внимание на огромный, встроенный в стену сейф. Воль передал ему ключи.

– Они были у него в правом кармане. Я бы сам порылся в сейфе, да мне велели воздержаться до вашего прихода.

Грэхем кивнул и вставил ключ в замок. Тяжеленная дверь медленно повернулась на шарнирах, открыв внутренность шкафа. У Грэхема и Воля одновременно вырвался возглас изумления. Прямо перед ними висел большой лист бумаги, на котором торопливым почерком было нацарапано: «Постоянная бдительность – вот нереальная цена свободы. Если меня не станет, свяжитесь с Бьернсеном».

– Кто, черт возьми, этот Бьернсен? – выпалил Грэхем, срывая лист со стены.

– Понятия не имею. Никогда о нем не слышал. – Воль с нескрываемым удивлением уставился на записку, потом сказал: – Дайте-ка ее мне. На листе сохранились следы надписи с предыдущей страницы. Взгляните – отпечатки довольно глубокие! Нужно осветить надпись параллельными лучами света и посмотреть, не удастся ли получить рельефное изображение. Если повезет, мы легко прочитаем, что там было написано.

Подойдя к двери, Воль передал бумагу кому-то из коллег и сделал краткие распоряжения.

Следующие полчаса они составляли подробную опись содержимого сейфа с единственным результатом: оказалось, что Уэбб был отчаянным педантом и уделял самое пристальное внимание финансовой стороне своей деятельности.

Рыская по комнате, Воль обнаружил на каминной решетке кучку золы. Она была растерта в тончайшую пыль, так что не было ни малейшего шанса восстановить написанное. Осталась лишь пыль слов, когда-то полных смысла, теперь же – недостижимых.

– Каминные решетки – реликвия двадцатого века, – изрек Воль. – Похоже, доктор специально сохранил решетку, чтобы жечь на ней документы. Видно, было что скрывать. Только вот что? И от кого? – Зазвенел телефон, и он добавил, снимая трубку: – Если это полицейское управление, то, может быть, там сумеют ответить на мои вопросы.

Действительно, звонили из управления. На маленьком экране появилось лицо полицейского. Воль нажал на кнопку усилителя, чтобы Грэхему тоже было слышно.

– Удалось восстановить слова на том листке, который вы нам передали, – сказал

офицер. – Текст довольно бессвязный, но для вас он, возможно, что-нибудь да значит.

– Читай, – приказал Воль Он весь обратился в слух. Полицейский стал читать отпечатанный на машинке текст.

«Особенно восприимчивы моряки. Необходимо более подробно разработать эту проблему и получить сравнительные данные по экипажам морских судов и сельским жителям. Скорость оптической фиксации у них должна быть разной. При первой же возможности проверить эти показатели. Еще нужно уговорить Фосетта, чтобы он дал статистику распространенности зоба среди сумасшедших, в особенности – шизофреников. В его лечебнице собака зарыта, только ее нужно откопать».

Полицейский поднял взгляд от бумаги:

Тут всего два абзаца. Это – первый.

– Давай дальше, приятель, – нетерпеливо прервал его Грэхем. Офицер продолжил чтение. Все это время Грэхем не сводил глаз с экрана. На лице Воля все явственнее проступало недоумение.

«Между самыми неожиданными и, казалось бы, разнородными случаями существует реальная связь. Нити, соединяющие странные явления, слишком тонки, чтобы их можно было заметить. Шаровые молнии, воющие собаки и ясновидящие, которые вовсе не так просты, как мы полагаем. Вдохновение, душевный подъем и вечная одержимость. Колокола, звонящие сами собой, корабли, исчезающие среди бела дня, лемминги, мигрирующие в долину смерти. Свары, злоба, ритуальная болтовня, пирамиды с невидимыми вершинами... Все это можно было бы принять за кошмарную стряпню сюрреалистов последнего разбора, если бы только я не знал, что Бьернсен был прав, устрашающе прав! Это картина, которую необходимо показать всему миру – если такое зрелище не приведет к бойне!»

– Ну, что я вам говорил? – спросил Воль, выразительно постукивая себя по лбу. – Типичный бред наркомана!

– Ладно, разберемся. – Приблизив лицо к телефонному сканнеру, Грэхем сказал офицеру. Спрячьте бумагу, чтобы она была в полной сохранности. Сделайте еще две машинописные копии. Пусть их перешлют Сангстеру, начальнику Ведомства целевого финансирования США, в его здешний офис, что находится в здании Манхэттенского банка.

Он отключил усилитель и повесил трубку. Телеэкран погас.

– Если не возражаете, я зайду в управление вместе с вами, – сказал он Волю.

Они вышли вместе – Воль, уверенный, что это работа для отдела по борьбе с наркотиками, и Грэхем, погруженный в размышления о том, могут ли эти смерти, несмотря на сопутствующие загадочные обстоятельства, объясняться естественными причинами. Переходя дорогу, оба почувствовали какое-то странное нервное возбуждение – будто кто-то заглянул в их мысли, ухмыльнулся и был таков.

ГЛАВА 2

В управлении никаких новостей не оказалось. Дактилоскописты уже вернулись из лаборатории Мейо и офиса Уэбба и успели проявить и отпечатать снимки. Отпечатков была тьма: одни четкие, другие смазанные. Чтобы их получить, пользовались в основном алюминиевой пудрой; для нескольких следов, оставленных на волокнистой

поверхности, пришлось прибегнуть к парам йода. Подавляющее большинство отпечатков принадлежало самим ученым. Остальные в полицейских картотеках не значились.

Следователи со всей дотошностью обыскали помещения, где были найдены трупы, но не нашли ни единой мелочи, способной возбудить их подозрения и подтвердить сомнения Грэхема о чем они и доложили с едва заметным раздражением людей, вынужденных попусту тратить время ради чужой прихоти.

– Одна надежда на вскрытие, – заявил наконец Воля – Если Уэбб действительно баловался наркотиками, тогда все яснее ясного. Он умер, пытаясь прикончить бредовый плод собственного воображения.

– А что же Мейо – прыгнул в воображаемую ванну? – поддел его Грэхем.

– Что-что? – на лице Воля отразилось недоумение.

– Пусть на вскрытие отправят обоих, если, конечно, удастся что-нибудь сделать с тем, что осталось от Мейо. – Грэхем взял шляпу. Его темно-серые глаза пристально взглянули в голубые глаза Воля. – Позвоните Сангстеру и доложите ему результаты – Он стремительно вышел, как всегда энергичный и решительный.

На углу улиц Пайн и Нассау громоздилась куча искореженного металла Грэхем бросил взгляд вверх kloкочущей толпы и увидел два разбитых гиромобилия, которые, как видно, пострадали от лобовом столкновения. Толпа быстро росла. Люди встали на цыпочки, напирала, слышался взволнованный гомон. Проходя мимо, Грэхем кожей ощущал исходившее от них психопатическое возбуждение. Он как будто преодолевал незримое поле чужих вибраций. Ох уж это стадное чувство!

«Несчастье для толпы – все равно, что мед для мух», – подумалось ему.

Войдя под своды тяжеловесной громады Манхэттенского банка, он поднялся на пневматическом лифте на двадцать четвертый этаж Толкнул дверь с золоченой надписью, поздоровался с Хетти, рыжеватой блондинкой, сидевшей за коммутатором, и направился к двери с табличкой «М-р Сангстер». Постучался и вошел.

Сангстер молча выслушал подробный отчет. Наконец Грэхем сказал:

– Вот и все. Единственное, что у нас остается, – это мои сомнения по поводу Мейо да необъяснимые выстрелы Уэбба.

– Есть еще неизвестный нам Бьернсен, – не замедлил напомнить Сангстер.

– Да. Полиции пока не удалось с ним связаться. Скорее всего, просто не хватило времени.

А нет ли Уэббу на почте каких-нибудь писем от этого Бьернсена?

– Нет. У нас была такая мысль Лейтенант Воля уже звонил и спрашивал. Ни почтальон, ни сортировщики не припоминают писем от отправителя по фамилии Бьернсен. Конечно, этот неизвестный, кем бы он ни был, мог и не посылать писем. Или же на конверте могла не стоять его фамилия. Вся корреспонденция Уэбба – пара ничем не примечательных писем от ученых, с которыми он дружил еще со студенческой скамьи. – Похоже, большинство ученых ведет обширную, но довольно нерегулярную переписку с коллегами, в особенности с экспериментаторами, исследующими аналогичные проблемы.

– Не исключено, что Бьернсен – один из них, – подсказал Сангстер.

– А ведь это мысль! – Грэхем на секунду задумался, потом снял трубку. Он набрал

номер, рассеянно нажал на кнопку усилителя и моргнул от неожиданности, когда трубка загрохотала прямо ему в ухо. Положив ее на стол Сангстера, он произнес в микрофон:

– Смитсоновский институт? Мне нужен мистер Гарриман.

На экране появилось лицо Гарримана. Его темные глаза смотрели прямо на них.

– Привет, Грэхем! Чем могу быть полезен?

– Уолтер Мейо умер, – сказал Грэхем.

– Ирвин Уэбб – тоже. Скончались утром, один за другим.

На лице Гарримана появилось печальное выражение. Вкратце рассказав ему о случившемся, Грэхем спросил:

– Вы случайно не знаете ученого по фамилии Бернсен?

– Как же! Он умер семнадцатого.

Умер?! – Грэхем и Сангстер вскочили с мест. – А в его смерти не было ничего странного? – мрачно осведомился Грэхем.

– Насколько мне известно, нет. Он был уже стар и давно пережил отпущенный ему век. А в чем дело?

– Да так, ни в чем. Что еще вы о нем знаете?

– Он швед, специалист по оптике, – ответил явно заинтригованный Гарриман. – Его карьера пошла на убыль лет двенадцать назад. Кое-кто полагает, что он впал в детство. Когда он умер, в нескольких шведских газетах появились некрологи, но в нашей прессе никаких упоминаний я не встречал.

– Что-нибудь еще? – настаивал Грэхем?

– Да ничего особенного. Он не был такой уж знаменитостью. Если мне не изменяет память, он сам ускорил свой закат, когда выставил себя на посмешище с тем докладом на международном научном съезде в Бергене в 2003 году. Какая-то сплошная ересь о пределах зрительного восприятия, замешенная на джиннах и привидениях. Ганс Лютер тогда тоже навлек на себя всеобщее недовольство – ведь он, единственный из более или менее известных ученых, принял Бьернсена всерьез.

– А кто такой Ганс Лютер?

– Немецкий ученый, светлая голова. Только он тоже умер, вскоре после Бьернсена.

Как, еще один?! – разом вскричали Сангстер с Грэхемом.

А что тут собственно такого? – Разве ученые вечны? Они тоже умирают, как и все остальные, ведь так?

– Когда они умирают, как все остальные, мы приносим соболезнования и не питаем никаких подозрений, – отрезал Грэхем. – Сделайте одолжение, Гарриман, составьте мне список ученых, пользовавшихся международной известностью, которые умерли после первого мая, а к нему – все достоверные факты, которые удастся откопать.

Гарриман удивленно заморгал.

Хорошо, позвоню вам, как только управлюсь, – пообещал он и отключился. Но почти сразу же появился снова: – Забыл сказать вам насчет Лютера. Говорят, что он умер в своей дортмундской лаборатории, бормоча какой-то несусветный вздор редактору местной газеты. С ним случился сердечный приступ. В качестве причины смерти называют старческое слабоумие и сердечное истощение. И то и другое вызвано

переутомлением.

Не в силах скрыть любопытство, он явно тянул время, ожидая реакции собеседников. Потом не выдержал, еще раз повторил:

– Позвоню, как только управлюсь, – и повесил трубку.

– Дальше в лес – больше дров, – заметил Сангстер. – Он плюхнулся на стул и откинулся на спинку, балансируя на задних ножках. Лицо его недовольно нахмурилось. – Если кончину Мейо и Уэбба нельзя объяснить естественными причинами, то сверхъестественными их и подавно не назовешь. Отсюда следует, что единственная оставшаяся возможность – обычное и откровенное убийство.

– А мотивы? – осведомился Грэхем.

– То-то и оно! Спрашивается, где повод? Его просто нет! Я еще могу допустить, что полдюжины стран сочли бы массовое уничтожение лучших умов Америки удачной прелюдией к войне. Но когда выясняется, что в дело втянуты ученые Швеции и Германии, – к тому же не исключено, что в списке, над которым сейчас трудится Гарриман, окажутся представители еще дюжины национальностей, – то вся ситуация до того запутывается, что начинает отдавать чистой фантастикой. – Взяв машинописную копию записей Уэбба, он с недовольным видом помахал бумагой в воздухе. – Вроде этой вот галиматши. – Он задумчиво посмотрел на погруженного в невеселые мысли Грэхема. – Ведь это ваши подозрения заставили нас броситься в погоню, а за чем – одному Богу известно. За ними хоть что-нибудь стоит?

– Нет, . – признался Грэхем. – Ничего. Пока не удалось обнаружить никаких фактов, на которых можно было бы построить мало-мальски правдоподобную версию. Откопать побольше деталей – вот моя задача.

– Где же?

– Я собираюсь повидать Фосетта, которого Уэбб упоминает в своих записях. Он наверняка сможет рассказать кое-то интересное.

– Вы что, знаете Фосетта?

– Даже не слышал о нем. Но доктор Кертис, сводная сестра Уэбба, может устроить нам встречу. Я хорошо знаком с доктором Кертис.

Тяжелые черты Сангстера медленно расплылись в усмешке.

– Насколько хорошо? – поинтересовался он

– Не так хорошо, как хотелось бы, – ухмыльнулся в ответ Грэхем.

Вот оно что! Сочетаете приятное с полезным? – Сангстер небрежно махнул рукой. – Что ж, желаю удачи. Как только откопаете нечто более существенное, чем одни подозрения, мы сразу же подключим к делу Федеральное бюро расследований

– Посмотрим, что получится. – Грэхем уже подошел к двери, когда раздался телефонный звонок. Держась одной рукой за дверную ручку, другой он снял телефонную трубку, положил ее на стол, переключил усилитель.

На экране засветилось лицо Воля. Он не мог видеть Грэхема, который находился за пределами угла обзора камеры, и поэтому говорил, обращаясь к Сангстеру.

– Похоже, что Уэбб страдал чесоткой.

– Чесоткой? – в замешательстве переспросил Сангстер. – С чего вы взяли?

– Он разукрасил йодом всю левую руку, от локтя до плеча.

Какого черта? – Сангстер бросил умоляющий взгляд на безмолвствующего

Грэхема.

– Понятия не имею. С рукой вроде– бы все в порядке. У меня такая версия: или у него была чесотка, или он таким образом удовлетворял свои художественные наклонности. – Суровое лицо Воля искривила скупая умешка – Вскрытие еще не закончено, только я подумал, что стоит сообщить вам об этом. Если вы сдаетесь, я готов вам загадать не менее дурацкую загадку.

– Кончай, парень, – обрезал его Сангстер.

– У Мейо тоже была чесотка.

– Ты что же, хочешь сказать, что он тоже разрисовал себе руку?

– Ну да, йодом, – злорадно подтвердил Воль. – Левую – от локтя до плеча.

Зачарованно глядя на экран, Сангстер сделал долгий глубокий вдох

– Благодарю, – сказал он. Повесил трубку и с тоской посмотрел на Грэхема.

– Я пошел, – сказал тот.

На лице у доктора Кертис было строгое профессиональное выражение спокойной уверенности, которое Грэхем предпочитал игнорировать. Еще у нее была копна непокорных черных кудрей и приятная округлость форм, коими он восхищался столь неприкрыто, что это неизменно выводило ее из себя.

– Весь последний месяц Ирвин вел себя очень необычно, – проговорила она, подчеркнуто стараясь сосредоточить внимание Грэхема на цели его визита. – Он не захотел мне довериться, а ведь а так старалась ему помочь. Боюсь, он принял мой интерес за проявление женского любопытства. В прошлый четверг его и без того странное состояние еще больше обострилось: он уже не мог скрыть, что чего-то опасается. Я стала бояться, что он на грани нервного срыва, и посоветовала ему отдохнуть.

Что же из произошедшего в тот четверг могло так его встревожить?

– Ничего, – уверенно ответила она – Во всяком случае, ничего такого, что могло бы столь серьезно на него повлиять и совсем вывести из равновесия. Конечно, его очень опечалила весть о смерти доктора Шеридана, и все-таки не понимаю, почему же.

– Простите, – перебил ее Грэхем, – а кто такой Шеридан?

– Старый приятель Ирвина, английский ученый. Он умер в прошлый четверг, насколько мне известно, от сердечного приступа.

– Еще один! – вырвалось у Грэхема.

– Не поняла, – большие черные глаза доктора Кертис удивленно распахнулись.

– Это я так, к слову, – уклончиво ответил Грэхем. Потом подался вперед, на его художавом лице появилось решительное выражение. – Нет ли у Ирвина друга или знакомого по фамилии Фосетт? – спросил он.

Ее глаза распахнулись еще шире:

– Как же, доктор Фосетт. Он врач, практикует в Государственной психиатрической клинике и живет там же при ней. А что, он имеет какое-то отношение и смерти Ирвина?

– Ну конечно, нет. – Грэхем отметил явное замешательство, омрачившее ее обычную невозмутимость. Он почувствовал искушение воспользоваться им и задать ей еще несколько вопросов. Но какой-то неуловимый подсознательный сигнал, какое-то смутное предчувствие опасности удержали его. Повинуясь внутреннему

импульсу и при этом ощущая себя круглым дураком, он продолжил беседу.

– Наше ведомство проявляет особый интерес к работе вашего брата, и в связи с его трагической кончиной нам еще предстоит кое-что выяснить.

По-видимому, его слова удовлетворили доктора Кертис, и она протянула ему прохладную ладонь:

– Всегда рада вам помочь.

Он так долго не отпускал ее руку, что ей пришлось самой прервать рукопожатие.

– Вы и так помогаете, постоянно укрепляя мою моральную устойчивость, – укоризненно произнес он.

Попрощавшись, Грэхем сбежал по лестнице, соединявшей двадцатый этаж, где располагалось отделение хирургии, с уровнем «воздушки» – скоростного шоссе, протянутого на мощных опорах в трехстах футах над землей.

Полицейский гиромобиль с визгом притормозил у клиники и остановился как раз в тот момент, когда Грэхем достиг подножия лестницы.

Из бокового окна показалась голова лейтенанта Вола.

– Сангстер сказал мне, что вы здесь, – объяснил ой. – Вот я и заехал, чтобы вас прихватить.

– Что новенького? – спросил Грэхем, залезая в длинную машину. – Вид у вас, как у ищейки, взявшей след.

Кто-то из ребят обнаружил, что свой последний телефонный звонок и Мейо, и Уэбб адресовали одному и тому же ученому мужу по фамилии Дейкин. – Воль нажал на рычаг акселератора, и мощная двухместная машина рванулась вперед; тихонько запел спрятанный под капотом гироскоп. – Так вот, этот Дейкин живет на Уильям стрит, как раз по соседству с вашей берлогой. Вы его знаете?

– Как самого себя. Да и вы должны его знать.

– Я? С какой стати?

Воль крутанул рулевое колесо, с обычной для полицейских бесшабашностью одолевая поворот. Гиромобиль устойчиво держал курс, – седоков же резко швырнуло в сторону. Грэхем ухватился за поручень. Когда лейтенант пулей обогнал четыре машины, мчавшиеся по воздушке, водителей чуть не хватил столбняк, и они еще долго ошарашенно глазели вслед.

Переведя дух, Грэхем спросил:

– Когда полиция отказалась от муляжей при изготовлении слепков?

– Да уж лет пять, – Воль решил щегольнуть своей осведомленностью. – Теперь мы снимаем отпечатки стереоскопической камерой. Чтобы получить рельефные отпечатки на волокнистых материалах, их снимают в параллельных лучах света.

– Знаю-знаю. Но почему теперь стали применять именно этот метод?

– Потому что он удобнее и к тому же абсолютно точен.

– Его стали использовать с тех пор, как был открыт метод измерения глубины стереоскопического изображения при помощи... Фу ты, черт – бросив на спутника смущенный взгляд, он закончил – При помощи стереоскопического верньера Дейкина.

– Вот именно. Это и есть тот самый Дейкин. Наше ведомство финансировало его работу. И довольно часто за свои денежки мы имели неплохие результаты.

Воль воздержался от дальнейших высказываний и целиком сосредоточился на управлении Уильям стрит стремительно приближалась Ее небоскребы напоминали шагающих навстречу великанов.

Сделав крутой вираж, сопровождавшийся отчаянным визгом покрышки заднего колеса, гиромобиль скользнул с воздушки на спиральный спуск и стал с головокружительной скоростью отсчитывать витки.

Так же стремительно они вылетели на нижний уровень. Воль выровнял машину и сказал:

– Хороша карусель – как раз по мне!

Грэхем проглотил подобающую реплику, уже готовую сорваться с языка. Его внимание привлек стройный корпус приближающегося гиромобиля, длинный и низкий, отделанный бронзой и алюминием. Он молнией промчался им навстречу по Уильям стрит, проскочил мимо, со свистом тараня воздух, взлетел по пандусу к спирали, по которой они только что спустились. Когда он проносился мимо, зоркие глаза Грэхема уловили бледное, осунувшееся лицо и застывший взгляд, устремленный вперед сквозь лобовое стекло машины.

– Вот он! – отчаянно крикнул Грэхем. – Скорее, Воль, – это же Дейкин!

Воль резко рванул руль, разворачивая гиромобиль на месте, потом врубил мощное динамо. Машина прыгнула вперед, нырнула в узкую щель между двумя спускающимися мобилями и бешено устремилась вверх по пандусу.

– Он опережает нас на шесть витков, сейчас будет наверху – подгонял Грэхем.

Понимающе хмыкнув, Воль налег на рычаги, и быстроходная полицейская машина стремительно полетела вверх по спирали. На пятом повороте перед ними вырос допотопный четырехколесный автомобиль. Занимая середину желоба, он на скорости тридцать миль с трудом одолевал подъем. Воль устроил импровизированную демонстрацию подавляющего преимущества двух полноприводных колес над четырьмя. Яростно ругаясь, он вильнул, прибавил газу и обошел драндулет на скорости пятьдесят миль предоставив водителю трястись себе дальше.

– Как гигантская серебряная пуля, гиромобиль вылетел со спирали на воздушку и, распутав стайку частных машин, оставил их далеко позади. Ба спидометре было уже девяносто.

Сверкая бронзой и алюминием и опережая их на полмили, объект преследования с ревом взял подъем и возглавил гонку.

– Так мы все батареи угробим! – проворчал Воль, нажимая на рычаг экстренной мощности.

Гиромобиль прибавил скорость. Стрелка спидометра задрожала на отметке сто. Гироскоп под капотом гудел, как рой рассерженных пчел. Сто десять. Круглые стойки ограждения воздушки слились в один сплошной забор. Сто двадцать.

– Рампа главной развязки! – предупредил Грэхем.

– Если он сиганет с нее во весь опор, то пролетит футов сто, не меньше, – пробурчал Воль. Прищурившись, он напряженно всматривался вдаль. – Гироскоп обеспечит ему ровное приземление, да только шины все равно не спасет. Одна-то уж наверняка лопнет. Ведь он гонит, как одержимый!

– Потому-то и ясно, что дело тут не чисто. – Центробежная сила заставила Грэхема задержать дыхание. Они обошли еще одну четырехколесную колымагу. В эту краткую

долю секунды ее водитель все же успел жестах выразить свои чувства.

– Нужно запретить всей этой рухляди выползать на воздушку, – ворчливо заметил Воль. Взгляд его был устремлен вперед. Сияющий контур преследуемой цели бешено мчался по плавной кривой, подводящей к главной развязке. – Мы отыграли сотню ярдов, но он жмет на пределе, к тому же у него спортивная модель. Можно подумать, что за ним кто-то гонится.

– Мы, например, – сухо вставил Грэхем. Не спуская глаз с зеркала заднего обзора, он прикидывал в уме вероятность того, что Дейкина преследует кто-то еще, кроме них. От кого же все-таки пытается спастись Дейкин? В кого стрелял Уэбб, так бесстрашно встретивший смерть? Что погубило Бьернсена и отчего Лютер испустил дух, бормоча что-то несусветное?

Он прервал свои бесплодные размышления и отметил, что позади никакой погони нет. Потом, увидев над прозрачной крышей кабины какую-то темную тень, поднял глаза. Над ними, вращая винтами, завис полицейский вертолет. Всего ярд отделял его колеса от верха мчащегося гиомобиля.

Несколько секунд обе машины шли вровень Воль начальственным жестом указал на полицейский знак на капоте, потом выразительно махнул в сторону бешено несущейся впереди машины.

Пилот показал, что все понял; вертолет взмыл вверх и прибавил скорость. Перевалив через высокие крыши, машина с ревом устремилась вперед, отчаянно пытаясь срезать поворот воздушки и перехватить Дейкина у развязки.

Даже не сбросив газ, Воль взял поворот на скорости сто двадцать. Шины жалобно взвизгнули, преодолевая боковое сопротивление. Грэхем тяжело навалился на дверцу, на него всем своим весом обрушился Воль. Центробежная сила не давала им пошевелиться, а гироскоп из последних сил пытался удержать машину в вертикальном положении. Все же шины не выдержали и гиомобиль выписал головокружительную двойную восьмерку. Он подпрыгнул, как краб, всего на волосок разминувшись с еле тащившейся развалюхой, прорвался между двумя гиомобилями, оторвал крыло у подпрыгивающего авто и врезался в ограждение.

Воль, как рыба, хватал воздух ртом, пытаясь вдохнуть. Он кивком указал на рампу, где воздушка нависала над другим шоссе, пересекаясь с ним под прямым углом.

– Боже правый! – выдохнул он. – Вы только взгляните!

С их точки казалось, что впереди, ярдах в четырехстах от них, вершина рампы врезается прямо в крошечные оконца дальних зданий. Машина Дейкина находилась как раз в центре возвышения, над ней беспомощно висел полицейский вертолет. Но мчащийся гиомобиль, миновав подъем, не скрылся из глаз, как можно было ожидать при обычных обстоятельствах. Казалось, он медленно парит в воздухе – между его колесами и вершиной рампы виднелся ряд оконных проемов. На какое-то томительное мгновение он застыл в таком подвешенном положении чуть ниже вертолета, как будто бросив вызов закону всемирного тяготения. Потом с такой же сверхъестественной медлительностью исчез из вида.

– Спятил! – выдохнул Грэхем, отирая испарину со лба. – Окончательно и бесповоротно!

Он до отказа опустил боковое стекло. Оба напряженно и тревожно прислушивались. Из-за рампы донесся пронзительный скрежет раздираемого металла. Мгновение

тишины – потом приглушенный удар.

Не сказав ни слова, они выбрались из покореженного гиромобиля и помчались по шоссе, одолевая длинный пологий подъем. В ограждении зияла тридцатифутовая брешь. Вокруг скопилась дюжина машин, в основном современные гиромобили. Бледные водители, уцепившись за погнутые стойки, пытались разглядеть что-нибудь внизу, на дне пропасти.

Протиснувшись вперед, Грэхем с Волею тоже перевесились через перила.

Там, далеко внизу, на противоположной стороне улицы, проходившей за нижним, поперечным шоссе, виднелась бесформенная груда металла – трагический финал погони. По фасаду здания, десятью этажами ниже того места, где они стояли, проходили глубокие борозды, оставленные рухнувшей машиной. Колея дороги, ведущей в мир иной..

Один из глазеющих водителей тараторил, не обращая ни ж кому в отдельности:

Кошмар, какой кошмар! Он, должно быть, рехнулся. Вылетел, как ядро из пушки, вдребезги разнес ограждение и врезался прямо вон в тот дом. Я слышал, как он туда впилился. – Он облизнул губы. – Что твой жук в консервной банке! Ну и загремел! Кошмар, да и только!

Говоривший выразил словами то, что ощущали все остальные. Грэхем чувствовал их волнение и страх. Их возбуждение, садистскую жажду впечатлений и эмоциональный подъем, сплывающий толпу, которая, как всегда в подобных случаях, уже начала собираться внизу, на дне трехсотфутовой пропасти.

«А ведь массовая истерия – заразная штука, – думал Грэхем, ощущая, как она вздымается, словно незримый дымок какого-то дьявольского куренка. – Так можно и поддаться. Обычно трезвый человек может в толпе ненароком опьянеть. Опьянеть от коллективных эмоций. Эмоции – невидимая отравка!»

Пока он стоял, как зачарованный, глядя вниз, его посетило иное чувство, прогнавшее эти мрачные раздумья, – страх, смешанный с ощущением вины. Так, наверное, чувствовал бы себя чужестранец, лелеющий опасные, наказуемые воззрения, доведись ему оказаться в некоей заморской стране, где за инакомыслие того и гляди вздернут на виселицу. Ощущение было столь сильным и острым, что ему пришлось основательно потрудиться, дабы обуздать свой ум. Оторвав взгляд от зрелища, открывавшегося с высоты, Грэхем толкнул Волю в бок, желая привлечь его внимания.

– Здесь больше делать нечего. Мы прошли за Дейкиним до самого финиша – и вот результат! Нам пора.

Волю неохотно попятился от провала. Заметив, что потерпевший неудачу вертолет садится на воздушку, он устремился к нему.

Волю, отдел по расследованию убийств, кратко отрекомендовался он. – Свяжитесь с Центральным управлением. Пусть мою машину отбуксируют для ремонта. Еще скажите им, что я скоро позвоню и передам рапорт.

Вернувшись ж группе водителей, которые все еще не разошлись, он опросил их и отыскал парня, направляющегося в сторону Уильям стрит. У того была древняя четырехколесная таратайка, с адским грохотом едва выжимавшая пятьдесят миль. Волю снисходительно принял предложение подбросить их до места и, презрительно сморщив нос, полез в кабину.

– Одни идут в ногу со временем, другие забегают вперед, а кое-кто безнадежно

отстает, – он брезгливо ковырнул потертую обивку сиденья. – Эта чертова колымага устарела еще в те времена, когда Туттик строил свои пирамиды.

– Тутанхамон не строил пирамид, – возразил Грэхем.

– Ну, тогда брат Тутика. Или его дядюшка. Или субподрядчик – какая разница?

Водитель выжал сцепление, и автомобиль с ревом рванулся с места, так что голова у Воля дернулась. Он выругался и с обиженным видом проговорил, обращаясь к Грэхему:

– Ведь почему я повсюду таскаюсь за вами следом? Мне, как любому работяге, приходится делать все, что ни прикажут. Только я никак не пойму что вы ищете и ищете ли что-нибудь вообще. Вашему ведомству стало известно что-то конкретное, не предназначенное для прессы?

– Нам известно не больше вашего. Все началось с того, что у меня возникли смутные подозрения, а мое начальство приняло их всерьез. – Грэхем задумчиво рассматривал выщербленное, пожелтевшее от времени ветровое стекло. – Я первый почувал неладное. И вот теперь за все заслуги мне придется либо докапываться до истины, либо трубить отбой.

Так, значит, это вам я должен отдать пальму первенства по части подозрений? – Воль подпрыгнул на сиденье и жалобно проговорил: – Кто бы видел: сыщик при исполнении – и на таком драндулете! Ну и дела! Все только и делают, что помирают, вот и мы трясемся на катафалке. – Он еще раз подпрыгнул. – Судя по тому, как все складывается, быть мне обваланным в перьях, и дело с концом! Но пока с головой у меня полный порядок, я остаюсь с вами.

– Спасибо, – Грэхем усмехнулся, разглядывая своего спутника. – Кстати, как тебя зовут?

– Арт.

– Спасибо, Арт! – повторил он.

ГЛАВА 3

Скрупулезный обыск квартиры Дейкина не принес никаких открытий: ни щемящей душу последней записки, ни спрятанных в тайнике записок, – ничего такого, что могло бы показаться хоть сколько-нибудь необычным. Этот путь к решению головоломной загадки завел в тупик.

Воль обнаружил грубую модель верньера, собранную руками самого изобретателя, и теперь развлекался тем, что проецировал ее стандартный стереоскопический куб на маленький экран. Крутя микрометрический фокусировочный винт, регулирующий перспективу куба, он то сжимал геометрический каркас до того, что тот начинал казаться совсем плоским, то растягивал его так, что он напоминал нескончаемый тоннель.

– Ловко! – приговаривал он.

Грэхем вышел из задней комнаты, держа в руке почти пустой пузырек с йодом.

– Я стал его искать опять же по наитию. Вот, стоял у него в аптечке вместе с целой кучей снадобий от всех мыслимых болезней. Лекарств там хватит на целый лазарет. Дейкин всегда был порядочным ипохондриком. – Он водрузил пузырек на стол и

мрачно уставился на него. – Так что это ничего не значит. – Его недовольный взгляд прошелся по комнате. – Мы здесь только время теряем. Я хочу повидать доктора Фосетта из Государственной психиатрической клиники. Подвезешь?

– Сначала звякну. – Воспользовавшись аппаратом Дейкина, Воль переговорил с управлением, повесил трубку и сказал Грэхему – Дейкина вскрывать не стали – там и вскрывать-то нечего. – Он убрал верньер на место, сунул пузырек в карман и открыл дверь. – Поехали! Стоит взглянуть на твою психушку. Как знать, может, когда-нибудь это будет наш дом, милый дом!

Над Гудзоном нависла тьма. Унылая луна хмуро взирала на мир сквозь рваные облака. словно желая составить контраст мрачному пейзажу, вдали вспыхивали кроваво-красные буквы пятидесятифутовой неоновой рекламы, через равные промежутки времени повторяя одно и то же радушное приглашение: ЗА ПИВОМ ВСЕГДА СПЕШИТЕ СЮДА! Взглянув на рекламу, Воль, сам того не замечая, облизнул губы. Нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед, они ожидали гиromобиль, который Воль вызвал по телефону.

Наконец, сверкая огнями фар, с гулом подъехала машина. Воль подошел к ней и сказал одетому в полицейскую форму водителю:

– Я сам поведу. Мы едем в Олбани.

Усевшись в водительское кресло, он подождал, пока Грэхем устроится рядом, и резко тронул машину с места.

– Мы, конечно, спешим, но уж не настолько, – предупредил его Грэхем.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Видишь ли, я предпочел бы добраться до места в целости, а не по частям. В разобранном виде я плохо функционирую.

– Каждый, кому ты садишься на хвост, тоже начинает плохо функционировать. Слушай, а ты ненароком не прикупил акций местного кладбища? – На упитанной физиономии Воля появилась выразительная ухмылка. – Правда, есть в твоём обществе и кое-что утешительное.

– Например?

– Можно быть уверенным, что умрешь на боевом посту.

Грэхем усмехнулся, но ничего не ответил. Машина прибавила скорость. Минут через двадцать, когда они брали очередной поворот, ему пришлось ухватиться за поручень И снова он промолчал. Они стремительно мчались на север и через несколько часов – неплохое время даже для Воля – прибыли в Олбани.

– Далековато я забрался от своих мест, – заметил Воль, когда они подруливали к цели путешествия. – Потому будем считать, что я здесь неофициально. Просто-напросто ты захватил с собой приятеля.

Новые корпуса Государственной психиатрической клиники, выдержанные в строгом ультрасовременном стиле, раскинулись на территории бывшего парка. Доктор Фосетт явно занимал в здешней иерархии одну из верхних ступенек.

Казалось, этот невзрачный коротышка весь состоит из головы и кривоватых ножек. Его треугольное лицо, массивное в верхней части, книзу постепенно сужалось и заканчивалось тощей козлиной бородкой. Глаза за стеклами пенсне высокомерно щурились.

Он уселся за стол размером с футбольное поле, после чего стал казаться еще меньше, и помахал копией записки Уэбба, которую передал ему Грэхем. Потом заговорил с безапелляционностью человека, каждое желание которого воспринимается как закон, каждое слово – как непререкаемая истина.

Интереснейшее свидетельство душевного состояния моего друга Уэбба! Печально, очень печально. – Сняв с носа пенсне, он похлопывал им по бумагам, как бы акцентируя свои изречения. – Я подозревал, что он одержим навязчивыми идеями, но, должен вам признаться, даже я не понимал, до какой степени бедняга утратил равновесие.

– Что же вызвало ваши подозрения~ – спросил Грэхем.

– Я страстный шахматист, и Уэбб – тоже. Наша дружба держалась исключительно на общем интересе к игре. В остальном у нас было мало общего. Уэбб – чистый физик, и его работа не имела ни малейшего отношения к психическим расстройствам. И вдруг он стал проявлять и этой области жгучий интерес. По его просьбе я разрешил ему посетить клинику и даже понаблюдать за некоторыми пациентами.

– Вот как! – Грэхем так и подался вперед – А он как-нибудь объяснил этот свой внезапный интерес?

– Нет, да я и не спрашивал, – сухо ответил доктор Фосетт. – Его занимали в первую очередь пациенты, страдающие навязчивыми галлюцинациями в сочетании с манией преследования. Особое внимание он уделял шизофреникам.

– Это кто такие? – с невинным видом поинтересовался Волк

Доктор Фосетт поднял брови:

– Пациенты, страдающие шизофренией, кто же еще?

– Что в лоб, что по лбу, – не сдавался Воль.

– Шизоидные эгоцентрики, – пояснил доктор Фосетт с выражением безграничного терпения на лице.

Воль обреченно махнул рукой.

– Придурок – он и есть придурок, как его ни обзови, – пробормотал он.

Фосетт пронзил его ледяным взглядом:

– А вы, как видно, склонны к категорическим суждениям.

Я полицейский, – прищурясь парировал Воль, – а потому всегда секу, когда мне зубы заговаривают.

– Шизофреники, – ответил Фосетт таким тоном, каким обычно разговаривают с детьми, – это люди, страдающие особым видом душевного расстройства, которое в прошлом веке было известно как дементия прекокс. У них происходит раздвоение личности, причем доминирующая часть живет в фантастическом мире, который кажется им реальнее любой реальности. Для многих форм дементии характерны галлюцинации, которые могут варьироваться по интенсивности и детальности. Фантастический же мир шизофреника всегда одинаково ярок и неизменен. Если максимально упростить картину, то можно сказать: перед ним всегда один и тот же кошмар.

– Теперь ясно, – неуверенно промолвил Грэхем.

Фосетт с предельной осторожностью нацепил пенсне на нос и встал.

– Я покажу вам одного из наших пациентов – он весьма заинтересовал Уэбба.

Вслед за доктором они вышли из кабинета и, минуя бесконечные переходы, добрались до восточного крыла клиники. Здесь Фосетт приблизился к ряду дверей, ведущих в палаты, остановился у одной из них и жестом пригласил своих спутников подойти поближе.

Заглянув в маленькое зарешеченное оконце, они увидели перед собой совершенно голого мужчину. Он стоял у кровати, расставив тощие ноги и выпятив неестественно раздутый живот. Потухший взор страдальца был неотрывно, с какой-то дьявольской сосредоточенностью прикован к собственному брюху.

Это часто бывает при шизофрении: пациент принимает определенную позу, порой непристойную, и может, не шелохнувшись, находиться в ней. так долго, что нормальный человек ни за что не выдержал бы, – скороговоркой зашептал Фосетт. – Случаются такие периоды, когда больные превращаются в живые статуи, зачастую довольно отталкивающие. Вот этот – типичный позер. Его безумный мозг одержим мыслью, что в животе у него – живая собака. Вот он и ждет, когда она пошевелится.

– Боже правый! – вырвалось у Грэхема, явно пораженного увиденным.

– Уверяю вас, это вполне заурядная галлюцинация, – заметил Фосетт, являя собой образчик профессиональной невозмутимости. Он смотрел через решетку с видом натуралиста, разглядывающего прищипленную на булавке бабочку. – Только иррациональная реакция Уэбба заставила меня обратить на этого пациента особое внимание.

– А как реагировал Уэбб? – Грэхем еще раз заглянул в палату и сразу же поспешно отвел глаза. У него в мозгу мелькнула та же мысль, что и у Воля: «Я бы ни за какие блага туда не вошел».

– Больной его просто заворожил. Он сказал мне: «Фосетт, бедолагу доконали невидимые студенты-медики. Это всего лишь изувеченные останки, которые супервизиторы выбросили на свалку». – Фосетт погладил бородку. – Образно, но логики – никакой, – произнес он со снисходительной усмешкой.

По телу Грэхема пробежала внезапная дрожь. Несмотря на железные нервы, он ощутил приступ дурноты. У Воля вид был тоже бледноватый. Оба они почувствовали одинаковое облегчение, когда Фосетт повел их обратно, в свой кабинет.

– Я спросил Уэбба, что, черт побери, он имеет в виду, – все с той же безмятежностью. продолжал доктор Фосетт, – но он только натянуто усмехнулся и процитировал изречение о том, что глупо быть мудрецом, когда неведение – благо. Через неделю он в страшном волнении позвонил мне и попросил дать сведения о статистике заболевания зобом среди слабоумных.

– У вас они есть?

– Есть. – Совсем исчезнув за своим огромным столом, Фосетт порылся в ящике и вынырнул с листом бумаги. – Вот, я приготовил специально для него. Поскольку Уэбб умер, информация несколько запоздала. Он подвинул листок Грэхему.

– Но отсюда следует, что на две тысячи обитателей клиники не зарегистрировано ни одного случая зоба! – воскликнул Грэхем, пробежав глазами текст. – Из отчетов других клиник тоже видно, что таких случаев либо нет вообще, либо они крайне редки.

– Это ровным счетом ничего не значит и свидетельствует лишь о том, что слабоумные не особо подвержены болезни, которая вообще встречается редко.

Вероятно, такие же данные мы получили бы и по двум тысячам водителей автобусов, торговцев краской или... полицейских.

– Как только подхвачу зоб; так сразу же вам сообщу, – мрачно пообещал Воль.

– А что вызывает зоб? – перебил его Грэхем.

– Недостаток йода, – с готовностью ответил Фосетт.

– Йода! – Грэхем и Воль обменялись многозначительными взглядами, и Грэхем спросил:

– А избыток йода как-нибудь связан со слабоумием?

Фосетт расхохотался так, что козлиная борода затряслась.

Будь так, среди моряков встречались бы сплошные идиоты – ведь они употребляют в пищу продукты, богатые йодом.

В мозгу у Грэхема молнией мелькнула ослепительная мысль. На лице Воля было написано, что до него тоже дошло. Весть от покойника, страдающего отсутствием логики:

Особенно восприимчивы моряки.

Восприимчивы – но к чему? К иллюзиям и основанным на иллюзиях моряцким поверьям? Ко всем этим морским змеям, русалкам, сиренам, летучим голландцам и прочей бледной, леденящей душу нечисти, колеблемой морской зыбью в лучах луны?

Необходимо более подробно разработать эту проблему и получить сравнительные данные по экипажам морских судов и сельским жителям.

С трудом сохраняя обычную невозмутимость, Грэхем взял со стола записи Уэбба.

– Благодарю, доктор. Вы нам очень помогли.

– Обращайтесь ко мне без всяких колебаний, если я хоть чем-нибудь смогу быть вам полезен, – сказал Фосетт. – И если вы в конце концов выясните причину странного состояния Уэбба, мне было бы интересно узнать подробности. – Последовал короткий смешок, скорее холодный, нежели примирительный. – Компетентный анализ каждой галлюцинации вносит ценный вклад в понимание общей картины.

Они сразу же отправились в обратный путь Единственный раз за всю дорогу Воль нарушил напряженное молчание, сказав:

– В пору подумать, что среди ученых, которые слишком много шевелили мозгами, распространилась эпидемия временного помешательства.

Грэхем хмыкнул, но ничего не ответил.

– Гениальность вообще сродни безумию, – продолжал Воль, явно намереваясь развить свою теорию. – К тому же знание не может расти безгранично. Кое-кто из лучших умов неизбежно должен выйти из строя, пытаясь объять необъятное.

– Никто из ученых и не пытается объять необъятное. Ни один мозг не способен вместить такую уйму знаний. Вот почему каждый ученый, являясь специалистом в своей области науки, может быть сущим профаном в том, что выходит за пределы его научных интересов.

Настала очередь Воля хмыкнуть. Он целиком сосредоточился на дороге – что, правда, никак не сказалось на его манере брать повороты – и до самого дома, где жил Грэхем, не проронил ни слова. Там он высадил своего пассажира и, бросив: «До завтра Вилл», – умчался прочь.

Утро было ясным, как символ нового дня, несущего новые открытия. Грэхем стоял перед зеркалом, деловито жужжа электробритвой, когда зазвонил телефон. На экране возникло лицо незнакомого юноши.

Мистер Грэхем? – спросил он, разглядывая собеседника.

– Он самый.

Я из Смитсоновского института, – сказал юноша – Вчера, поздно вечером, мистер Гарриман хотел вам кое-что сообщить, но не застал дома.

– Я был в Олбани. Что он хотел мне сказать?

– Мистер Гарриман просил вам передать: он связался со всеми информационными агентствами и выяснил, что за последние пять недель они опубликовали сообщения о смерти восемнадцати ученых. Семь из них – иностранцы, одиннадцать – американцы. Это раз в шесть выше среднего уровня – ведь информационные агентства редко подводят итоги больше, чем за месяц.

– Восемнадцать! – Грэхем так и впился взглядом в лицо собеседника. – А имена у вас есть?

– Есть, – юноша стал диктовать.

Грэхем быстро записывал фамилии и страны, где проживали покойники.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Передайте, пожалуйста, мою благодарность мистеру Гарриману. Пусть он позвонит мне в офис, когда ему будет удобно.

– Хорошо, мистер Грэхем, – юноша отключился, оставив Грэхема в глубокой задумчивости.

Восемнадцать!

На другом конце комнаты мелодично прозвенел гонг приемника теленовостей. Подойдя к нему, Грэхем снял крышку с экрана, который у его аппарата был настроен на прием новостей газеты «Нью-Йорк Сан». Первый утренний выпуск «Сан» медленно поплыл по экрану. Грэхем машинально следил за заголовками, но мысли его витали где-то далеко. Однако вскоре его взгляд снова сосредоточился, к нему вернулась обычная собранность. На экране появились слова:

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОК УЧЕНОГО

Вчера вечером профессор Сэмьюэл К. Дейкин, пятидесятидвухлетний физик, проживающий на Уильям стрит, влетел на своем спортивном гиромобиле на рампу главной развязки со скоростью более ста миль в час и разбился насмерть.

Репортаж занимал две колонки и содержал фотографию места катастрофы, несколько упоминаний об «ушедшем от нас гении» и сообщение о том, что полиция выясняет причину трагедии. Заканчивался он словами: «Начиная со вчерашнего утра, это уже третий смертельный случай среди нью-йоркских ученых. О кончине профессора Уолтера Мейо и доктора Уэбба. мы подробно сообщали в нашем вчерашнем выпуске».

Грэхем извлек из ящика автоматического записывающего устройства фотокопию вечернего выпуска «Сан». Репортажи о случаях с Мейо и Уэббом были помещены рядом. Первый озаглавлен «МЕЙО ПАДАЕТ С МАРТИНА», второй – «ЕЩЕ ОДИН УЧЕНЫЙ МЕРТВ». Оба сообщения были весьма поверхностны и не содержали ничего нового, кроме того, что «полиция ведет расследование».

Как раз в этот момент появился Воль. Он ворвался в квартиру, как вихрь Глаза его сверкали. От выпуска «Сан» он отмахнулся, отрывисто бросив:

– Уже видел.

– Что это ты сам не свой?

– Все мои подозрения, – он сел, тяжело дыша. – Не только ты подвержен подозрениям. – Он перевел дух, виновато улыбнулся, еще раз вздохнул. – Получены результаты вскрытия. Оба – и Мейо и Уэбб – накачаны зельем до бровей.

– Наркотики? – недоверчиво спросил Грэхем.

– Мескаль, – подтвердил Воль – Особая, очень тщательно очищенная разновидность мескаля. В желудке обнаружены явные следы. – Он помолчал, стараясь отдышаться. – А в почках полно метиленовой синьки.

– Метиленовой синьки? – Грэхем тщетно напрягал ум, пытаясь извлечь из услышанного хоть какой-нибудь смысл.

– Ребята сразу же устроили проверку. И нашли мескаль, метиленовую синьку и йод во всех трех лабораториях – у Мейо, Уэбба и Дейкина. Мы с тобой и сами могли бы их там найти, кабы знали, что искать.

Грэхем утвердительно кивнул:

– Остается предположить, что вскрытие обнаружило бы аналогичный результат и у Дейкина.

– Я тоже так считаю, – согласился Воль. – Еще ребята выяснили, что та дрянь, которую мы нашли у Мейо в печи его дистилляционной установки, – это индийская конопля. Одному Богу известно, где он ее откопал, только это факт. Похоже, он собирался поэкспериментировать и с другими наркотиками, кроме мескаля.

– Если и так, то исключительно в научных целях, – убежденно сказал Грэхем. – Мейо никогда не был наркоманом.

– Оно и видно, – сухо заметил Воль.

Грэхем подвинул и нему список, составленный Гарриманом:

– Вот взгляни. По данным Смитсоновского института, эти восемнадцать отдали концы за последние пять недель. По закону средних чисел получается, что из этих смертей естественны и неотвратимы три, ну от силы четыре. – Он присел на край стола, покачал ногой. – Из этого, в свою очередь, следует, что остальные – не естественны. И еще это значит, что мы влезли во что-то куда более сложное, чем могло показаться с первого взгляда.

– Не только сложное, но и ненормальное, – заметил Воль, просматривая список. – Во всех делах, где замешаны наркотики, есть что-то ненормальное. А уж это – и вовсе идиотское, недаром оно со вчерашнего вечера засело у меня в башке. – Он скорчил гримасу. – Как вспомню того типа с собакой в брюхе, что мы видели в клинике...

– Давай забудем о нем хоть на время!

Легко сказать!

– Сведения, которые у нас на сегодня есть, вызывают кое-какие вопросы, – задумчиво продолжал Грэхем. – Получив на них ответы, мы сможем хоть немного продвинуться вперед. – Он ткнул указательным пальцем в список, который Воль держал в руках. – Так, мы не знаем, из чего исходили информационные агентства, когда вывели среднюю цифру три. Брали они за основу последние двенадцать месяцев

или пять лет, или двадцать? Если это средняя величина за длительный период и смертность за последний месяц превышает ее в шесть раз, то какова тогда статистика подобных случаев за предыдущий месяц и за прошлый год? Иными словами, сколько всего смертей насчитывается с самого начала, и с чего, собственно, все началось?

Все началось с самого первого самоубийства, – заявил Воль – Остальные – чистой воды имитация. – Он вернул список Грэхему. – Ты иногда заглядывай в полицейские сводки. Тогда увидишь, сколько раз уже бывало, что убийства и самоубийства распространяются как зараза. Порой одно-единственное, но зато эффективное, да еще и как следует поданное прессой преступление вызывает целую волну подражаний.

– Я с самого начала говорил и сейчас продолжаю настаивать: это не самоубийства. Я действительно очень близко знал Мейо и Дейкина. И Уэбба тоже знал, хоть и понаслышке. Все они психологически были совершенно не склонны к саморазрушению, даже если их напичкать наркотиками.

То-то и оно, – продолжал упорствовать Воль, – ведь ты знал их в нормальном состоянии и не представляешь, каковы они под марафетом. Стоит парню как следует набраться – и он уже совсем не тот, что был, а совершенно другой человек, который способен на что угодно – хоть палить в воздух, хоть с крыши сигануть.

– Вот что я тебе скажу, – Грэхем с озабоченным видом сложил листок и сунул его в карман, – все-таки этот мескаль – суцья головоломка.

– Только не для меня. Поток наркотиков распространяется по личным рекомендациям. Наверняка кто-то из ученых, перетрудившись до полного умопомрачения, изобрел новомодный стимулятор, который оказался коварнее, чем можно было предположить. Кое-кто из них тоже попробовал. Может быть, поначалу он действовал нормально, а потом стал накапливаться, как мышьяк. Так все и шло, пока они не стали сходить с винта, один за другим. И вот результат! – Воль широко развел руками.

– Хорошо бы все оказалось так просто, только что-то внутри мне подсказывает, что это не так.

– Что-то внутри! – фыркнул Воль. – Еще одна собака!

Грэхем рассеянно просматривал заголовки укренного выпуска «Сан», все еще ползущие по экрану. Он уже открыл было рот, чтобы дать Волю достойный ответ, и тут же закрыл. Расплывающиеся перед глазами слова внезапно приобрели четкость. Он встал. Воль проследил его взгляд.

КОНЧИНА ИЗВЕСТНОГО ЭКСПЕРТА

Стивен Рид, шестидесяти лет, проживающий в Фар Рокауэй, устроил сегодня утром странный спектакль на Пятой авеню, после чего бросился под колеса грузовика. Смерть наступила мгновенно. Рид был одним из виднейших в мире специалистов в области хирургии глаза.

Грэхем выключил приемник, закрыл экран и взялся за шляпу.

– Девятнадцатый, – тихо произнес он.

– Ну и чертовщина! – Воль встал и вслед за ним направился к двери. – Снова – здорово!

Как и следовало ожидать, почти все очевидцы гибели Стивена Рида бесследно исчезли. Кто-то сразу же вызвал полицейского, тот позвонил в свой участок, а репортер, дежуривший там, передал новость в «Сан».

Понадобилось целых два часа, чтобы отыскать трех свидетелей.

Первым оказался толстяк с потной физиономией.

– Я шел себе мимо и не особенно глазел по сторонам, – сказал он Грэхему. – У меня и так забот по горло, ясно? Тут этот тип заорал как резаный, исполнил что-то вроде танца и бросился наперерез транспорту.

– Ну а потом что?

– Я понял, чем это пахнет, и поскорее отвернулся.

Второй шла пышная блондинка. Она явно нервничала. В руке она комкала крошечный платочек, который, отвечая, то и дело покусывала за уголок.

– До чего же он меня перепугал! Вел себя так, как будто охотился за привидением. Я еще подумала, что он его видит воочию. Потом закричал, замахал руками и, как безумный, ринулся через дорогу.

– А вы не расслышали, что именно он закричал?

Она снова вцепилась зубами в платочек. В светло-голубых глазах мелькнул испуг.

Он так меня расстроил, что я совершенно ничего не разобрала. Он что-то выкрикивал хрипло и громко, во весь голос. Что-то вроде: «Нет, нет, Бога ради, нет!» и еще какой-то бессвязный бред.

– И вы не заметили ничего такого, что могло бы вызвать столь странное поведение?

– В том-то и дело, что нет! – Прикусив платочек, она повела глазами, словно силясь увидеть нечто незримое.

– Наверняка еще до конца недели побежит за советом ж какому-нибудь ясновидящему, – заметил Воль.

Третий свидетель, холеный мужчина с вкрадчивыми манерами и хорошо поставленным голосом, сообщил:

– Я заметил мистера Рида, когда он шел мне навстречу. У него был совершенно необычный взгляд: глаза такие яркие и блестящие, как будто в них накапали белладонны.

– Что такое? – насторожился Воль.

– Накапали белладонны – мы в театре иногда так делаем.

– Понятно, – Воль успокоился.

– Он испуганно оглядывался по сторонам, посматривал то вверх, то вниз, как будто чего-то опасался. Я почувствовал: он что-то ищет, но совсем не хочет найти.

– Продолжайте, – подбодрил его Грэхем.

– Он приблизился ко мне, и вдруг лицо его побледнело. Казалось, его внезапно объял панический ужас. Он стал неловко отмахиваться, как будто старался отразить роковой удар, потом выкрикнул что-то нечленораздельное и бросился на проезжую часть. – Свидетель обреченно пожал плечами. – И тут его сбил двадцатитонный грузовик. Я ни минуты не сомневаюсь, что смерть наступила мгновенно.

– Вы не расслышали, что он кричал?

– Боюсь, что нет.

– И не заметили ничего, что могло бы его так перепугать?

– Нет, ничего, – уверенно ответил мужчина. – Этот случай так меня потряс, что я сразу же стал искать причину. Но так и не смог найти. Мне кажется, его убило что-то незримое – может быть. кровоизлияние в мозг.

– Мы вам очень обязаны. – Пока Воль набирал номер морга, Грэхем молча провожал взглядом уходящего свидетеля, предаваясь своим невеселым размышлениям.

Что за тонкая неуловимая стихия, скрытая в безднах человеческой психики, заставляет малайцев хвататься за нож и мчаться очертя голову, убивая кого попало без малейшего повода? Что за иная, но схожая стихия сумела внушить всей японской нации, что на ритуальное хакари надлежит взирать с отрешенным бесстрашием? Что заставляет индусовфанатиков с радостью лишать себя жизни грозной колесницей Джагернаута? А может быть, теперешняя вспышка смертей вызвана коварным нашествием какого-то нового вируса, который размножается и распространяется в наиболее цивилизованной среде, причем его роковым образом стимулируют йод, мескаль и метиленовая синька?

Он был вынужден прервать свои раздумья, поскольку Воль уже повесил трубку и смотрел на него с видом мученика, обреченного расплачиваться за прошлые прегрешения.

– Рида еще не вскрывали, но уже ясно, что хотя бы по одному параметру он укладывается в общую схему. Он тоже разукрасил себя йодом.

– Левую руку?

– Нет, видно, он решил соригинальничать, или ему просто так было удобнее. На этот раз левая нога – от бедра до колена.

– Тогда его можно внести в наш список, – сказал Грэхем. – Будем считать, что это еще один случай, хотя пока и не до конца выясненный.

– Скорее всего, так оно и есть.

– Знаешь, Арт, к мескалю твоя теория о наркотиках еще, может быть, и подходит. Но что ты скажешь об остальных веществах, которые применялись вместе с ним? Ведь и йод, и метиленовая синька – никакие не наркотики, в том смысле, который ты подразумеваешь. Они безвредны, и привыкнуть к ним невозможно. С винта от них тоже никто не сходит.

– Как и от воды, с той разницей, что многие разбавляют водой виски.

– При чем тут это? – Грэхем нетерпеливо отмахнулся. – На мой взгляд, нам нужно сделать два логических шага. Первый – как следует прочесать квартиру Рида. И второй – проконсультироваться у специалиста, как могут действовать на организм мескаль, метиленовая синька и йод, если применять их так, как это делали потерпевшие.

Берлога Рида за городом, – заметил Воль – Схожу-ка я за машиной

На холостяцкой вилле Стивена Рида хозяйство вела пожилая хлопотливая экономка. Ни в чем, кроме домашних дел, она не разбиралась. А когда ей сообщили печальную весть, она и вовсе не смогла сказать ничего вразумительного, даже если и знала.

После того, как женщина удалилась к себе в комнату, они с привычной сноровкой обследовали кабинет Рида. Там была уйма разных бумаг, которые они стали просматривать с лихорадочной быстротой.

– Следующий кандидат на сердечный приступ – это мой шеф, – предрек Воль, сгребая очередную кучу писем.

– С чего бы это?

– Здесь должна разбираться местная полиция. Если бы он только увидел, как я с твоей легкой руки шурую в чужом округе, его бы точно удар хватил. Если хочешь знать, из-за тебя мне светит понижение в чине.

Грэхем насмешливо фыркнул, не прерывая поисков. Через некоторое время он обратился к Волю. В руке у него было письмо.

– Вот, послушай «Дорогой Стив! Я был очень опечален, когда узнал, что Мейо дает тебе свои снадобья. Мне, конечно, известен твой интерес, и все же, честно говоря, эти забавы – пустая трата драгоценного времени. Советую выбросить все в мусорное ведро, а заодно и из головы. Я совершенно уверен, что так безопаснее». – Он оторвал взгляд от письма. – Здесь стоит адрес Уэбба. И подпись – «Ирвин».

– А дата?

Двадцать второе мая.

– Совсем свежее.

Вот и двойная связь, – заметил Грэхем, – Мейо – Уэбб – Рид. Передача шла от одного к другому, именно этого я и ожидал.

– Я тоже. – Воль перелистал страницы, бегло просматривая текст. – Личные рекомендации как раз то, о чем я тебе говорил. Хотя дело выглядит так, как будто Уэбб почему-то старался отговорить Рида.

– Потому что такие забавы чреватy смертельным исходом. Уэбб еще тогда это понял! Двадцать второго мая он знал, что его дни сочтены, так же точно, как я знаю, что стою здесь перед тобой собственной персоной. Он уже ничего не мог изменить, но пытался отвести Рида от края пропасти.

– Что за жуть ты несешь, – жалобно проговорил Воль, оторвавшись от бумаг. – Так ты скоро скажешь, что следующими жертвами окажемся мы с тобой.

– Я вовсе не уверен, что это так уж далеко от истины, тем более что мы понемногу выходим на след.

И снова холодная дрожь пробежала у него по спине. Он пошевелил лопатками, стараясь прогнать странное ощущение. Его охватило острое чувство психологического тупика: как будто мысли было позволено двигаться в любом направлении, кроме одноединственного. Стоило ей податься в ту сторону – сразу же звучал сигнал тревоги, и любопытствующий ум покорно отступал.

– Ни черта. Сплошные глазные яблоки и зрительные нервы, – проворчал Грэхем, засовывая на место пачку ничего не значащих писем. – Он с ними ложился и с ними вставал.

– У меня то же самое, – отозвался Воль. – А что такое конъюнктивит?

– Болезнь глаз.

– А я подумал, что это из области железнодорожной связи. – Добравшись до последнего письма, Воль положил их обратно в ящик. – Здесь у него нет ни

лаборатории, ни хирургической клиники. Он оперировал в Госпитале глазных и ушных болезней, в Бруклине. Надо бы попытаться счастья там, как ты считаешь?

– Сначала позвоню в офис, пора доложить результаты. – Воспользовавшись телефоном Рида, Грэхем долго беседовал с Сангстером. Закончив, он сказал Волю: – требуют, чтобы мы летели туда быстрее звука. Нас ждут с самого утра. У Сангстера такой вид, будто он проглотил атомную бомбу.

Нас? – с нажимом спросил Воль, подняв брови.

– Нас обоих, – подтвердил Грэхем. – Случилось что-то архиважное. – Потирая подбородок, он с нескрываемым разочарованием оглядел комнату. – Улов, как в пустыне! Хоть нас и поторапливают, все же заглянем-ка по пути в госпиталь. Это последний шанс узнать что-то про Рида.

– Тогда поехали.

В госпитале секретарша сдала их с рук на руки доктору Причарду, высокому, моложавому, подтянутому мужчине. Поздоровавшись, он снял белый халат и предложил им сесть.

– Полагаю, вы хотите задать мне вопросы о бедняге Риде?

– Вы уже знаете, что он умер~ – в упор спросил его Грэхем.

Причард сдержанно кивнул:

– Нас известила полиция. Они позвонили вскоре после того, как это случилось.

– Покончил он с собой или нет – вопрос спорный, – сказал Грэхем. – Возможно, он намеренно бросился под машину, возможно и нет. Сам я думаю, что нет. Тем не менее, свидетели показывают, что вел он себя отнюдь не нормально. Не могли бы вы объяснить, что с ним произошло?

– Я ничего не знаю.

– Может быть, в последнее время вы заметили у него какие-то странности?

– Пожалуй, нет. Я ведь был его ассистентом, а потому уверен: будь в его поведении что-то необычное, я бы наверняка заметил. – Доктор на секунду задумался. – До позавчерашнего дня он был как-то но-особому озабочен. Но для человека его склада и профессии в этом нет ничего из ряда вон выходящего.

– Почему до позавчерашнего дня?

– С тех пор я его не видел. Он взял краткий отпуск, чтобы закончить какую-то работу.

– А он не уточнил, какую именно?

– Нет, он никогда особо не распространялся о своих делах.

– Вы знали профессора Мейо или доктора Уэбба?

– Слышать – слышал, но знаком не был.

– Не упоминал ли Рид в разговоре с вами когонибудь из них? Может быть, он говорил о каких-нибудь общих интересах?

– Нет, – без колебаний ответил Причард.

Грэхем обреченно посмотрел на Волю: «И здесь тупик», потом снова обратился к Причарду.

– Насколько мне известно, Рид был выдающийся хирург-офтальмолог. Могла ли его профессия обусловить повышенный интерес к наркотикам?

Возможно – до какой-то степени.

– Нет ли у вас здесь специалиста по наркотикам?

Причард снова задумался.

– Пожалуй, лучше всех в них разбирается Дикон. Вам его позвать?

– Да, пожалуйста

Причард позвонил:

– Пусть Дикон зайдет на минутку, если он свободен.

Вскоре появился Дикон. Вид у него был недовольный. На руках – резиновые перчатки, на седеющей голове – офтальмологическое зеркало с лампочкой.

– Какого– черта вы в такое время... – начал он, но, заметив посторонних, оселся и буркнул: – Прошу прощения.

– Извините, доктор, что оторвали вас от работы, – миролюбиво начал Грэхем. – Постараюсь вас не задержать, а потому буду краток. Не могли бы вы сказать, что случится с человеком, если он разукрасит себя йодом, а внутрь примет мескаль и метиленовую синьку?

Угодит в психушку! – ни секунды не раздумывая, ответил Дикон.

Воль притворно ойкнул и устоял на свой живот.

– Что, буквально? – так и вскинулся Грэхем. – Это вызовет психическое расстройство?

– Да ничего подобного! Просто надо бить сущим идиотом, чтобы додуматься до такой бессмыслицы. Вот и все, что я хотел сказать.

– Я совсем не об этом, доктор. Меня интересует физический эффект, независимо от мотива.

– Ну, хорошо. – Дикон заговорил уже более дружелюбно. – Не буду скрывать, у других специалистов вы могли бы получить более точный ответ, и все же я бы так сказал от мескаля ваш человек воспарит до небес – если, конечно, примет приличную дозу, метиленовая синька очистит почки и обесцветит мочу. Что же до йода, он окажет бактерицидное воздействие и окрасит кожу. К тому же, являясь галогеном, он очень быстро распространится по всему организму.

– А вы не думаете, что все три препарата, если применить их вместе, могут подействовать как-то по-особому, причем куда сильнее? Скажем, один из них, как катализатор, вызовет реакции другого?

Тут вы меня поймали, – признался Дикон. – Многокомпонентные реакции все еще являются темой научных исследований и надолго ею останутся.

Грэхем встал, поблагодарил обоих врачей, потом сказал Волю:

– Похоже, Рид вступил в эту смертельную игру совсем недавно. Он просто не успел ни предупредить, ни высказать ничего конкретного. То, что за всем этим скрывается, способно поражать тяжело и молниеносно.

– Движущийся объект поразить всегда тяжелее, – с мрачным юмором отозвался Воль – Теперь к Сангстер?~ – спросил он. У Сангстера они застали высокого щеголевато одетого мужчину средних лет. В нем угадывался военный. Когда они вошли, Сангстер выразительно посмотрел на часы и представил им незнакомца полковник Лимингтон, потом без обиняков объявил:

– Все расследование выходит из-под контроля нашего ведомства. – Перегнувшись через стол, он вручил Грэхему листок бумаги.

Грэхем начал читать: «Ваша просьба о срочном переводе в Разведывательную службу США удовлетворена, и вышеназванный перевод вступает в силу, начиная с сегодняшнего дня. Впредь вам надлежит выполнять поручения и приказы полковника Джона Х. Лимингтона, в чье подчинение вы поступаете вплоть до получения дальнейших указаний».

Едва сдержав волнение при виде знакомой подписи, стоящей под документом, Грэхем вопросительно взглянул на Сангстера:

– Но ведь я ни о чем таком не просил, сэр.

– Если хотите, можете порвать. – ответил Сангстер.

– Послушайте меня, мистер Грэхем, – вступил э разговор полковник. – Дело вот в чем: нам бы хотелось, чтобы вы и дальше вели расследование, но имея большие возможности, нежели те, что доступны вам сейчас.

– Благодарю, – ответил Грэхем, все еще не придя в себя от неожиданности.

– Один из наших людей в информационном агентстве сообщил нам о тех запросах, которые по вашей просьбе сделал Гарриман. Они привлекли наше внимание к фактам, которые в противном случае могли бы на какое-то время остаться вне поля зрения. – Он погладил аккуратно подстриженные усы. Все это время выражение его лица оставалось очень серьезным. – Из погибших ученых одиннадцать – американцы. Их значение для нашей страны просто неопределимо. Но какой бы тяжелой ни была утрата, она ничто по сравнению с угрозой дальнейших потерь. Правительство не может отнестись безразлично к целой серии внезапных и загадочных смертей.

– Понимаю.

– Значит, вы принимаете назначение? – в упор спросил Лимингтон.

– Да, разумеется! – Он еще раз перечел письмо с чувством затаенной гордости, которому немало способствовала неприкрытая зависть Воля. Как же – теперь он один из членов самой испытанной и надежной когорты, созданной правительством, один из самых привилегированных и доверенных людей дядюшки Сэма!

Получив от Лимингтона кольцо, он надел его на средний палец правой руки. Оно подошло, как будто было сделано по мерке. Грэхем знал: кольцо предназначали специально для него, ничуть не сомневаясь, что он примет предложение. И еще он знал, что внутри, на сверхтвердом иридии выгравирована тончайшая надпись, слишком мелкая, чтобы ее можно было разглядеть невооруженным глазом, – данные, содержащие его имя, рост, вес, показатели Бертильона и формулу отпечатков пальцев вместе со служебным номером и точной, несмотря на миниатюрность, копией его личной подписи.

Теперь это скромное украшение станет его опознавательным знаком, единственным подтверждением его полномочий. Весть, которую оно несет, скрыта от всех, кроме тех, кто имеет возможность ее прочитать, и, тем не менее, оно открывает ему все двери в высших административных кругах.

Пока эти мысли проносились у него в голове, им снова овладело смутное предчувствие неотвратимой беды, еще один сигнал тревоги – слабый, едва различимый, и все же вселяющий глубокое беспокойство. Грэхем еще раз взглянул на кольцо и подумал: «А ведь у него есть и другое, куда более печальное предназначение.

Может статься, только по нему и сумеют опознать мой изувеченный труп, как уже опознавали многих других...»

Как там было у Уэбба? «Изувеченные останки, которые супервживисекторы выбросили на свалку». Отогнав неприятные воспоминания, он сказал:

– Еще один момент, полковник. Я бы хотел и дальше работать в паре с лейтенантом Водем. Он так же глубоко влез в это дело, как и я. Нам друг без друга не обойтись.

Стараясь не смотреть на Воля, который бросил на него благодарный взгляд, Грэхем выслушал ответ Лимингтона:

– Гм! Несколько неожиданный оборот, но, я думаю, мы это уладим. Почти не сомневаюсь, что начальника полицейского управления удастся уговорить, чтобы он на время откомандировал лейтенанта Воля к нам.

– Спасибо, сэр, – в один голос произнесли Грэхем и Воля.

Телефон Сангстера затрещивал. Он взял трубку, послушал и передал ее Грэхему

– Это Гарриман.

– Приветствую, Гарриман, – сказал Грэхем. – Да, я получил ваш список Большое спасибо. – Он замолчал, выжидая, потому что на столе у Сангстера оглушительно зазвонил второй аппарат и Сангстер потянулся за трубкой. – Здесь страшный гвалт. Второй телефон трезвонит как одержимый. Что, что вы сказали? – Он молча выслушал собеседника, потом ответил: – Извините, Гарриман. Пока не могу сказать ничего определенного. Да, шестикратное превышение среднего уровня нуждается в объяснении. Как раз это я и собираюсь выяснить, если, конечно, удастся.

Он сделал паузу, потому что Сангстер, положив на стол трубку второго аппарата, шепнул:

– Вас просит доктор Кертис!

– Послушайте, Гарриман, – торопливо заговорил Грэхем, – все погибшие – граждане разных стран. Отсюда вывод: удар не был нацелен на какое-то конкретное государство, если, конечно, неизвестный противник не настолько хитер и безжалостен, чтобы для отвода глаз убить кого-то из своих. Сомнительный вариант.

– Да, здесь не больше политики, чем в какой-нибудь новомодной болезни.

– Вот именно! Какими бы разными эти ученые ни были, их объединяет одно: то, что прямо или косвенно привело их к гибели. Этот общий знаменатель я и хочу вывести. Соберите мне все подробности, которые вам удастся откопать, обо всех людях из вашего списка и о любых более ранних случаях, которые вы сочтете нужным в него внести. Звоните... – он вопросительно взглянул на Лимингтона, получил от него номер и закончил: – полковнику Лимингтону, телефон Боро 8-19638.

Грэхем отключился, взял трубку другого телефона и стал что-то быстро говорить. Остальные заметили, что за время разговора выражение его лица изменилось.

Закончив беседу, он сказал:

– Доктору Кертис позвонил по междугородной профессор Эдвард Бич. Он только что узнал из газет о смерти Уэбба и Мейо и выражал глубокое соболезнование. Но доктору Кертис показалось, что его как-то слишком интересовали подробности трагедии.

– Ну и что? – спросил Лимингтон.

– По словам доктора Кертис, Бич – старинный приятель Уэбба. Я его тоже знаю.

Это он изобрел стереоскопическую камеру для ночных съемок. В полиции ее используют вместе с верньером Дейкина. Он работает в Силвер Сити, штат Айдахо, на заводе, принадлежащем Нэшнл Кэмера Компани. Бич относится как раз к тому разряду ученых, у которых может быть ценная информация о Мейо, Уэббе и Дейкине. – Грэхем сделал паузу, дабы то, что он собирался сообщить, прозвучало более веско, потом добавил: – Тем более, что он настойчиво выспрашивал у доктора Кертис, не работали ли перед смертью Уэбб, Мейо или Дейкин над формулой Бьернсена.

– Бьернсена? – воскликнул Сангстер.

– Улавливаете суть? – продолжал Грэхем. – Бич был связан с этими тремя точно так же, как они были связаны между собой, – перепиской, основанной на общих интересах. Он уже включился в эту смертельную цепь, но смерть его еще не наступила! Он – грядущая жертва, которая еще может многое сообщить. Я должен с ним увидеться и заставить его заговорить, пока он не стал трупом номер двадцать. – Грэхем взглянул на часы. – Если повезет, успею поймать стратоплан на Бойсе, он вылетает в 10.80.

– Мне лететь с тобой, или один управишься? – спросил Воль

– Я полечу один. А ты, Арт, пока позвони в стратопорт Бэттери Парк и закажи мне билет на 10.30.

– А чем мне заняться потом? – потянувшись к телефону, уточнил Воль – Дай мне какое-нибудь задание – терпеть не могу бездельничать.

– Стоит лишний раз проверить данные, которые собирает Гарриман. Попробуй связаться с полицией тех городов, где жили умершие ученые, и попроси дать подробные, исчерпывающие сведения обо всех этих случаях. Пусть они самым тщательным образом проверят каждую деталь, какой бы мелкой и незначительной она ни казалась. Действуй хоть ласками, хоть сказками, хоть уговорами, только добейся от них разрешения на эксгумацию и вскрытие. – Он взглянул на Лимингтона – У вас нет возражений, полковник?

Предоставляю вам полную свободу действий, – одобрительно сказал Лимингтон. – Я всегда придерживаюсь мнения, что человек, который затеял дело, лучше всех доведет его до конца.

– Мы сейчас заняты судьбой двух десятков людей, которые затеяли нечто такое, что ни один из них так и не сумел довести до конца, – заметил Грэхем. – Это дело отличает одна поразительная особенность приканчивать тех, кто его затеял, раньше, чем они успевают к чему-то прийти. – Он невесело усмехнулся. – Я тоже не бессмертен, однако постараюсь сделать все, что в моих силах.

Схватив шляпу, он устремился в Бэттери Парк, спеша к отлету стратоплана в 10.30, а заодно и к самой страшной катастрофе в истории Нового Света.

ГЛАВА 5

Скоростной стратоплан Нью-Йорк – Бойсе – Сиэтл вынырнул из верхних слоев атмосферы, прекратил подачу кислорода в гермосалон и, продырявив кудрявые облака, под громовые раскаты ракетных двигателей перешел на горизонтальный полет.

Под носом лайнера промелькнула река Гус Крик и прилепившийся к ее берегам

городок Ожли. По левому борту, ближе к хвостовой части, засверкала северная оконечность Большого Соленого озера штата Юта. Дотуда было полторы сотни миль – каких-нибудь десять минут лета.

Сигарета, которую Грэхем закурил над Окли, успела сгореть всего наполовину, когда стратоплан отвернул от долины реки Снейк и, заложив вираж, взял курс на Бойсе. При этом повороте по левому борту показался Силвер Сити. В сухом, прозрачном воздухе он был отлично виден. Белые и кремовые здания золотились в лучах солнца Резервуары завода Нэшнл Кэмера, насаженные на высоченные башни, по форме напоминающие катушки, отчетливо вырисовывались на фоне города.

Вдев ноги в специальные подставки, чтобы удержаться на месте при резком торможении, Грэхем сделал еще пару затяжек и снова взглянул на панораму Силвер Сити. На какое-то мгновение город как бы застыл, ясно и отчетливо выделяясь на горизонте. Но в следующий же миг исчез, заслоненный гигантским облаком вздымающегося пара.

Дрогнувшими пальцами смяв сигарету, Грэхем привстал на месте и, не веря своим глазам, впился в открывающееся с высоты зрелище. Чудовищно раздуваясь, облако продолжало расти с первобытной энергией надвигающегося смерча. Его вспученные гребни зловеще извивались, набирая высоту. Из них вылетали какие-то мелкие черные точки, на миг повисали в воздухе, потом снова исчезали в клубящемся хаосе.

– Боже правый! – выдохнул Грэхем и даже прищурился, не веря собственным глазам. Какими же должны быть эти непонятные точки, чтобы их можно было разглядеть с такого расстояния – уж никак не меньше, чем с огромный дом! Время напряженно отсчитывало секунды. Грэхему казалось, что он сидит в первом ряду, наблюдая взрыв атомной бомбы небывалой мощности, а все остальные пассажиры, занимающие места у него за спиной, следят за показаниями сейсмографов, находясь где-то за тысячи миль от эпицентра.

Стратоплан стал заходить на посадку, и его хвост заслонил от Грэхема развертывающуюся внизу трагедию. Пилот, даже не подозревающий, что происходит нечто из ряда вон выходящее, уверенно перевел корабль в пологую кривую; при этом маневре Силвер Сити совсем скрылся из вида за отрогами Скалистых гор. Плавно приземлившись, огромная машина помчалась по бетонной полосе. Ее двигатели судорожно изрыгали пламя. Сделав заключительный разворот, стратоплан застыл рядом с увенчанной башней зданием. На фасаде белела большая надпись: БОЙСЕ.

Грэхем выскочил первым. Он с такой скоростью скатился по только что подъехавшему трапу, что ошеломил весь персонал, следивший за высадкой. Спрыгнув на бетонное покрытие, он бросился было бегом, спеша обогнуть хвост корабля, да так и замер на месте.

В зоне прибытия стратопорта находилось не меньше сотни человек – персонала и встречающих, – но никто из них даже не подумал поспешить навстречу приземлившемуся кораблю. Все они застыли в разных позах, кто где стоял. Лица были обращены к югу, глаза прищурены в попытке разглядеть что-то вдали.

Там, на расстоянии шестидесяти миль, высоко над крутыми уступами Скалистых гор вздымалось облако. В отличие от других зловещих облаков, форма его не была грибовидной. Темное и клубящееся, оно все еще росло. Казалось, оно уже достигло преддверия небесных сфер и силилось прорваться в них, как гигантский газовый вырост, корнями ушедший глубоко в преисподнюю, – призрачное нагромождение

крутящихся в бешеном вихре облаков, образующих чудовищный монолит людского горя и страданий.

А шум!.. Шум, который исходил от этого далекого фантома, даже ослабленный расстоянием, внушал непреодолимый ужас. Это был звук терзаемого, раздираемого воздуха, словно какой-то одержимый и ненасытный гигант бешено пронесся над землей, злобно круша и корежа все, на что он мог наложить свои лапы, – разгулявшийся Титан!

Бледные, ничего не понимающие люди видели, как этот вздымающийся столб, словно сабля, вонзился в небесное лоно, и тут из бездны грянул зловеющий гром и, как сатанинский хохот, раскатился, отдаваясь в адских глубинах. Внезапно облако распалось.

Его газообразная вершина продолжала парить в воздухе, а полутвердое основание рухнуло вниз. Оно исчезло из вида с той ужасающей внезапностью, с какой падает в люк повешенный. Чудовищного призрака не стало, но его спесиво раздутая душа, поднимаясь все выше, плыла на восток; адский грохот и приглушенные раскаты были слышны еще несколько секунд, пока, наконец, не затихли вдали.

Загипнотизированные зрители медленно и неуверенно зашевелились, как будто просыпаясь. Пятеро служащих стратопорта механически двинулись по направлению к застывшему лайнеру, еще не в силах стряхнуть с себя страшное видение. Пилот спортивной машины, стоявшей у края бетонной полосы, повернулся и зашагал к своему самолету. Грэхем догнал его:

– Скорее! Мне срочно нужно в Силвер Сити – дело правительственной важности!

– Что? – пилот озадаченно уставился на него.

– В Силвер Сити, – настойчиво повторил Грэхем. Он схватил пилота за плечо и потряс, чтобы до того лучше дошло. – Как можно скорее доставьте меня в Силвер Сити!

– С какой стати?

– Черт бы тебя побрал! – угрожающе прорычал Грэхем. – Ты еще будешь качать права, в такое-то время! Выбирай: или ты берешь меня с собой, или твою машину конфискуют!

Властные интонации, прозвучавшие в его голосе, возымели действие. Пилот пришел в себя и поспешно сказал:

– Конечно, я вас возьму! – Он даже не спросил, кто Грэхем такой и зачем ему нужно в Силвер Сити. Торопливо забравшись в кабину стройного двухместного реактивного самолета, он подождал своего попутчика. Из хвостовых сопел вырвалось пламя, спортивная машина побежала по бетонной полосе, оторвалась от нее и под острым углом ушла в синеву.

Цель полета скрывалась за плотной завесой пыли, которая по мере их продвижения медленно, словно нехотя, оседала. Как раз в тот миг, когда самолет с ревом закружил над городом, налетевший порыв ветра разогнал пелену сухой взвеси, и перед глазами открылось то, что еще недавно было Силвер Сити.

Глянув вниз, пилот издал сдавленный возглас, заглушенный воем кормовых двигателей, и снова вцепился в рычаги управления, которые на секунду выскользнули у него из рук. Изрыгая языки пламени и пара из докрасна раскаленных дюз, машина с гулом сделала крутую «свечку». При этом с небольшой высоты Грэхем увидел такое,

что внутри у него все болезненно сжалось.

Силвер Сити исчез с лица Земли. То место, где он совсем недавно стоял, выглядело теперь огромным шрамом на лице Айдахо, раной в пять миль шириной, усеянной руинами, по которой – кто ползком, кто падал, кто хромя – с трудом передвигались немногие оставшиеся в живых.

Еще не оправившись от потрясения, пилот стал неуверенно заходить на посадку. Он выбрал ровную полосу песка на северном краю шрама и бросил машину вниз. Вот она коснулась колесами земли, подпрыгнула, снова коснулась земли, накренилась, ее правое крыло зарылось в песок. Машина описала полукруг, правое крыло оторвалось, и она завалилась на правый борт, нелепо задрав левое крыло к небу. И Грэхем, и пилот были невредимы. Они выбрались наружу и теперь стояли рядом, молча осматриваясь.

Всем час назад здесь был оживленный городок, чистенький и уютный, с населением тридцать пять тысяч душ. Теперь же это была равнина, словно вынырнувшая из глубин преисподней, – пустыня, изрытая кратерами, однообразие которой нарушали только невысокие груды кирпича да сплетения искореженных балок. Бледные змейки дыма все еще извивались, покачиваясь в такт отдаленным стонам. То здесь, то там рушились каменные глыбы, с грохотом отделяясь от своих соседей, да со звоном лопались стальные балки.

Но было еще и кое-что другое, от чего хотелось отвести глаза, что хотелось навсегда изгладить из памяти, зафиксировавшей все с фотографической точностью. Яркие клочья мяса и кровавые сгустки с прилипшими лохмотьями ткани. Нечто бесформенное в изодранных джинсах. Обваренная голова, от которой еще шел пар. Рука, намертво приставшая ж балке, – пальцы, вытянутые к чему-то навеки недоступному, подают Всевышнему тайный знак.

Это пострашнее, чем извержение вулкана Кракатау, – сдавленным голосом проговорил Грэхем. – Страшнее даже, чем катастрофа в Мон-Пеле.

– Ну и взрыв! Ну и взрыв! – возбужденно жестикулируя, приговаривая пилот. – Не иначе как атомный. Вы знаете, чем это чревато?

– Еще бы!

– Здесь каждый дюйм земли излучает смерть. И с каждой секундой доза, которую мы с вами получаем, все увеличивается.

– Да, не повезло, – Грэхем кивнул в сторону бесполезного теперь самолета. – Может, вам стоит как-то выбираться отсюда, а? – Он старался говорить как можно мягче. – Пока мы не знаем, есть ли здесь радиация. А к тому времени, когда это выяснится, будет слишком поздно.

Неподалеку из-за пирамиды искореженных балок с трудом выкарабкался человек. Он стал хромя обходить воронки, неуклюже одолевая страшные завалы и, наконец, пошатываясь и припадая на одну ногу, подбежал и застывшей в ожидании паре.

Это был мужчина. Вокруг его ободранных ног болтались драные лохмотья. Когда он приблизился, стала видна маска из грязи и крови, покрывающая мертвенно-бледное лицо, на котором горели полубезумные глаза.

– Никого не осталось! – выкрикнул пришелец, махнув дрожащей рукой в ту сторону, откуда появился. – Никого, – он издал странный смешок. – Никого, только я да еще жалкая горстка угодных Всевышнему. – Скорчившись на земле, он поднял воспаленные глаза к небу и что-то забормотал так тихо, что разобрать было

невозможно. Сквозь лохмотья, свисающие с левого бедра, сочилась кровь. – Слушайте! – вдруг воззвал он, приложив к уху дрожащую руку. – Гавриил затрубил в трубу, и даже пение птиц смолкло. – Он снова хихикнул. – Ни одной птицы. Все они попадали с неба замертво. Как дождь. – Покачиваясь взад и вперед, он вновь забормотал что-то нечленораздельное.

Пилот сходил к самолету и вернулся с фляжкой. Взяв ее, мужчина стал глотать крепкое бренди, как воду. Он задыхался и снова пил. Опорожнив фляжку, он вернул ее владельцу и опять стал раскачиваться. Постепенно в глазах у него появился проблеск разума.

С усилием поднявшись на ноги, он, покачиваясь, посмотрел на собеседников и проговорил уже более нормальным тоном:

– У меня была жена и двое ребят. Отличная жена и ребятки, дай Бог каждому. И где они теперь? – Глаза его снова загорелись. Он переводил вопрошающий взгляд то на одного, то на другого, словно надеясь получить ответ, но ответа не было.

– Не надо отчаиваться, – попытался утешить его Грэхем. – Не надо, пока не узнаете наверняка.

– Расскажите, как все произошло, – попросил пилот.

– Я работал на Бора авеню, закрепляя на трубе особый незадуваемый колпак. И только я потянулся за куском проволоки, как все вокруг полетело в тартарары. Что-то сорвало меня с места, пронесло по воздуху и швырнуло наземь. А когда я поднялся, никакого Силвер Сити и в помине не было. Он закрыл глаза руками и постоял так некоторое время. – Ни улиц, ни зданий. Ни моего дома, ни жены, ни детишек. Только мертвые птицы падали с неба.

– А вы не догадываетесь, отчего все это случилось? – спросил Грэхем.

– Как же, – ядовито проговорил мужчина. – Это все штучки компании Нэшнл Кэмера; вечно они лезли, куда не следует. Только бы выгадать лишние десять центов, а потом – гори все ясным огнем! Пусть все, кто с ними заодно, будут прокляты – душой и телом, отныне и во веки веков!

– Вы хотите сказать, что взрыв произошел на территории их завода? – вставил Грэхем, прервав его тираду.

– Ну конечно! – В глазах говорящего вспыхнула ненависть. – Рвануло их резервуары. Там была целая батарея цилиндров; в них хранился миллион галлонов раствора нитрата серебра. Вот эти галлоны и взорвались разом – и отправили все прямехонько в преисподнюю. Кто им позволил хранить эту дрянь посреди города? По какому праву? И кто за все ответит? Да за такое повесить мало! Вздернуть бы их всех повыше, чем город взлетел! – Он яростно сплюнул, потер распухшие губы. В чертах его лица таилась смерть. – Мирные дома, счастливые семьи – все стерто с лица земли, все...

Но раствор нитрата серебра не должен так взрываться.

– Ах, не должен, господин хороший? – с нескрываемой издевкой переспросил страдалец. – Тогда взгляните вокруг – Он широко развел руками.

Его слушатели взглянули. Крыть было нечем.

На дороге, ведущей из Бойсе, показались первые машины – голова той нескончаемой колонны, которая растянулась на целую неделю. Над ними загудел самолет, еще один и еще. В полумиле приземлился автожир. Подлетали два вертолета

скорой помощи, готовясь последовать его примеру.

Тысячи пар ног уже пробирались по этому кладбищу Запада, позабыв на время о причинах катастрофы и бросив вызов ее последствиям. Тысячи пар рук осторожно разбирали завалы, откапывая изувеченных, но еще живых. Спеша спасти еле теплящиеся жизни, люди не думали о взбесившихся атомах, сеющих невидимую смерть, о сильнейшей радиации, пронзающей их тела.

Со всех сторон спешили экипажи скорой помощи – на колесах и крыльях, специальные и приспособленные на скорую руку, они отбывали, чтобы вернуться еще и еще раз. Добровольцы с носилками протоптали широкую тропу, на месте которой была потом проложена улица Милосердия. На высоте нескольких сотен футов на спешно нанятых вертолетах кружили журналисты. Их телекамеры фиксировали творящийся внизу ужас. Трансляция агонии сопровождалась потоком высокопарных эпитетов, который не мог передать и десятой части той неприукрашенной правды, что глядела с экранов ста миллионов телевизоров.

Грэхем с пилотом вкалывали вместе с остальными, вкалывали еще долго после того, как сгустились сумерки и ночь укрыла плотным саваном еще не найденных мертвецов. Ущербная луна вошла на небосводе и свесила свои лучи к изуродованной земле. – Ладонь, застывшая на железной балке, тянулась им навстречу.

Залатанный гиромобиль с молчаливым водителем за рулем доставил Грэхема обратно в Бойсе. Разыскав отель, он принял душ, побрился и позвонил полковнику Лимингтону.

Весть о катастрофе потрясла весь мир, – сказал Лимингтон. – Президент уже получил выражения соболезнования от пятнадцати зарубежных правительств и бесчисленного количества частных лиц.

– Мы делаем все необходимое, чтобы как можно скорее и точнее определить, что же это все-таки было – повторение Хиросимы, Черного Тома или Техас Сити, – продолжал он. – То есть, что является причиной: военная акция, саботаж или несчастный случай.

– Нет, это не Хиросима, – заявил Грэхем, – то есть не атомный взрыв, во всяком случае, в том смысле, в котором мы его понимаем. Это обычный, банальный взрыв, вызванный разрушением молекул, – только в гигантском масштабе!

Откуда вы знаете?

Со всех концов набежали дозиметристы со счетчиками Гейгера. Перед отъездом я порасспросил кое-кого из них. Они сказали, что радиация в норме, по крайней мере, по их измерениям. Похоже, что район совершенно безопасен. Если что-то и дает излучение, то наши приборы не могут его зарегистрировать.

– Что ж, надеюсь, скоро все выяснится, – проворчал Лимингтон. Несколько секунд он молчал, потом добавит – Случись вам наткнуться на что-то, предполагающее существование некой связи между этим ужасным бедствием и тем расследованием, которое вы ведете, – немедленно бросайте все и связывайтесь со мной. В таком случае одному человеку с этим делом не управиться.

Пока на такую связь ничто не указывает, – ответил Грэхем.

– Ничто – пока вы что-нибудь не копнете! – возразил Лимингтон. – В свете того, что уже произошло, у меня есть серьезные подозрения. Как вы и опасались, Бич стал в нашем списке двадцатым, – если, конечно, не попал в число тех немногих, кому

удалось спастись. Ему заткнули рот прежде, чем вы успели до него добраться, – точно так же, как поступили со всеми остальными. Мне это не нравится.

– Может, вы и правы, сэр, только...

– Грэхем, я повторяю еще более решительно: если вы наткнетесь на какую-то связь между этим фейерверком и делом, которое вы расследуете, сразу же прекращайте розыски и безотлагательно сообщите мне.

– Хорошо, сэр.

– Если связь подтвердится, мы призовем к решению загадки лучшие умы державы. – Голос полковника прервался, потом зазвучал снова. – А сами-то вы как расцениваете ситуацию?

Грэхем был в нерешительности. Он знал, что так же далек от истины, как и в самом начале, но не мог избавиться от странного, безотчетного чувства, которое преследовало его со времени гибели Мейо. Казалось бы, смешно придавать значение ощущениям, которые, несмотря на силу и неотвязность, продолжали оставаться смутными и неуловимыми. Не было ли это чувство сродни тем подозрениям, которые заставили его пуститься в погоню неизвестно за чем? Не связаны ли эти психические сигналы с его интуицией сыщика? Что это – ключ к разгадке или пустое суеверие? А может быть, просто нервы пошаливают?

Наконец, приняв решение, он заговорил неторопливо и осторожно:

– Шеф, у меня по-прежнему нет ни малейшей идеи, что за всем этим кроется, но мне кажется, что иногда говорить на эту тему – опасно. – Тут ему пришла в голову мысль, и он добавил: – Похоже, что иногда опасно даже думать об этом.

– Что за чушь! – насмешливо воскликнул Лимингтон. – Настоящих телепатов не бывает, а гипноз сильно переоценивают. К тому же пока еще никто не создал приборов, которые могли бы засечь чьи-то тайные мысли. Да и как, черт побери, можно вести расследование, не думая?

– В том-то все и дело, что никак, – сухо ответил Грэхем. – Поэтому мне и приходится рисковать.

– Вы что, серьезно?

– Более чем! Я полагаю, – а вернее – чувствую, что временами эти вещи можно обмозговывать совершенно спокойно и с пользой для дела. Но я столь же определенно чувствую, что иногда наступают какието непонятные мгновения, когда задумываться о них значило бы самому подставить себя под удар. А почему я так чувствую – и сам не могу объяснить. Может, я просто сдурел, только чем глубже я в это дело влезаю, тем больше ценю свою дурость.

– Почему?

– Да потому что я пока еще твердо держусь на ногах, а другие их давно уже протянули.

Грэхем повесил трубку. В глазах у него горел странный огонек. Почему-то он знал, что правильно оценивает грозящую ему опасность. Он должен пойти на риск, невероятный риск, выступив против сил, совершенно неизвестных и поэтому особенно грозных. Неусыпная бдительность – вот нереальная цена свободы. И если ему, как и Уэббу, суждено пасть в тщетном усилении заплатить эту цену, что ж, так тому и быть!

Шеф полиции Корбетт наконец нашел того, кого искал на верхнем этаже битком

набитой Центральной больницы. По словам раненого получалось, что из трех тысяч уцелевших, извлеченных из-под развалин Силвер Сити, он был единственным, кто работал на заводе Нэшнл Кэмера.

Пострадавший был забинтован с головы до пят, даже глаз не было видно. Свободным оставался только рот. В палате стоял сильный запах дубильной кислоты – немое свидетельство того, что несчастный получил обширные ожоги. Грэхем присел с одной стороны койки, Корбетт – с другой.

– Пять минут, не больше! – предупредила усталая сиделка. – Он очень слаб, но может продержаться, если дать ему шанс.

Приблизив губы и закрытому повязкой уху, Грэхем спросил:

– Что же все-таки взорвалось?

– Резервуары, – послышался слабый шепот.

– Нитрат серебра? – Грэхем постарался, чтобы в вопросе прозвучало недоверие.

– Да

– Как вы это объясните?

– Никак. – Он провел распухшим языком, бледным и пересохшим, по марлевой бахромке, окаймлявшей обожженные губы.

– Где вы работали? – тихо спросил Грэхем.

– В лаборатории.

– Занимались исследованиями?

– Да

Грэхем со значением взглянул на Корбетта, который внимательно прислушивался к разговору, потом обратился ж человеку на койке:

– Над чем вы работали, когда произошла катастрофа?

Ответа не последовало. Рот под бинтами плотно сжался, дыхание стало совсем неслышным. Встревоженный Корбетт вызвал сиделку.

Девушка примчалась и захлопотала над пациентом.

– С ним все в порядке. У вас еще две минуты. – Она тут же убежала. От долгого дежурства лицо ее побледнело и осунулось.

Грэхем еще раз задал вопрос – снова молчание. Нахмурившись, он дал Корбетту знак вступить в разговор.

– С вами говорит Корбетт, начальник полиции Бойсе, – сурово изрек тот. – Человек, который вас допрашивает, – офицер Разведывательной службы Соединенных Штатов. При вчерашнем взрыве погибло больше тридцати тысяч человек, а те немногие, кто уцелел, находятся не в лучшем состоянии, чем вы. Необходимость выяснить причину трагедии гораздо важнее, чем ваша лояльность по отношению к работодателям. Советую не упрямиться.

Плотно сжатые губы не шевельнулись.

– Если вы не заговорите, у нас найдутся средства. – начал было Корбетт.

Дав ему знак замолчать, Грэхем снова приблизил губы к уху лежащего и тихо сказал:

– Доктор Бич разрешил вам сказать все, что вы знаете.

– Бич! – воскликнул несчастный. – Почему же он велел мне ничего не

рассказывать?

– Он сам вам велел? – ошеломленно спросил Грэхем. – Когда это случилось? Он что, заходил сюда?

– За час до вашего прихода, – тихо проговорил собеседник.

Грэхем с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Так, значит, он жив!», но вовремя взял себя в руки и доверительным тоном произнес:

– Час – большой срок, многое могло произойти. Говорите без всяких опасений.

Запеленутая фигура на кровати слабо пошевелилась

– Позавчера мы получили новую эмульсию, – неохотно признался он. – Мы работали над ней уже три месяца под руководством Бича. Вкалывали, как проклятые, в три смены, день и ночь. На нас так жали, как будто каждая секунда обходилась комуто в тысячи долларов. Бич не собирался отступать. Чтобы разработать такой состав, одному экспериментатору потребовалось бы лет десять, но нас было шестьдесят, и все ресурсы компании были к нашим услугам. Наконец в среду утром Уайман получил ее. Да, это было в среду утром, но мы не были уверены окончательно, что он получил именно то, что нужно, пока не испытал и ее как раз перед самым взрывом.

– Что это была за эмульсия, и как вы ее испытывали? – задал наводящий вопрос Грэхем.

– Фотографическая эмульсия, сохраняющая чувствительность далеко за пределами инфракрасного диапазона, гораздо дальше, чем любые имеющиеся в продаже пленки, которые нам удалось раздобыть. Бич считает, что такая эмульсия должна регистрировать какие-то объекты, вроде солнц, а зачем – не знаю. Никто из нас не знал.

Использував состав Уаймана, мы провели обычную экспозицию, и действительно – получили негативы, на которых запечатлелись какие-то шутки, похожие на мелкие солнца.

– А дальше, дальше? – подгонял его Грэхем.

– Мы стали их с любопытством разглядывать и потом еще долго обсуждали. Эти солнца представляли собой небольшие шарики невидимого излучения. Три или четыре из них парили над крышей экстрационного цеха номер четыре. Почему-то – я не могу объяснить, почему именно, – после того, как мы их увидели, всеми овладело сильнейшее волнение, люди просто из себя выходили. В тот момент, когда мы узнали, что испытания дали положительный результат, Бич был дома, и Уайман ему позвонил. Как раз в середине их разговора – трах! – и все взлетело в воздух.

– А Бич определенно знал о существовании этих предметов еще до того, как вам удалось их сфотографировать?

– А как же! Я не знаю, откуда он о них узнал, только он наверняка был в курсе.

– И он никогда не намекал вам на происхождение этих объектов?

– Нет. Только объяснил, как они должны выглядеть на негативе. И все. Он вообще о них особо не распространялся.

– Спасибо, – сказал Грэхем. – Я уверен, что вы нам здорово помогли.

Отодвинув стул, он медленно вышел из палаты. Корбетт в полном недоумении следовал за ним. Миновав изогнутую аллею, выходящую на главную дорогу, они остановились у гиromобиля, принадлежащего начальнику полиции.

Повинуясь какому-то еле уловимому импульсу, какому-то странному наитию, которые он не смог бы ни выразить словами, ни объяснить, Грэхем постарался выбросить из головы результаты только что закончившегося допроса и сосредоточиться на чем-нибудь другом. Повелевать своим умом оказалось не так-то легко, и первые несколько минут, пока ему не удалось направить непокорные мысли по безобидному пути, он буквально взмок от напряжения. Грэхем извлек из памяти женский образ, и ум его с готовностью принялся любоваться волной черных кудрей, изгибом бедер, безмятежной улыбкой, которая временами освещала миловидное лицо в форме сердца – ну конечно же это была доктор Кертис! Как мужчина он мог без всякого труда забывать о ее профессиональных качествах. И вообще, кто дал ей право напускать на себя ученый вид – с такой-то фигурой!

Он все еще мысленно всматривался в ее спокойные, ясные глаза, когда Корбетт залез в кабину и недовольно проворчал:

– Жаль, парень не смог объяснить, что это еще за чертовы солнца!

– Да, – не слушая его, согласился Грэхем и захлопнул за тучным полицейским дверцу. – Позвоню вам в управление сразу после обеда. – Он торопливо зашагал прочь, по-прежнему упорно сохраняя в воображении необычайно яркий образ девушки.

Опустив стекло, Корбетт крикнул ему вслед:

– Этими солнышками наверняка стоит как следует заняться! Ставлю жизнь на карту – что-то тут не чисто!

Не получив ответа, начальник полиции пронзил широкую спину Грэхема возмущенным взглядом и, поставив жизнь на карту, нажал толстым пальцем на кнопку стартера.

Гиромобиль взвизгнул, как голодная собака, рванул с места и набрал скорость. Все убыстряя ход, он с воем понесся по улице – только ставни на окнах домов захлопали от поднятого ветра. Пулей нырнув в узкую брешь между машинами, двигавшимися наперерез, гиромобиль влетел на перекресток, не обращая внимания на сигналы автоматических светофоров, так что перепуганные пешеходы бросились врассыпную. С той же бешеной скоростью он миновал следующий квартал, описав пологую дугу, проскочил еще один перекресток и со всего маху врезался в бетонный торец углового дома. От удара машина сложилась в гармошку, а двухтонная панель раскололась. Раздавшийся грохот еще долго отдавался эхом от стен окружающих зданий.

Этот звук настойчиво бился в барабанные перепонки Грэхема, который еще не вышел из состояния самогипноза. Он из последних сил отчаянно старался удержать перед мысленным взором девичье лицо, чтобы отогнать, отразить, не допустить ужасную весть о том, что еще одному пришлось так страшно – поплатиться за проявленное к маленьким солнцам любопытство.

Вокруг места катастрофы уже толпились зеваки, защищенные собственным неведением, а Грэхем, который из-за возникших у него подозрений стал уязвим для неведомой опасности, упрямо шагал прочь и боролся с собой – боролся, силясь сосредоточиться на своем видении и полностью отключить все остальные мысли. Он все шел и шел, настойчиво стараясь замаскировать предательский ум, и постепенно одержал победу в этой упорной борьбе.

ГЛАВА 6

Тропинка, вся в пятнах лунного света, взбиралась все выше и выше, петляя и извиваясь, как испуганная змея.

Прошло лишь несколько часов с тех пор, как Корбетт разбился всмятку, а Грэхему казалось – целый год. Отогнав воспоминание, он нырнул в тень сотворенной самой природой обелиска, который высился рядом с дорогой. Унылая луна заливала тусклым светом мрачные скалы и молчаливые сосны, придавая гористому пейзажу бледный, призрачный вид.

Затаившись, путник лихорадочно обшарил взглядом густые тени, пятнавшие только что пройденный путь. Напрягая слух, силился он уловить среди шелеста листвы, скрипа ветвей, журчания невидимого ручья какие-нибудь посторонние звуки – звуки, которые могли бы принадлежать чему-то обычно неслышимому. Невольно, только для того, чтобы успокоить свою чрезмерную бдительность, он старался разглядеть незримое, услышать беззвучное, ожидая появления того, что при встрече никому не оставляло времени для раздумий.

Так он простоял целых пять минут. Нервы взвинчены, мышцы напряжены, тело и разум устремлены навстречу опасности, грозящей вырваться из мрака и безмолвия. Но ничего не случилось – вокруг все так же громоздились суровые скалы, тянувшие свои рваные вершины к таким же рваным облакам, да сосны, как часовые, несли свою вахту, охраняя ночной покой.

Грэхем уже который раз останавливался вот так, озирая пройденный путь, – и каждый раз тропа оказывалась пуста, ничто не внушало подозрений.

Таинственные преследователи, крадущиеся за ним по пятам в черноте ночи, были порождением его усталого ума. Он достаточно владел собой, чтобы понимать: все это – лишь плод разыгравшегося воображения, и все же не мог удержаться; снова и снова выбирал наблюдательный пункт и, напрягая усталые глаза, пытался отыскать подтверждение преследующих его кошмаров.

Он вглядывался в ночь, пока не убедился, что все спокойно, потом вышел из густой тени, отбрасываемой обелиском, и двинулся вверх по тропе. Проваливаясь в глубокие расщелины, натываясь на разбросанные тут и там валуны, еле видимые в обманчивом свете луны, он спешил все вперед и вперед.

Тропа, прихотливо извиваясь, шла вокруг горы и заканчивалась в маленькой долине, с трех сторон окруженной нависающими каменными утесами. Дом, стоящий в конце долины, казалось, припал к земле и затаился. Это была не какая-нибудь развалюха, а мощное сооружение из бетона и местного камня – мрачное, приземистое, зловещее в своем одиночестве.

У входа в долину стоял ветхий старинный указатель. На его выцветшей табличке были неуклюже выведены слова: МИЛЛИГАНЗ СТРАЙК. Прищурившись, путник пристально всмотрелся в надпись, потом оглянулся на тропу. Ничего подозрительного.

Он стал крадучись пробираться через долину. Угольно-черные тени громоздящихся вокруг скал поглотили его собственную тень. Наконец он добрался до безмолвно застывшего дома и оглядел его холодные, бесстрастно поблескивающие окна. Ни в одном из них не мелькнул приветливый огонек, ни единого звука не доносилось из-за суровых стен. Все было тихо, только потревоженный камень с шумом скатился по

тропе. Этот слабый отдаленный гул заставил его прижаться к стене и сунуть руку в карман. Целых пятнадцать минут он следил за освещенным луной входом в долину.

Успокоившись, Грэхем сильно постучал в бронированную дверь, потом подергал за ручку – заперто. Он еще раз постучал, на этот раз булыжником. Никакого ответа. Повернувшись спиной к двери и вперив налитые кровью глаза в белеющий под луной указатель, он заколотил по броне подкованным башмаком, так что по всей долине прокатилось эхо.

Пока он яростно сражался с дверью, сердце его сжималось от ужаса. А вдруг другие уже проникли в дом до него, другие, которые не стучались и не открывали дверей, а просто вошли, коварно и бесшумно? Другие, стрелять в которых бесполезно, убежать от которых – невозможно.

Прогнав панику, он нанес двери последний сокрушительный удар. Если через минуту никто не откроет, он возьмет здоровенный камень и разобьет железную решетку на окне. Он должен войти любой ценой, даже если придется разнести весь дом. Прижав ухо к двери, он напряженно прислушался и уловил слабое гудение, которое переросло в низкий вой.

Вой прекратился; лицо сыщика прояснилось. Раздался металлический грохот, потом послышались медленные осторожные шаги. Лязгнула цепочка, заскрипели отодвигаемые засовы, щелкнул замок – и дверь приоткрылась на шесть дюймов.

– Ну, кто там? – спросил из темноты низкий глуховатый голос.

Грэхем кратко представился и спросил:

– Профессор Бич?

Дверь распахнулась, и хозяин, неразличимый в царившем внутри мраке, отрывисто произнес:

– Входите, Грэхем. Когда-то мы встречались. В этой крошечной тьме я вас не узнал.

Войдя, Грэхем услышал, как дверь захлопнулась, загремели запоры. Его взяли за руку и в полной темноте перевели через площадку. Прямо перед лицом раздался лязг и скрежет металла, и пол ушел у него из-под ног. Надо же – лифт, в таком месте!

Мимо проплыл плафон, и кабина остановилась. В лучах света перед Грэхемом предстало лицо профессора. Он был все тот же: высокий, темноволосый, с тонкими чертами лица. Бремя прожитых лет мало сказалось на нем. Грэхем не видел его несколько лет, но не заметил никаких перемен. Нет, одна перемена все-таки была, причем ошеломляющая – глаза!

Тонкий, горбатый, как у ястреба, нос обрамляла пара холодных суровых глаз, сверкающих каким-то неземным светом. Было что-то подавляющее в их сверхъестественном блеске, что-то гипнотическое в остром, настороженном, пронизательном взгляде.

– Почему наверху так темно? – поинтересовался Грэхем, все еще не в силах оторваться от этих поразительных очей.

– Свет приманивает ночных тварей, – уклончиво ответил Бич. – Они могут причинить неудобство. – Он разглядывал гостя. – Кто вас надоумил искать меня здесь?

– Редактор газеты, издающейся в Бойсе, знает, что вы часто уединяетесь в этом доме. Он сказал, что утром придет репортера посмотреть, живы вы или нет. Вот я и решил его опередить.

Бич вздохнул.

– Так я и знал: после того, что случилось, сюда набежит целая свора ищеек. Ну, да ладно! – Он провел Грэхема в небольшую комнату, всю заставленную книгами, и подвинул гостю стул. Осторожно закрыв дверь, сел напротив. Потом переплел длинные, тонкие пальцы и устремил на собеседника свой странный взгляд – Мне искренне жаль, что мы встречаемся при таких прискорбных обстоятельствах. Полагаю, ваш приход связан с катастрофой в Силвер Сити?

– Да.

– Но Ведомство целевого финансирования здесь вроде бы ни при чем. Почему же вас это интересует? – Темные, тонко очерченные брови профессора вопросительно поднялись.

– Вы правы, – согласился Грэхем. Сняв с руки кольцо, он передал его Бичу. – Может быть, вы слышали о таких вещах, даже если вам не доводилось их видеть? На его внутреннюю поверхность нанесена микроскопическая надпись, подтверждающая, что я являюсь сотрудником Разведывательной службы США. Если хотите, можете посмотреть под микроскопом.

– А, разведка! – Нахмутив лоб, Бич задумчиво повертел в пальцах кольцо и отдал владельцу, даже не удосужившись разглядеть как следует. – Верю вам на слово, – он нахмурился еще сильнее. – Если вас интересует, почему взорвался нитрат серебра, то на этот вопрос я ответить не смогу. Мне еще несколько недель придется давать бесчисленные объяснения полицейским, заводским инспекторам, химикам-технологам, репортерам. И все они будут даром тратить время. Я совершенно не в силах объяснить причину аварии.

– Лжете! – без обиняков заявил Грэхем.

Покорно вздохнув, ученый поднялся и медленно направился к двери. Он отыскал палку с крючком на конце, зацепил ею большой экран, спрятанный в углублении потолка, и опустил его вниз. Удостоверившись, что экран полностью закрывает дверь, он вернулся на свое место.

– Почему вы считаете, что я лгу?

– Потому что вы, как никто другой, знаете, что раствор был непостижимым образом взорван тем таинственным феноменом, который вы пытались сфотографировать, – ответил Грэхем, чувствуя, как волосы у него на затылке зашевелились. – Потому что кому-то из вашей команды удалось, наконец, получить запретное изображение – и вот ответный ход: Силвер Сити сметен с лица земли.

Горло у него судорожно сжалось. Грэхем отчетливо почувствовал, что этими словами подписал себе смертный приговор, и с удивлением отметил, что все еще жив. Он взглянул на Бича, желая увидеть, какой эффект произвело на него это заявление, но ученый только крепче сжал скрещенные на груди руки, да в его горящих глазах блеснула едва различимая искра.

– Ведь город пал жертвой того же явления или явлений, которое погубило невесть сколько лучших ученых мира, – наступал Грэхем, – как раз выяснение обстоятельств смерти некоторых из этих ученых – американских ученых – и привело меня к вам.

Он достал бумажник, извлек из него телеграмму и передал Бичу. Тот стал читать, бормоча себе под нос:

ПОЛИЦИЯ БОЙСЕ ДЛЯ ГРЭХЕМА ЕДИНСТВЕННЫЙ ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ

ТИРЕ ВСЕ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ БЬЕРНСЕНА ИЛИ ДРУЗЬЯМИ ЕГО ДРУЗЕЙ ТОЧКА ГАРРИМАН.

– Имеются в виду те, кто умер в прошлом месяце. – Жестом обвинителя Грэхем наставил на профессора указательный палец. – Но ведь и вы были другом Бьернсена!

– Совершенно верно, – согласился Бич и стал задумчиво изучать собственные руки. – Мы с Бьернсеном очень старые друзья. Таких, как я, осталось совсем немного. – Он поднял глаза и посмотрел прямо в лицо собеседнику. – И еще я должен признаться, что у меня действительно много таких сведений, которые я собираюсь хранить в строгой тайне. Ну и что вы собираетесь со мной делать?

Этот дерзкий вызов мог бы смутить кого-то менее настойчивого. Но сыщик так легко не сдавался. Уперев руки в голени и подавшись вперед, он постарался изобразить на лице такое выражение, как будто ему известно гораздо больше, чем подозревает его оппонент, больше, чем он пока намерен открыть.

– Скажу вам откровенно, – начал он, – Ирвин Уэбб оставил тайное послание, которое нам удалось расшифровать. Оно содержало многое из того, что он обнаружил. Уэбб утверждал: эту картину необходимо показать миру – если такое зрелище не приведет к войне.

– Бойня! – хрипло вырвалось у Бича. – Разве вам не достаточно того, что случилось с Силвер Сити? Один человек видит картину, смотрит на нее, думает о ней – и в единое мгновение тридцать тысяч людей расплачиваются за это своими жизнями, а может быть, и душами. Вот и сейчас самый опасный для вас враг – ваши собственные мысли. Зная самую малость, думая о ней, размышляя, прокручивая ее в мозгу, вы сами подставляете себя под удар, обрекаете себя на гибель. Вас выдает непроизвольная деятельность вашего же ума. – Взгляд его скользнул к двери. – Если вдруг люминесцентный экран на двери засветится, ни я, ни весь цивилизованный мир уже не смогут спасти вас от немедленной смерти.

– Знаю, – невозмутимо ответил Грэхем. – Но риск, которому я подвергаюсь, ничем не больше вашего: к тому же, он не сможет возрасти, если я узнаю то, что уже известно вам. От большего знания смерть не станет больше. – Стараясь не смотреть на экран, он сосредоточил все внимание на сверкающих глазах собеседника. Если экран засветится, он увидит его отсвет в глазах Бича. – Раз уж бойня все равно произошла, несмотря на то, что истина не стала достоянием масс, навряд ли положение ухудшится, если истина выйдет наружу.

– Ваше предположение, – Бич саркастически усмехнулся, – построено на ошибочной предпосылке: плохое не может стать еще хуже. – Он не сводил глаз с экрана. – Когда-то не было ничего хуже лука и стрел – пока не появился порох. Не стало ничего хуже него – пока не появились отравляющие газы. Потом бомбардировщики. Потом сверхзвуковые ракеты. Потом атомные бомбы. Сегодня – бактерии и вирусы-мутанты. Завтра – что-нибудь еще. – Последовал отрывистый язвительный смешок. – Ценой слез и страданий мы начинаем понимать, что всегда есть простор для дальнейших усовершенствований.

– Охотно поспорю с вами, но только когда буду знать все факты, – парировал Грэхем.

– Поверить в эти факты невозможно!

– Но вы-то сами верите?

– Логичный вопрос, – с готовностью согласился Бич. – Только в моем случае о вере речи не идет. При чем здесь вера, если знание получено эмпирическим путем! Нет, Грэхем, я в них не верю – я их знаю! – Он задумчиво погладил подбородок. – Для людей сведущих неопровержимые доказательства, которые удалось собрать, не оставляют места сомнениям.

– Так что же это за факты? – не отступал Грэхем, всеми силами стараясь заставить ученого заговорить. – Что – развеяло по ветру Силвер Сити? Что прервало эксперименты целой группы ученых, прикончив их таким образом, чтобы не вызвать никаких подозрений? Что только сегодня убило начальника полиции Корбетта?

– Корбетт? Так он тоже погиб? Бич погрузился в длительное раздумье, устремив глаза через плечо собеседника на занавешенную дверь. В комнате повисла тишина – только настольные часы отсчитывали время, оставшееся до смерти. Один ум лихорадочно мыслил, другой с суровой неумолимостью ждал. Наконец Бич встал и выключил свет.

– Лучше наблюдать за экраном в темноте, пояснил он. – Садитесь сюда, рядом со мной, и не сводите с него глаз. Если он засветится, начинайте думать о чем-то постороннем, или само небо не сможет вас спасти!

Придвинувшись поближе к ученому, Грэхем устремил взгляд во тьму. Он знал: наконец-то дело вот-вот сдвинется с мертвой точки, и его безжалостно терзали угрызения совести.

«Ты обязан выполнить приказ! – не умолкал в нем внутренний голос. – Твой долг – связаться с Лимингтоном, как тебе было велено! Если Бичу придет конец, а вместе с ним – и тебе, то мир ничего не узнает, кроме того, что ты потерпел неудачу, как и все остальные, причем только потому, что не захотел выполнить свой долг!»

– Грэхем, – произнес из темноты хриловатый голос Бича, положив конец покаянным мыслям разведчика, – мир получил научное открытие такой же величины и важности и такой же далеко идущей перспективы, как изобретение телескопа и микроскопа.

– Что же это?

– Способ расширения видимой части спектра далеко за пределы инфракрасного диапазона.

– Вот оно что!

Его обнаружил Бьернсен, – продолжал Бич. – Как уже случалось с многими другими великими открытиями, он натолкнулся на него случайно, занимаясь чем-то совсем другим. Но сумел понять значение своей находки и получить практические результаты. Как и телескоп, и микроскоп, она раскрыла перед ним новый, доселе неведомый мир, о котором никто даже не подозревал.

– Новый ракурс, позволяющий увидеть то, что незримо присутствовало и раньше? – подсказал Грэхем.

– Вот именно! Когда Галилей, сам себе не веря, глядел в телескоп, он обнаружил то, что испокон веков было перед глазами несведущих миллионов, то новое, революционное, что перевернуло официально принятую и широко известную геоцентрическую систему.

– Замечательное открытие, – согласился Грэхем.

– Микроскоп дает гораздо лучшую аналогию – ведь он позволил увидеть факт,

который с сотворения мира маячил у всех под носом и о котором тем не менее никто не подозревал. Факт, что мы всю свою жизнь соседствуем с бесчисленным множеством живых организмов, скрытых от нас за пределами нашего зрения, скрытых в бесконечно малом. Вы только подумайте, – настаивал Бич, голос его звучал все громче, – юркие живые твари, кишачие вокруг нас – над головой, под ногами, в нас самих. Они борются, размножаются и погибают в нашей же собственной кровеносной системе, и при этом никто о них знать не знал, даже не догадывался, пока микроскоп не прибавил остроты нашему слабому зрению.

– Да, это тоже великое открытие, – подтвердил Грэхем. Несмотря на заинтересованность, нервы его все еще были на взводе: он так и подскочил, когда собеседник случайно коснулся его рукой в темноте.

– Все это веками ускользало от нас – одно, скрываясь в непостижимо большом, второе – в невероятно малом. Точно так же ускользало и другое – затаившись в абсолютно бесцветном. – Глуховатый голос Бича дрожал от волнения. – Шкала электромагнитных колебаний занимает более шестидесяти октав, из которых человеческий глаз способен увидеть всего одну. Вот за этим зловещим барьером, создаваемым нашим же слабым, ограниченным, беспомощным зрением, и скрываются жестокие, всемогущие господа, правящие каждым из нас с колыбели и до могилы, невидимо и безжалостно паразитирующие на нас – истинные хозяева Земли!

– Кто же они, черт возьми? Перестаньте ходить вокруг да около, говорите же Бога ради! – На лбу у Грэхема выступила холодная испарина, глаза были прикованы к сигнальному экрану. Он с облегчением отметил, что пока ни единый проблеск света не прорезал окружающую тьму.

– Перед глазами, наделенными новой зрительной способностью, они предстают в виде парящих сфер, сияющих бледно-голубым светом, – сообщил Бич. – За их сходство с шарами живого света Бьернсен прозвал их витонами. Они не только живые, но еще и мыслящие! Они – властители земли, а мы – лишь скот на их лугах. Они – жестокие и безжалостные повелители невидимого мира, а мы – их мычащие, потеющие, полоумные рабы, до того тупые, что только теперь прознали про свои оковы.

– А вы можете их видеть?

– Могу! Но порой готов молить Всевышнего, чтобы мне никогда не доводилось их увидеть! – В тесной комнате отчетливо слышалось дыхание ученого. – Все те, кто повторил последний эксперимент Бьернсена, обрели способность проникать за этот зрительный барьер. Увидевшие витонов уже не могли жить спокойно, начинали постоянно думать о них – и входили под сень смерти. На определенном расстоянии витоны умеют читать человеческие мысли с такой же легкостью, с какой мы читаем открытую книгу. Вполне понятно, что они немедленно пресекают распространение информации, которая может в конце концов привести к тому, что мы бросим вызов их многовековому господству. Они так же хладнокровно отстаивают свою власть, как мы отстаиваем свою – над животным миром, а именно – уничтожая противников. Вот и тот, кто последовал примеру Бьернсена и не сумел скрыть полученное знание в тайниках ума или невольно обнаружил его во сне, когда мозг был беззащитен, уже никогда не сможет ничего сказать. Помолчав, он добавил: – Не исключено, что нас ждет та же участь. – Снова повисло молчание, отмеряемое равномерным тиканьем часов. – И вам, Грэхем, предстоит та же пытка, ибо знание несет в себе проклятие.

Тренированный ум может постараться спастись, постоянно – ежеминутно, ежесекундно – контролируя свои мысли в часы бодрствования. Но кто из нас способен контролировать свои сновидения? Да, самая смертельная опасность – это сны. Не ложись в постель – она может взорваться!

– Я подозревал нечто подобное.

– Неужели? – Бич был явно удивлен.

– С самого начала расследования бывали странные, необъяснимые мгновения, когда я ощущал: просто необходимо начать думать о чем-то другом. Я не раз повиновался этому абсурдному, но властному импульсу – занять мысли чем-то посторонним, чувствуя, веря, почти зная, что так безопаснее.

Только это вас и спасло, – подтвердил Бич. – Иначе вас бы давно прикончили.

– Неужели я владею своими мыслями лучше, чем такие гораздо более талантливые люди, как Бьернсен, Лютер, Мейо, Уэбб?

– Дело не в этом. Просто вам было легче. Ведь то, что вам приходилось контролировать, не выходило за рамки смутных подозрений. В отличие от других, вам еще не доводилось подавлять в себе мысли, содержащие ужасную истину во всей ее полноте. Настоящая проверка только начинается – посмотрим, на сколько вас хватит теперь! – зловеще добавил он.

– И все же, спасибо Всевышнему за эти подозрения, – пробормотал Грэхем.

Похоже, что вас посещают вовсе не подозрения, – сказал Бич. – Если эти ощущения, несмотря на всю свою смутность и неопределенность, все же были достаточно сильны, чтобы в противовес инстинкту рассудка заставить вас повиноваться, то у вас скорее всего необычайно развито экстрасенсорное восприятие.

– Никогда не задумывался ни о чем подобном, – признался Грэхем. – Просто времени не хватало, чтобы копаться в себе.

– Такая способность встречается не особенно часто, и тем не менее она далеко не уникальна.

Встав со стула, Бич включил свет и выдвинул ящик большого каталожного шкафа. Порывшись в ворохе газетных вырезок, заполняющих ящик, он извлек одну из подборок и стал ее просматривать.

– Здесь собраны сведения о подобных случаях за сто пятьдесят лет. Вот Мишель Лефевр из СентЭйва – это во Франции, неподалеку от Ванна – ее не раз исследовали французские ученые. Они установили, что ее экстрасенсорное восприятие составляло шестьдесят процентов от нормального зрения. Хуан Эгерола из Севильи – семьдесят пять процентов. Вилли Осипенко из Познани – девяносто процентов. – Он извлек из пачки очередную вырезку. – А вот самый смак! Взято из английской газеты «Тит Битс» от 19 марта 1938 года. Илга Кирпс, латышская пастушка из-под Риги, молоденькая девушка с интеллектом не выше среднего и в то же время научный феномен. Комиссия из ведущих европейских ученых подвергла ее самой тщательной проверке, в результате чего было установлено, что она, несомненно, обладает настолько развитым экстрасенсорным восприятием, что оно по силе своей превосходит обычное зрение.

– Посильнее, чем у меня, – заметил Грэхем.

Профессор сложил вырезки в ящик, потушил свет и вернулся на свое место.

– Сила бывает разной. Илга Кирпс – витонский гибрид. Экстрасенсорное

восприятие – чисто витонское качество.

– ЧТО?! – Грэхем весь напрягся, пальцы его вцепились в ручки кресла

– Это витонское качество, – невозмутимо повторил Бич. – Илга Кирпс – весьма удачный результат эксперимента, поставленного витонами. Ваш случай менее показателен, возможно, потому, что операция была проведена внутриутробно.

– Внутриутробно? Господи, уж не думаете ли вы?..

– Я давно вышел из того возраста, когда говорят не то, что думают, – заверил его Бич. – И когда я говорю «внутриутробно», то имею в виду именно это. Я хочу сказать, что не будь этих проклятых светил, мы сегодня не знали бы многочисленных осложнений, связанных с родами. Когда они бывают неудачными, дело вовсе не в несчастном случае, как обычно полагают! Грэхем, теперь я допускаю возможность явления, которое отвергал всю свою жизнь, считая его чистой воды абсурдом, – возможность непорочного зачатия. Я допускаю, что могли быть случаи, когда беспомощные, ни о чем не подозревающие жертвы подвергались искусственному оплодотворению. Витоны постоянно вмешиваются в нашу жизнь, ставя на нас, своих космических подопытных животных, тончайшие хирургические эксперименты!

Но зачем, зачем?

– Чтобы выяснить, возможно ли привить человеку витонские качества. – Помолчав мгновение, Бич сухо добавил: – Зачем люди учат тюленей жонглировать мячами, попугаев – ругаться, обезьян – курить папиросы и ездить на велосипеде? Зачем они пытаются вывести говорящих собак и заставляют слонов выполнять дурацкие фокусы?

– Улавливаю параллель, – мрачно согласился Грэхем.

– У меня здесь еще тысячи вырезок, где говорится о людях, наделенных нечеловеческими способностями, страдающих от неестественных или сверхъестественных дефектов, рождающих жутких уродов, которых сразу же умерщвляли или прятали подальше от посторонних глаз. И о многих других, ставших жертвами непонятных экспериментов или необычной судьбы. Помните случай с Дэниелом Данглассом Хоумом, который на глазах у изумленной публики вылетел, как птица, из окна первого этажа? Это подлинный случай, когда человек обладал способностью левитации, а ведь именно так передвигаются витоны! Вам нужно прочитать книгу «Триумф чародея», там как раз говорится о Хоуме. Он обладал и другими таинственными силами. Только он вовсе не был чародеем. Он был витончеловек!

– Силы небесные!

– Еще был Каспар Хаузер, человек из ниоткуда, – как ни в чем не бывало продолжал Бич. – Ничто не появляется из вакуума, так что Хаузер, как и все остальные, тоже где-то родился. Скорее всего, в лаборатории витонов. Быть может, такая же таинственная участь постигла и Бенджамена Бэтхерста, чрезвычайного посла Великобритании в Вене. 25 ноября 1809 года он скрылся за парой лошадей – и бесследно исчез.

– Я не совсем улавливаю связь, – возразил Грэхем. – Какого черта эти супертвари заставляют людей исчезать?

Даже сквозь темноту он уловил холодную, безжалостную усмешку Бича.

– А почему студенты-медики заставляют исчезать бездомных кошек? Из каких ничего не ведающих болот исчезают лягушки, которых потом препарируют? Кто

тащит из морга труп бродяги, так что кишки волочатся по мостовой?

– Брр! – Грэхем поежился от омерзения.

Исчезновение – самое обычное дело. Что, например, случилось с экипажем «Марии Целести»? Или с экипажем «Розали»? Не были ли они подходящими лягушками, которых вытащили из ближнего болота? Что случилось с «Уаратой»? Не был ли человек, который в последний момент передумал плыть на «Уарате», наделен экстрасенсорным восприятием, или же он получил подсознательное предупреждение, поскольку оказался неподходящей лягушкой? Что делает одного человека подходящим, а другом – нет? Неужели первый живет под бременем постоянной опасности, а второй может всю жизнь наслаждаться покоем? Неужели в каждом из нас есть нечто особое, неуловимое, что означает: я обречен на смерть, а вы останетесь невредимы?

– Это покажет только время.

– Время! – презрительно фыркнул Бич. – Может быть, уже миллион лет мы таскаем на своем горбу дьявола и только сейчас, наконец, начинаем прозревать. Гомо сапиенс – человек, несущий бремя беды! – Он что-то пробормотал про себя, потом продолжил: – Только сегодня утром я изучал один случай, разгадать который не могут вот уже десять лет. Подробности опубликованы в лондонской «Ивнинг Стэндрт» за 16 мая 1938 года и несколькими днями позже в британской «Дейли Телеграф». Судно Англо-Австралийской линии водоизмещением 5466 тонн исчезло в единый миг. Современный, надежный корабль, спокойное море. И вдруг – ни корабля, ни экипажа из тридцати восьми человек. Они испарились посреди Атлантики, в пятидесяти милях от других судов, незадолго до этого отправив радиограмму, подтверждавшую, что все у них в полном порядке. Спрашивается, куда они все подевались? И где большинство из тех тысяч, которых годами ищет Бюро розыска пропавших без вести?

– Кому вы говорите! – Грэхем безуспешно пытался разглядеть в темноте спасительный экран. Он где-то там, на своем посту, охраняет их, как безмолвный часовой, но он способен лишь подать молниеносный сигнал о вторжении противника. А уж обороняться им придется самим.

– Ответ мне не известен, – признался Бич. – Да и никому не известен. Единственное, что можно сказать: их захватили силы, о которых мы только начинаем понемногу узнавать, силы неведомые, но ни в коем случае не сверхъестественные. А зачем их взяли – можно разве что догадываться. Они исчезли, как исчезали многие с незапамятных времен и как будут исчезать впредь. Вернулись единицы: что с ними сделали – так никто и не уразумел. Это те, кого потом распяли, сожгли на костре, расстреляли серебряными пулями и закопали, присыпав чесноком, или же упрятали в психушку.

Может быть, – скептически заметил Грэхем. – Все может быть.

– Всего месяц назад стратоплан Нью-Йорк – Рио скрылся за облаками над Порт-оф-Спейн, что на острове Тринидад, и пропал. Только что его видели тысячи глаз, секунда – и никакого следа. С тех пор о нем никто не слышал. Девять месяцев назад точно так же исчез новый лайнер Москва – Владивосток. О нем тоже никаких сведений. Длинная череда похожих случаев тянется с самого зарождения авиации.

– Припоминаю некоторые из них.

– А что случилось с Амелией Эрхард и Фредом Нунаном, с лейтенантом Оскаром Омдалом, с Брайсом Голдсборо и миссис Ф. У. Грейсон, с капитаном Теренсом Талли

и лейтенантом Джеймсом Медкафом, с Нангессером и Коли? Возможно, кто-то из них потерпел крушение, но остальные-то нет, нимало в этом не сомневаюсь. Их похитили, как уже давно похищают людей: поодиночке, группами, целыми партиями.

Нужно предупредить мир, – торжественно произнес Грэхем. – Открыть людям глаза.

– Вы полагаете, кому-то удастся предупредить, открыть миру глаза и остаться в живых? – язвительно осведомился Бич. – Сколько таких потенциальных открывателей уже сомкнуло уста и легло в могилу? И сколько еще тысяч витоны столь же успешно сумеют утихомирить навеки? Сказать – значит подумать, подумать – значит выдать себя, а выдать себя – значит погибнуть. Даже здесь, в этом уединенном убежище, какой-нибудь бродячий невидимка может нас обнаружить, подслушать и заставить поплатиться за то, что мы слишком много знаем. Вот цена неумения скрывать свое знание. Витоны безжалостны, абсолютно беспощадны, об этом свидетельствует тот страшный факт, что они взорвали к черту весь Силвер Сити, как только узнали, что нам удалось их сфотографировать.

– И все равно мир нужно предупредить, – упрямо твердил Грэхем. – Может быть, неведение и есть благо, зато знание – оружие. Человечество должно узнать своих угнетателей, чтобы сбросить их иго!

– Прекрасно сказано, – насмешливо отозвался профессор. – Я восхищен вашей силой духа, только дух – это еще не все. Вы слишком мало знаете, чтобы понять то, что вы предлагаете, невыполнимо.

– Для этого я и вам и пришел, – парировал Грэхем. – Узнать больше! Если л уйду отсюда, не получив всей информации, то в моей неосведомленности будете виноваты только вы. Откройте мне все, что вам известно, – о большем я просить не могу.

– И что потом?

– Всю ответственность и весь риск я беру на себя. Что еще я могу сделать?

Мрак и тишина. Двое застыли, глядя на экран, один, сгорая от нервного нетерпения, другой, погружившись в невеселые раздумья. Только противоречивые мысли стремительно металась в тишине, отмеряемой неторопливым тиканьем часов. Как будто судьба всего мира дрожала на весах одного-единственного человеческого разума.

– Пошли, – внезапно произнес Бич. Включив свет, он открыл дверь рядом с по-прежнему безразличным экраном и зажег лампы в небольшой, но хорошо оборудованной лаборатории, где в полном порядке выстроились всевозможные приборы.

Потушив свет в комнате, из которой они только что вышли, Бич закрыл ведущую в нее дверь и показал Грэхему звонок, укрепленный на стене лаборатории:

– Если экран в соседней комнате засветится, сработает фоточувствительный элемент и звонок зазвонит. Если это случится, сразу же взбаламутьте как следует свои мысли – или приготовьтесь к худшему

– Понял.

– Садитесь сюда, – велел Бич. – Он протер пальцы эфиром и взял пузырек. – Реакция Бьернсена – синергическая. Вы знаете, что это значит?

– Она дает чисто ассоциативный эффект.

– Верно! Вы объяснили это по-своему, но весьма удачно. Это реакция, которая

вызывается совместным действием препаратов, ни один из которых, взятый в отдельности, не смог бы ее вызвать. Можете себе представить, что это значит – проверить взаимодействие нескольких составляющих во всевозможных комбинациях: нужно провести астрономическое количество экспериментов! Синергетикой будут заниматься еще много лет. И на эффект Бьернсена могли не натолкнуться еще лет пятьдесят. Если бы у него самого не хватило ума распознать проблеск удачи, мы бы все... – он замолчал и, наклонив пузырек над мензуркой, стал тщательно отсчитывать капли.

– Что вы делаете? – спросил наблюдавший за ним Грэхем.

– Собираюсь обработать вас по формуле Бьернсена. На несколько минут вы потеряете зрение, но не пугайтесь: просто ваши палочки и колбочки должны перестроиться. А пока зрение будет изменяться, я подробно расскажу вам все, что мне удалось узнать

Полученный эффект будет постоянным или временным?

Он кажется постоянным, но я не стал бы утверждать категорически. Просто никто не прожил достаточно долго, чтобы удостовериться, насколько он продолжителен.

Поставив пузырек, он подошел к Грэхему, держа в одной руке стаканчик, в другой клочок ваты.

– Что ж, начнем, – сказал он. – А теперь слушайте внимательно, что я вам скажу кто знает, может быть, повторить уже больше не придется!

Сам того не ведая, он оказался пророком .

ГЛАВА 7

По диску заходящей луны проносились бледные клочья облаков. Густая, почти осязаемая тьма окутывала долину. Ночной мрак надежно укрывал дом, угрюмо затаившийся в ее глубине, и неясную тень, которая выскользнула из бронированной двери и метнулась под полог шумящих сосен.

У обшарпанного указателя, залитого лунным светом, тень на мгновение превратилась в силуэт мужчины, потом растворилась, слившись с темными деревьями. По тропе прокатился камешек, где-то хрустнула ветка – и снова вокруг только шелест неугомонной листвы да стон ветвей, колеблемых ночным ветром.

У конца тропы рябина укрыла своими ветвями узкий, стремительный, отливающий металлом корпус. Что-то темное, мелькнув у ствола рябины, слилось с машиной. Тихо щелкнул хорошо смазанный замок, раздался тихий, но мощный гул. Тревожно вскрикнула ночная птица, и металлический цилиндр, выскочив из глубокой тени, рванулся по дороге, держа курс на перевал.

Еще светало, когда тот же самый цилиндр уже стоял у стратопорта Бойсе. На одном краю небосклона мигали на фоне постепенно светлеющей мглы бледные звезды, другой розовел от лучей занимающегося дня. Утренняя дымка полупрозрачной пеленой висела над отрогами Скалистых гор.

Зевнув, Грэхем сказал лейтенанту полиции Келлерхеру.

– Бич и я отправляемся в разное время и следуем разными маршрутами. Для этого есть особые причины. Абсолютно необходимо, чтобы один из нас добрался до

Вашингтона. Вы лично отвечаете за то, чтобы через час Бича встретили и в целостности и сохранности доставили на борт «Олимпийца».

– Не волнуйтесь, все будет в полном порядке, – заверил его Келлерхер.

– Хорошо, поручаю это вам. – Грэхем еще раз широко зевнул и, не обращая внимания на завороченный взгляд лейтенанта, прикованный к его глазам, забрался на заднее сиденье скоростного армейского реактивного самолета, готового умчаться на восток.

Пригнувшись над рычагами управления, пилот запустил двигатель. Языки пламени и длинные струи пара вырвались из сопел и отразились в зеркальной поверхности крыльев. С пронзительным ревом машина рванулась в рассветное небо, и, протянув за собой быстро тающий перистый шлейф, понеслась над горами, тревожа их покой эхом громовых раскатов.

Набрав высоту над зубчатыми вершинами Скалистых гор, пилот выровнял машину. Грэхем, судорожно зевая, смотрел в иллюминатор. Глаза его, несмотря на усталость, сохраняли все тот же неизменный блеск.

Мерно подрагивая, двигатели развивали скорость, на полмили опережающую скорость звука. Постепенно Грэхем уронил подбородок на грудь, веки его отяжелели и, потрепетав, закрылись. Убаюканный монотонной вибрацией двигателей и покачиванием самолета, он начал похрапывать.

Разбудил его удар колес о землю и стремительный бег по посадочной полосе. Вот и Вашингтон! Легонько толкнув пассажира в бок, пилот усмехнулся и кивнул на часы. Они показали отличное время.

Когда Грэхем вышел, к машине торопливо приблизились четверо. Двоих он узнал: полковник Лимингтон и лейтенант Воль. С ними было двое незнакомцев – высокие, плотные мужчины с властными манерами.

– Получил вашу телеграмму, Грэхем, – сообщил Лимингтон. Его пронзительные глаза так и горели от нетерпения. Он достал из кармана бланк и прочитал вслух: – «Дело проясняется, от его исхода зависит судьба человечества. Необходимо доложить президенту. Встречайте армейским самолетом, прибытие два сорок». – Он взъерошил усы. – Я так понимаю, что ваша информация чревата страшными последствиями?

– Именно так! – Устремив в небо холодные, сверкающие глаза, Грэхем, казалось, выискивал там давая сигнал появления невидимых и незваных гостей. Вверху каменной преградой, заслоняющей конспираторов от всевидящих небес, высилась тяжеловесная громада здания Министерства обороны.

Аудитория была смешанная. В ней преобладали настороженное ожидание, внимание и легкое недоверие. Там был полковник Лимингтон, с ним Воль и двое правительственных чиновников, встречавших Грэхема в стратопорте. Слева от них беспокойно ерзали на своих местах сенаторы Кармоди и Дин, доверенные лица президента страны. Широкоплечий флегматик, сидящий справа, – Уиллетт С. Кейтли, глава разведывательной службы США, рядом с ним – его личный секретарь.

За ними – ученые, правительственные служащие, консультанты-психологи, всего две дюжины человек. Вот пронзительное лицо, увенчанное белой гривой, – профессор Юргенс, ведущий в мире специалист по массовой психологии, или, как предпочитают говорить его друзья, «реакции толпы». Смуглый мужчина с тонкими чертами, выглядывающий из-за плеча Юргенса, – Кеннеди Вейтч, ведущий специалист

по физике излучения. Шестеро слева от него – представители тысячи ученых, уже давно работающих над созданием волновой бомбы, приемницы атомной. Остальные – столь же компетентные специалисты, каждый в своей области, одни неизвестные, другие снискавшие мировую славу.

Внимание собравшихся было приковано ж Грэхему, чьи горящие глаза, хрипловатый голос и выразительные жесты доносили до их восприимчивых умов ужасную правду. Установленный в углу магнитофон с механической точностью фиксировал сведения, ставшие теперь общим достоянием.

– Господа, – начал Грэхем, – не так давно шведский ученый Педер Бьернсен вел поиски в неисследованной области науки; месяцев шесть назад его работа была успешно завершена: при этом обнаружилось, что границы человеческого зрения можно расширить. Этот блестящий результат ему удалось осуществить благодаря применению йода, метиленовой синьки и мескаля. И хотя до сих пор не вполне ясно, как именно данные компоненты реагируют друг с другом, сомневаться в их эффективности не приходится. Человек, прошедший обработку по прописи Бьернсена, способен воспринимать гораздо более широкий диапазон электромагнитных частот, нежели тот, что доступен обычному зрению.

Насколько более широкий? – раздался недоверчивый вопрос.

– Расширение происходит только в одном направлении, – ответил Грэхем, – в сторону инфракрасного диапазона. Если верить Бьернсену, граница проходит в пределах ультракоротких радиоволн.

– Неужели тепловидение? – раздался голос с места.

– Вот именно, тепловидение и даже сверх того, – подтвердил Грэхем.

Повысив голос, чтобы перекрыть возникший ропот изумления, он решительно продолжал:

– Каким именно образом достигается подобный эффект – предстоит поломать головы вам, ученым. Но во всем этом есть еще один поразительный факт, буквально вытасченный на свет Божий благодаря открытию Бьернсена, факт, который не может оставить равнодушным ни меня лично, ни нашу страну, ни весь мир. – Он сделал паузу, потом заявил прямо, без обиняков: – Господа, наша Земля принадлежит другим, более высоко развитым существам!

Как ни удивительно, не последовало ни гневного протеста, ни скептических смешков, ни даже гула изумления. Что-то удержало собравшихся некое общее чувство открывшейся истины или, быть может, ощущение полной искренности говорящего. Так они и сидели, как статуи, застыв на своих местах, устремив на Грэхема потрясенные, замороженные, тревожные взгляды. На лицах было написано: новость превзошла их самые фантастические ожидания.

– Уверяю вас, все, что я сказал, – реальность, не вызывающая ни малейших сомнений, – заявил Грэхем. – Я сам видел этих тварей. Видел, как эти бледные и в то же время странно светящиеся голубые шары проплывали по небу. Два из них стремительно и бесшумно пронеслись надо мной, когда я крался по безлюдной тропе из лаборатории Бича, затерянной в горах между Бойсе и Силвер Сити. Один покачивался в воздухе над стратопортом Бойсе незадолго до отлета лайнера, который доставил меня сюда. Когда я прибыл в Вашингтон, то застал здесь целые дюжины их собратьев. Вот и сейчас над городом парят десятки; возможно, некоторые крутятся над зданием. Они предпочитают людские сборища. Весь ужас в том, что они скапливаются

там, где нас много.

– Кто же они? – спросил сенатор Кармоди. Его пухлое лицо покраснелось.

– Никто не знает. Они не дают времени, чтобы их как следует изучить. Сам Бьернсен полагал, что они вторглись на Землю из других миров, причем сравнительно недавно, однако он понимал, что это чистой воды догадка, поскольку данных для подтверждения гипотезы у него не было. Покойный профессор Мейо тоже склонялся к мысли, что это организмы внеземного происхождения, но считал, что они захватили и поработили нашу планету много тысяч лет назад. Доктор Бич, напротив, думает, что они коренные обитатели Земли, так же, как микробы. Бич говорит, что покойный Ганс Лютер пошел дальше других и, основываясь на наших физических несовершенствах, предположил, что они и есть истинные земляне, в то время как мы являемся потомками животных, которых они вывезли из других миров на своих космических кораблях-скотовозах.

– Скот-скот-скот! – пронеслось по залу. Собравшиеся выговаривали это слово так, как будто оно было бранным.

– Что еще известно об этих существах? – спросил кто-то.

– Боюсь, что очень немного. Они ничуть не похожи на людей и, с человеческой точки зрения, настолько чужды нам, что не ясно, каким образом мы сможем найти что-то общее, что позволило бы достичь хоть какого-нибудь взаимопонимания. Они выглядят как светящиеся шары около трех футов в диаметре. Их живая, сияющая поверхность окрашена в голубой цвет, но лишена каких бы то ни было внешних признаков. Их нельзя снять на обычную инфракрасную пленку, но Бич изобрел новую эмульсию, с помощью которой их можно регистрировать. Радиолокаторы их не обнаруживают, очевидно, по той причине, что они поглощают радиоимпульсы вместо того, чтобы их отражать. Бич утверждает, что они любят роиться поблизости от антенн радиолокаторов, как ребятишки в жару вокруг фонтана. Он считает, что именно они натолкнули нас на изобретение локатора, чтобы тем самым ценою нашего пота доставить им еще одно непонятное удовольствие.

На лицах слушателей отразилось смешанное выражение изумления и страха; Грэхем продолжал:

– Установлено, что взамен зрения эти зловещие шары применяют экстрасенсорное восприятие, достигшее у них поразительного развития. Вот почему они всегда могли следить за нами, оставаясь для нас неуловимыми: ведь это шестое чувство независимо от электромагнитных колебаний. Кроме того, органы речи и слуха им заменяет телепатическая связь, а может быть, она лишь обратная сторона того же электрасенсорного восприятия. В любом случае, они могут читать и понимать человеческие мысли, но только на близком расстоянии. Бич назвал их витонами, поскольку, судя по всему, они бесплотны и являются сгустками энергии. Они принадлежат не ж животному, не к минеральному, не к растительному миру, а к миру энергии.

– Ерунда! – взорвался один из ученых, обретя наконец какую-то опору в своей области науки. – Энергия не может сохранять такую компактную и уравновешенную форму!

– А как же шаровые молнии?

– Шаровые молнии? – вопрос застал критика врасплох. Он неуверенно огляделся и пошел на попятный. – Должен признаться, вы меня поймали. Этому феномену наука

пока не дала удовлетворительного объяснения.

– И все же наука не отрицает, что молнии представляют собой компактную, временно уравновешенную форму энергии, которую невозможно воспроизвести в лабораторных условиях, – произнес Грэхем серьезно. – Может быть, это умирающие витоны. Не исключено, что эти существа смертны, как и мы с вами, каков бы ни был срок их жизни. А умирая, они рассеивают свою энергию на таких частотах, что внезапно становятся видимыми. – Вынув бумажник, он извлек несколько газетных вырезок. – «Уорлд Телеграм», 17 апреля: сообщение о шаровой молнии, которая влетела в дом через открытое окно и, взорвавшись, подпалила ковер. В тот же день еще одна молния, подпрыгивая, прокатилась по улице ярдов двести и исчезла, оставив после себя волну раскаленного воздуха «Чикаго Дейли Ньюс», 22 апреля: сообщение о шаровой молнии, которая медленно проплыла над лугом, проникла в дом, попыталась подняться по каминной трубе, а потом взорвалась, разрушив камин.

Спрятав вырезки, он усталым жестом пригладил волосы.

– Я позаимствовал эти вырезки у Бича. У него их целая коллекция за последние сто пятьдесят лет. Около двух тысяч статей, посвященных шаровым молниям и другим подобным феноменам. Когда их просматриваешь, зная то, что наконец стало известно, все выглядит совершенно иначе. Они перестают быть коллекцией устаревших сведений и становятся уникальной подборкой неоспоримых, исключительно важных фактов, которые заставляют нас удивляться: почему мы никогда не подозревали того, что открылось нам теперь. Ведь устрашающая картина все время была перед глазами, только нам не удавалось как следует сфокусировать изображение.

– Почему вы считаете, что эти существа, эти витоны – наши господа? – в первый раз подал голос Кейтли.

– Бьернсен установил это, наблюдая за ними, и все его последователи неизбежно приходили к такому же выводу. Мыслящая корова тоже могла бы довольно быстро уловить, чьему господству она обязана тем, что ее сородичи попадают на бойню. Витоны ведут себя так, как будто они – хозяева Земли, но ведь так оно и есть! Они и есть наши хозяева – ваши, мои, президента, любого короля, любого преступника, рождающегося на нашей планете.

– Черта с два! – выкрикнул кто-то из заднего ряда.

Никто не обернулся. Кармоди недовольно нахмурился, остальные не спускали глаз с Грэхема.

– Нам известно мало, – продолжал Грэхем, – но и это малое стоит многого. Бич убедился, что витоны не только состоят из энергии, но еще и зависят от энергии, питаются энергией – нашей с вами энергией! Мы для них – производители энергии, которых им любезно предоставила природа для удовлетворения appetites. Потому они нас и разводят, то есть побуждают к размножению. Они пасут нас, загоняют в хлев, доят, а сами жиреют на токах, идущих от наших эмоций, точно так же, как мы жиреем на соках, выделяемых коровами, которым даем корм, содержащий стимуляторы лактации. Покажите мне очень эмоционального человека, чья жизнь была бы долгой и здоровой – и вот вам витонская корова-рекордистка, обладательница первого приза!

– Вот дьяволы! – раздался чей-то возглас.

– Если вы, господа, поразмыслите над этим как следует, – продолжал Грэхем, – то поймете весь ужас создавшегося положения. Давно известно, что выделяющаяся в

процессе мышления нервная энергия, как и реакция желез на эмоциональное возбуждение, имеет электрическую или квазиэлектрическую природу. Именно этими продуктами и питаются наши призрачные владыки. Они могут в любое время увеличить урожай, сея ревность, соперничество, злобу и таким образом раздувая эмоции – и всю пользуясь этим. Христиане против мусульман, черные против белых, коммунисты против католиков – все они льют воду на витонскую мельницу, все, сами того не сознавая, набивают чужое брюхо. Витоны выращивают свой урожай так же, как мы выращиваем свой. Мы пашем, сеем и жнем – и они пахут, сеют и жнут. Мы – живая почва, взрыхленная обстоятельствами, которые навязывают нам витоны, засеянная противоречивыми мыслями, удобренная грязными слухами, ложью и умышленным извращением фактов, политая завистью и подозрительностью, дающая тучные всходы эмоциональной энергии, которые витоны потом пожинают серпами беды. Каждый раз, когда кто-то из нас призывает к войне, витоны приглашают друг друга на банкет!

Мужчина, сидевший рядом с Вейтчем, поднялся и сказал:

– Может быть, вы знаете, чем мы занимаемся. Мы уже давно пытаемся расщепить атом. Пытаемся найти способ достичь полного рассеяния субатомных частиц в первоначальную энергию. Пытаемся создать волновую бомбу. И если нам повезет, это будет еще та штучка! Даже одна небольшая бомбочка разнесет мир на куски. – Он облизнул губы и огляделся по сторонам. – Что же, по-вашему, нас витоны вдохновляют?

– Вы еще не получили вашу бомбу?

– Нет еще.

– Вот вам и ответ, – сухо сказал Грэхем – Может быть, вы ее вообще никогда не получите. А если получите, возможно никогда ею не воспользуетесь. Ну, а если вы ее создадите и взорвете!..

Раздался громкий стук в дверь. Несколько человек вздрогнули от неожиданности. Вошел военный, что-то шепнул Кейтли и сразу вышел. Кейтли встал, лицо его побледнело. Он взглянул на Грэхема, потом обвел глазами собравшихся и заговорил медленно и серьезно:

– Господа, мне очень жаль, но только что стало известно: в двадцати милях к западу от Питтсбурга потерпел крушение «Олимпиаец». – Голос его сорвался. Было видно, как он взволнован. – Много пострадавших, один человек погиб. И эта единственная жертва – профессор Бич!

Он сел. Вокруг поднялся встревоженный гул. Целую минуту в зале не утихало волнение. Слушатели переглядывались, испуганно посматривали то на экран, то на лихорадочно горящие глаза Грэхема.

Еще один из посвященных ушел навсегда, – с горечью сказал Грэхем. – Сотый или тысячный – кто знает! – Он выразительно развел руками. – Мы нуждаемся в еде, но не бродим наугад в поисках дикого картофеля. Мы его выращиваем, улучшаем, исходя из того, каким, по-нашему разумению, должен быть картофель. Вот и клубни наших эмоций, видно, недостаточно крупны, чтобы насытить властелинов Земли. Их нужно растить, удобрять, культивировать по правилам тех, кто тайком возделывает наше поле.

Вот почему мы, люди, которые в остальном достаточно разумны и даже настолько изобретательны, что порою сами поражаемся силе своего ума, не способны управлять

миром так, чтобы это делало честь нашему интеллекту! – выкрикнул он, потрясая перед ошеломленными слушателями увесистым кулаком. – Вот почему сегодня мы, которые могли бы создать невиданные в истории человечества шедевры, живем в окружении жалких памятников нашей собственной страсти к разрушению и не способны построить мир, покой, безопасность. Вот почему мы достигли успехов в естественных науках, во всех порождающих эмоциональный отклик искусствах, во всевозможных возбуждающих затеях, но только не в социологии, которая с самого начала была в загоне.

Широким жестом он развернул воображаемый лист бумаги и сказал:

– Если бы я показал вам микроснимок лезвия обыкновенной пилы, ее зубцы и впадины дали бы график, прекрасно воспроизводящий волны эмоций, которые с дьявольской регулярностью сотрясают наш мир. Эмоции – посев! Истерия – плод! Слухи о войне, подготовка к войне, войны, которые то и дело вспыхивают – кровавые и жестокие, религиозные бдения, религиозные волнения, финансовые кризисы, рабочие стачки, расовые беспорядки, идеологические демонстрации, лицемерная пропаганда, убийства, избиения, так называемые стихийные бедствия, а иначе – массовые истребления тем или иным вызывающим эмоциональный подъем способом, революции и снова войны.

Все так же громко и решительно он продолжал свою речь:

Подавляющее большинство обычных людей всех рас и вероисповеданий больше всего на свете инстинктивно жаждет мира и покоя – и все же наш мир, населенный в основном трезвыми, разумными людьми, не может утолить эту жажду. Нам не позволяют ее утолить! Для тех, кто на шкале земной жизни занимает верхнюю отметку, мир, истинный мир – голодное время. Им нужно любой ценой получить урожай эмоций, нервной энергии: чем больше, тем лучше, и по всей Земле!

– Какой ужас! – вырвалось у Кармоди.

Когда вы видите, что мир терзают подозрения, раздирают противоречия, изнуряет бремя военных приготовлений, будьте уверены: приближается время жатвы – чужой жатвы. Эта жатва не для вас и не для нас, ибо мы всего лишь жалкие недоумки, чей удел – быть отогнанными от кормушки. Урожай не про нас!

Он весь подался вперед – подбородок агрессивно выпячен, горящие глаза устремлены на слушателей.

Господа, я пришел дать вам формулу Бьернсена, чтобы каждый мог проверить ее на себе. Возможно, кое-кто из вас думает, что я просто-напросто нагоняю на вас страх. Боже, как бы я хотел, чтобы все это оказалось заблуждением! Скоро и вы захотите того же. – Он усмехнулся, но усмешка получилась жесткой и совсем не веселой – Я прошу, нет, требую, чтобы мир узнал всю правду, пока еще не поздно. Никогда человечеству не изведать покоя, никогда не построить рай на земле, пока его общую душу гнетет это страшное бремя, пока его общий разум растлевается с самого своего рождения. Наверняка наше оружие – правда, иначе эти твари никогда не пошли бы на такие крайние меры, стараясь, чтобы она не вышла наружу. Они боятся правды, значит, мир должен эту правду узнать. Необходимо открыть миру глаза!

Он сел и закрыл лицо руками. Оставались еще кое-какие факты, которые он не мог им сообщить. Да и не хотел. Еще до утра некоторые из них обретут способность проверить истинность его утверждений. Они взглянут в грозные небеса – и кто-то из них погибнет. Они умрут, крича от страшной правды, проникшей в их умы, от ужаса,

стиснувшего их бешено колотящиеся сердца. Напрасно будут они пытаться отбиться или убежать от невидимого врага. Все равно им суждено умереть, лепеча бесполезные слова протеста.

Грэхем смутно слышал, как полковник Лимингтон обратился к аудитории, призывая ученых расходиться по одному, соблюдая бдительность и осторожность. Каждый должен был взять у него копию драгоценной формулы, чтобы как можно скорее проверить ее на себе и сразу же сообщить ему о полученных результатах. И, что самое главное, им предстояло, держась порознь, все время контролировать свои мысли, чтобы в случае неудачи каждого из них обнаружили как одиночку, а не как члена группы. Лимингтон тоже понимал угрожающую всем опасность. И старался хотя бы уменьшить риск.

Один за другим правительственные эксперты покидали помещение. Каждый получал от Лимингтона листок бумаги. Все посматривали на неподвижно застывшего Грэхема, но никто с ним не заговаривал. Лица ученых отражали невеселые раздумья, уже пустившие ростки в их умах.

Когда последний из них ушел, Лимингтон сказал:

– Грэхем, мы приготовили для вас место, где вы сможете поспать; оно еще ниже под землей. Придется о вас заботиться как следует, пока факты не получат подтверждения: ведь смерть Бича означает, что вы теперь – единственный, кто получил информацию из первых рук.

– Сомневаюсь.

– Что? – от удивления у Лимингтона даже челюсть отвисла.

– Я так не думаю, – устало пояснил Грэхем – Одному небу известно, сколько ученых получили сведения об открытии Бьернсена по личным каналам. Некоторые наверняка отмахнулись от него, как от заведомой ереси – во всяком случае, им так показалось. Никто из них не потрудился проверить полученные сведения, это упущение и спасло им жизнь. Но могли быть и другие, которые повторили опыт Бьернсена и пришли к тому же результату. Им повезло больше: их до сих пор не обнаружили. Эти перепуганные, загнанные люди, доведенные собственным знанием до полубезумного состояния, боятся выставить себя на посмешище, или ускорить собственную гибель, или даже вызвать страшную бойню, если начнут выкрикивать правду направо и налево. Они где-то скрываются, затаившись в неизвестности, молча шныряя вокруг, как помойные крысы. Вам придется здорово попотеть, чтобы их выловить.

Вы считаете, что широкое распространение сведений может привести и беде?

– К беде – это еще мягко сказано, – заявил Грэхем. – В словаре просто нет такого слова, которым можно назвать то, что произойдет. Новость сможет распространиться только в том случае, если витонам, несмотря на их отчаянное противодействие, не удастся этому помешать. Если они сочтут необходимым, то без малейших сожалений сотрут с лица Земли половину человечества, чтобы сохранить другую половину в блаженном неведении.

– Если сумеют, – уточнил Лимингтон.

– Они уже развязали две мировые войны и последние двадцать лет постоянно подогревают наши эмоции по поводу неотвратимости третьей, самой разрушительной. – Грэхем потер руки и ощутил сочащуюся из пор влагу. – То, что

было для них доступно раньше, доступно и сейчас.

– Вы что же хотите сказать, что они всемогущи, а значит, бороться с ними бесполезно?

– Нет и еще раз нет! Но недооценивать противника тоже нельзя. Мы уже слишком много раз делали подобную ошибку! – Лимингтон поморщился, но возражать не стал. – Об их численности и мощи можно пока только догадываться. Очень скоро они начнут рыскать вокруг, стараться выследить зачинщиков мятежа и расправиться с ними – быстро, умело, раз и навсегда. Если они обнаружат меня и уничтожат, вам придется искать кого-то из выживших ученых. Бьернсен уведомил своих друзей, и никто не знает, как далеко растеклись сведения по чисто личным каналам. Дейкин, к примеру, получил их от Уэбба, а тот через Бича от самого Бьернсена. К Риду они попали другим путем – от Мейо и опять же от Бьернсена. Дейкин и Рид получили новость из третьих, четвертых, а может быть, и десятых рук, и все равно она их угробила. Не исключено, что есть другие, которые, скорее по чистой случайности, нежели по какой-то иной причине, умудрились выжить.

– Остается надеяться на это, – хмуро заметил Лимингтон.

– Как только новость выйдет наружу, те, которым она известна, окажутся в безопасности: исчезнет повод с нами разделаться. – В его голосе прозвучала надежда человека, мечтающего избавиться от невыносимого бремени.

Если результаты, полученные учеными, подтвердят ваше заявление, – вмешался сенатор Кармоди, – тогда я лично позабочусь о том, чтобы президента срочно информировали. Вы можете рассчитывать на полную поддержку правительства.

– Благодарю вас, – сказал Грэхем и, поднявшись, вышел вместе с Водем и Лимингтоном. Они проводили его в отведенное ему временное пристанище, которое находилось под тем же зданием Министерства обороны, но на много уровней ниже.

– Послушай, Билл, – обратился к нему Воль, – ведь я получил из Европы уйму сообщений, только не успел тебе рассказать. Результаты вскрытия Шеридана, Бьернсена и Лютера оказались точь-в-точь такими же, как и у Мейо с Уэббом.

– Все сходится, – заметил полковник Лимингтон, прямо-таки с отеческой гордостью похлопав Грэхема по плечу. – Людям будет нелегко поверить в историю, которую вы раскрыли, но я полагаюсь на вас целиком и полностью.

Они ушли, чтобы Грэхем смог наконец поспать, хотя он знал, что ничего из этого не выйдет. Разве можно уснуть, когда человечество стоит на пороге кризиса? На его глазах погиб Мейо. Он видел, как Дейкин пытался убежать от судьбы, удар которой был стремителен, точен и неумолим. Он предчувствовал, какой конец ожидает Корбетта, и слышал отзвук катастрофы, в которой тот погиб. Сегодня – Бич! А завтра?

Холодным промозглым утром страшная новость оглушительно взорвалась над ошеломленной планетой, взорвалась так внезапно, что у всех просто дух захватило, и так неистово, что это превзошло самые худшие опасения. Весь мир буквально взвыл от ужаса.

ГЛАВА 8

Было три часа утра 9 июня 3015 года. Редко упоминаемый, но в высшей степени эффективный Отдел пропаганды Соединенных Штатов трудился не покладая рук. Его

огромные помещения, занимавшие два этажа здания Министерства внутренних дел, были темны и безлюдны. Тем временем в дюжине комнат, укрытых в просторном подземном помещении, находящемся в двух милях от главного здания, кипела работа. Там собрался весь штат отдела, усиленный восемью десятками добровольных помощников.

Этажом выше, покоясь на мощных железобетонных перекрытиях, застыли старинные тяжеловесные типографские прессы. Чистые, смазанные, блестящие, они много лет простояли, ожидая того момента, когда неожиданный выход из строя всей национальной системы телеинформации снова призовет их к действию. Над ними на высоту в тысячу футов возносилась стройная громада – резиденция полуофициальной «Вашингтон Пост».

В руки четырехсот взмысленных людей, уже давно сбросивших свои пиджаки, стекались новости со всего земного шара. Телевидение, радио, кабельная сеть, стратопочта, даже полевая связь вооруженных сил – все было отдано в их распоряжение.

Но выше, на уровне земли, эта бешеная деятельность никак себя не обнаруживала. Здание «Пост» было явно безлюдно, в бесконечных рядах его неосвещенных окон дробилась тысячью отражений бледная луна. По тротуару одиноко брел патрульный полицейский; он шагал, устремив взгляд на освещенный циферблат уличных часов и ничего не подозревая о лихорадочной работе, кипевшей у него под ногами. Все его мысли были сосредоточены на чашке кофе, ждавшей его в конце обхода. Кошка молнией перебежала ему дорогу и шмыгнула в тень.

А тем временем там, глубоко внизу, под нависшими бетонными громадами, вдали от миллионов ничего не подозревающих, мирно спящих горожан, четыреста человек фанатично трудились, готовя ужасную новость на грядущее утро. Телеграфные ключи и скоростные печатающие аппараты отбивали то краткие быстрые сообщения, то более длинные и зловещие. Бешено грохотали телетайпы, выдавая горы информации. Надрывались телефоны, выплевывая чьи-то металлические голоса. Мощный многоканальный коротковолновый передатчик посылал через высотную антенну тревожные импульсы по всему миру.

Стекающиеся отовсюду новости анализировались, сравнивались, классифицировались. Бликер завершил опыт. Сообщает, что видит два шара, парящие над Делавер авеню. О'кей, передайте Бликеру, чтобы он забыл о них – если сумеет! Звонит Уильямс. Говорит, что провел опыт и теперь видит светящиеся шары. Поблагодарите Уильямса, и пусть он как можно скорее куда-нибудь скроется! На проводе Толлертон. Опыт дал положительные результаты. Он наблюдает вереницу голубых шаров, на большой высоте пересекающих Потомак. Пусть спустится в укрытие и вздремнет.

– Это вы, Толлертон? Спасибо за информацию. Извините, но нам не разрешено говорить, насколько результаты других опытов совпали с вашими. Почему? Ну, конечно, ради вашей же безопасности. А теперь выкиньте все из головы и ступайте баиньки!

Вокруг царил шумный, но методичный шурум-бурум: каждый звонок пробивался сквозь встречные вызовы, каждый далекий абонент стремился опередить остальных. Вот мужчина отчаянно вцепился в трубку, уже раз в двадцатый пытаясь связаться со станцией ВРТС в Колорадо. Отчаявшись, он сделал запрос в полицейское управление

Денвера В другом углу радист терпеливо и монотонно повторял в микрофон:

– Вызываю авианосец Аризона. Вызываю авианосец Аризона.

Ровно в четыре часа посреди этой суматохи появились двое; они вышли из туннеля, по которому вот уже десять лет вывозили на поверхность тысячи еще влажных газет, чтобы срочно доставить их на железнодорожную станцию.

Войдя, первый почтительно придержал дверь, пропуская вперед своего спутника, высокого плотного мужчину со стальной шевелюрой и светло-серыми глазами, спокойно и непреклонно глядевшими с жестковатого лица.

Он остановился и оценивающим взглядом окинул помещение.

Господа, перед вами президент! – сказал его провожатый.

Наступила тишина. Все встали, вглядываясь в хорошо знакомые черты. Глава государства знаком призвал их продолжать работу и вместе с сопровождающими проследовал в отдельную кабину. Там он надел очки, взял в руки несколько машинописных листков и придвинулся к микрофону.

Вспыхнула сигнальная лампочка. Президент заговорил. Голос его звучал спокойно и уверенно, в интонациях ощущалась убедительная сила. – Тонкая аппаратура, скрытая в другом подземелье, на расстоянии двух кварталов, улавливала его голос и воспроизводила в двух тысячах копий.

После его отъезда аппаратура, работавшая на полную мощность, выдала две тысячи катушек магнитной пленки. Их быстро собрали, упаковали в герметические контейнеры и увезли.

Стратоплан Нью-Йорк – Сан-Франциско, вылетевший в пять часов, унес на борту две дюжины копий речи президента, спрятанных среди груза. Три из них он успел оставить в пунктах посадки, после чего пилот потерял власть над своими мыслями и стратоплан исчез навсегда.

Специальный рейс 4.30 на Лондон получил десяток копий, благополучно перенес их через Атлантику и доставил в пункт назначения. Пилоту и его помощнику сказали, что в запечатанных контейнерах находятся микрофильмы. Они и считали, что там микрофильмы; поэтому те, кого их мысли могли бы, заинтересовать, невольно обманулись, поверив в истинность сказанного.

До наступления критического часа по назначению попали примерно три четверти копий. Из оставшейся четверти несколько задержались в пути по естественным и непредвиденным причинам, остальные же явились первыми потерями в новой беспощадной войне. Конечно, президент и сам мог бы без труда произнести эту речь по всем программам сразу. Но речь его также без труда могла быть прервана на первой фразе затаившейся в микрофоне смертью. Теперь же целых полторы тысячи президентов ждали с речью наготове у полутора тысяч микрофонов, разбросанных по всему земному шару одни в американских посольствах и консульствах в Европе, Азии и Южной Америке, другие – на дальних островах, затерянных в Тихом Океане, некоторые – на боевых кораблях, вдали от людей и витонов. Десять расположились в безлюдных просторах Арктики, где о витонах напоминали только безопасные вспышки в небесах.

В семь утра в восточных штатах, в полдень в Великобритании и в свое время – в каждой точке планеты новость выплеснулась на первые страницы газет, вспыхнула на теле и стереозэкранах, загремела из громкоговорителей и радиоприемников, зазвучала с

крыш домов.

Стон недоверия и ужаса вырвался у человечества. Он становился все громче по мере того, как росла вера в реальность происходящего, и наконец перешел в истерический вопль.

В голосе человечества звучало постигшее его потрясение, которое каждая раса выражала в соответствии со своим эмоциональным складом, каждая нация – со своими убеждениями, каждый человек – со своим темпераментом. В Нью-Йорке обезумевшая толпа до отказа забила Таймс Сквер. Люди толкались, орали, потрясали кулаками в хмурые небеса, распалившись, как загнанные в угол крысы. В Центральном парке более благопристойная толпа молилась, распевала гимны, взывала к Иисусу, оглашая воздух то протестами, то рыданиями.

В это же утро лондонская Пикадилли обагрилась кровью сорока самоубийц. На Трафальгарской площади негде было яблоку упасть. Даже знаменитые каменные львы скрылись под наплывом обезумевших толп. Кто-то требовал августейшего присутствия Георга Восьмого, кто-то отдавал приказы самому Всемогущему. И вот когда львы, казалось, от страха припали к земле еще ниже, чем перепуганное человечество, когда побледневшие, покрытые испариной лица были устремлены на ораторов, вещавших, что смерть есть расплата за содеянные грехи, колонна Нельсона переломилась у основания, накренилась, на какое-то мгновение, показавшееся вечностью, застида, как бы опираясь на другую колонну, образованную людскими воплями, потом рухнула, придавив триста человек. Фонтан эмоций взмыл до небес – утоляющих жажду эмоций!

В то утро мусульмане переходили в христианство, а христиане ударялись в пьянство. Народ метался между церковью и публичным домом, частенько заканчивая психушкой. Грешники спешили омыться святой водой, а праведники – забыться, погрязнув в пороке. Каждый сходил с ума по-своему. Каждый был витонской коровой с набухшим выменем, получившей нужную подкормку.

И все же новость вышла наружу, несмотря на все попытки помешать этому, несмотря на все созданные препятствия. Не все газеты откликнулись на распоряжение правительства отдать первые страницы президентскому воззванию. Многие, решив отстоять независимость прессы или, вернее, тупое упрямство своих владельцев, внесли изменения в предоставленные им копии – добавили юмора или нагнали страха, каждая по своему вкусу, – сохранив таким образом освященную веками свободу допускать грубые искажения, именуемые свободой печати. Несколько газет наотрез отказались печатать столь очевидную галиматью. Некоторые упомянули новость в редакционных статьях, охарактеризовав ее как явный предвыборный фокус, на который они и не подумают клонуть. Другие же честно старались сделать все возможное, но это им не удалось.

«Нью-Йорк Таймс» вышла с опозданием, известив читателей, что ее утренний выпуск не увидел свет в связи с «внезапными потерями в штате». В то утро в редакции умерло десять сотрудников.

«Канзас Сити Стар» вышла вовремя, громогласно требуя ответа на вопрос: что за очередную утку, рассчитанную на выкачивание денег, состряпали в Вашингтоне на этот раз? Ее штат не пострадал.

В Эльмире редактор местной «Газетт» сидел за своим столом. Он был мертв. Окоченевшие пальцы все еще сжимали полученную по телетайпу из Вашингтона

копию президентской речи. Помощник редактора, попытавшийся взять листок, упал замертво у ног своего шефа. Третий распростерся у дверей – репортер, погибший от безрассудного намерения исполнить долг, за который отдали свои жизни его товарищи.

Радиостанция ВТТЦ взлетела в воздух в тот самый миг, когда ее микрофоны включились, и диктор уже открыл рот, чтобы прочитать новости, за которыми должна была последовать речь президента.

В конце недели подвели итог: семнадцать радиостанций в Соединенных Штатах и шестьдесят четыре по всей планете были загадочным образом выведены из строя некими сверхъестественными силами, причем как раз в нужное время, чтобы не допустить трансляции нежелательных для противника новостей. Тяжелые потери понесла и пресса. В критический момент редакционные здания рушились от каких-то неведомых взрывов или же самые информированные члены редакций гибли один за другим.

И все же мир узнал. Он получил ту весть, которую так тщательно готовили. Даже невидимки не вездесущи.

Новость вышла наружу, и несколько избранных почувствовали себя в безопасности. Зато всех остальных охватил ужас.

Вилл Грэхем вместе с лейтенантом Водем сидели у профессора Юргенса на Линкольн Парнуэй и просматривали вечерние выпуски всех газет, которые удалось раздобыть.

– Реакция в точности такая, как и следовало ожидать, – заметил Юргенс. – Сплошная мешанина. Вот, взгляните!

Он развернул «Бостон Транскрипт». В газете не было никаких упоминаний о невидимых силах, зато три колонии занимала передовая статья, содержащая яростные нападки на правительство.

«Нас не интересует, правда или ложь – мрачная сенсация, обнародованная нынче утром, – вещал ведущий обозреватель „Транскрипт“. – Зато нас интересует, кто за ней стоит. Тот факт, что правительство взяло на себя полномочия, которые избиратели ему никогда не давали, и практически узурпировало первые страницы всех газет страны, мы рассматриваем как первый шаг и диктатуре. Мы наблюдаем тенденцию к методам, которые наша свободная демократическая страна не потерпит никогда, ни на единый миг, и которые столкнутся с нашим непреклонным протестом, пока мы еще сохраняем свободу голоса».

– Возникает вопрос, чьи взгляды выражает газета, – озабоченно сказал Грэхем. – Можно предположить, что автор писал ее абсолютно честно и с наилучшими намерениями. Вот только неизвестно, действительно ли он так считает, или эти мысли коварно внушены ему извне, но он воспринимает их как свои собственные и верит, что так оно и есть.

– Да, такая опасность существует, – согласился Юргенс.

– По нашим данным, витоны способны склонять общественное мнение в любую сторону, незаметно внушая мысли, которые наилучшим образом служат их целям. Поэтому разобраться, какие взгляды возникли и развились сами по себе, а какие навязаны извне, практически невозможно.

– В этом вся трудность, – подтвердил профессор. – Витоны имеют колоссальное

преимущество: ведь они держат человечество в своих руках, разделяя его, несмотря на все наши попытки к объединению. Теперь каждый раз, когда какой-нибудь интриган начнет мутить воду, мы должны задать себе жизненно важный вопрос: кто за этим стоит? – Он нацелил длинный тонкий палец на статью, о которой шла речь. – Вот вам первый психологический удар, нанесенный врагом, первый выпад против замышляемого единства – ловко посеянное подозрение, что где-то якобы таится угроза диктатуры. Добрый старый прием: облить противника грязью. И каждый раз на удочку попадают миллионы. И всегда будут попадаться – ведь люди скорее поверят выдумке, чем убедятся в правде.

– Да уж. – Грэхем мрачно уставился в газету.

Воль задумчиво наблюдал за ним.

– «Кливленд Плейн Дилер» придерживается другого мнения, – заметил Юргенс.

Он поднял газету и показал двухдюймовую шапку:

– Вот отличный пример того, как журналисты подают читателям факты. Этот парень возомнил себя сатириком. Он делает тонкие намеки на некую пирушку, состоявшуюся в Вашингтоне пару недель назад, и предлагает для витонов свое название: «вампиры Грэхема». Что касается вас, он полагает, что вы чем-то торгуете, скорее всего, очками от солнца.

– Скотина! – возмущенно бросил Грэхем. Уловив смешок Воля, он одарил приятеля таким взглядом, что тот быстренько примолк.

– Да вы не расстраивайтесь, – продолжал Юргенс. – Если бы вам довелось заниматься массовой психологией столько лет, сколько мне, вы давно перестали бы удивляться. – Он похлопал рукой по газете. – Этого следовало ожидать. Журналисты считают, что правда существует только для того, чтобы ее насиловать. А факты они уважают только тогда, когда это им выгодно. В остальных случаях гораздо умнее пичкать читателей всяким вздором. Это поднимает журналиста в собственных глазах и дает ему ощущение превосходства над нами, дураками.

– Увидь они все воочию, превосходства бы у них сильно поубавилось.

– Да нет, навряд ли. – Юргенс на мгновение задумался, потом сказал: – Не хотелось бы впасть в мелодраму, но, будьте добры, скажите, нет ли сейчас поблизости витонов?

– Ни одного, – успокоил его Грэхем, бросив в – окно взгляд широко раскрытых сверкающих глаз. – Несколько парят вдаль, над крышами домов, еще два висят высоко в воздухе над дорогой, а здесь их нет.

– Ну и слава Богу, – лицо ученого прояснилось. Он провел пятерней по длинным седым волосам и едва заметно улыбнулся, увидев, что Воль тоже вздохнул с облегчением. – Меня интересует, что нам делать дальше. Теперь мир узнал самое худшее – и что же он намерен предпринять, да и что он сможет предпринять?

– Мир должен не только узнать самое худшее, но и осознать его как суровую и непреложную истину, – убежденно проговорил Грэхем. – Правительство включило в свой стратегический план практически все крупные химические компании. Первый шаг – выбросить на рынок массу дешевых препаратов, входящих в формулу Бьернсена, чтобы весь народ смог сам увидеть витонов.

– Ну и что это нам дает?

– Это дает большой шаг к неизбежному обнародованию всех фактов. Нужно, чтобы

в грядущей схватке мы могли опереться на единодушное общественное мнение. Я не имею в виду только нашу страну. Оно должно быть единодушным во всемирном масштабе. Всем нашим вечно грызущимся группировкам – политическим, религиозным и всяким прочим – придется прекратить раздоры перед лицом нависшей опасности и, объединившись, помочь нам в борьбе, чтобы раз и навсегда покончить с врагом.

– Наверное, вы правы, – неуверенно заметил Юргенс, – вот только...

Но Грэхем продолжал:

– Еще необходимо собрать как можно больше информации о витонах. Ведь то, что мы знаем о них сегодня, – сущая малость. Нам нужно гораздо больше сведений, а их могут предоставить только тысячи, может быть, даже миллионы наблюдателей. Мы должны как можно скорее уравновесить колоссальное преимущество, которое имеют витоны, уже много веков назад постигшие человеческую природу, и так же досконально выведать о них все возможное. Познай своего врага! Бесплезно готовить заговоры и сопротивляться, пока мы не знаем точно, кто нам противостоит.

– Вполне разумно, – согласился Юргенс. – Я не вижу для человечества никакого выхода, пока оно не сбросит это бремя. Только сознаете ли вы, что такое сопротивление?

– Что же это по-вашему? – поинтересовался Грэхем.

– Гражданская война! – Психолог даже взмахнул рукой, стремясь подчеркнуть серьезность своего заявления. – Чтобы получить шанс нанести витонам хотя бы один удар, вам придется сначала завоевать и подчинить полмира. Человечество разделится на две враждующие половины – уж об этом они позаботятся. И ту половину, которая окажется под витонским влиянием, другой половине придется одолеть, возможно, даже истребить, и не просто до последнего воина, но даже до последней женщины, до последнего ребенка!

– Неужели все они дадут себя провести? – вставил Воль.

– До тех пор, пока люди думают железами, желудками, бумажниками – всем, кроме мозгов, провести их – проще простого, – зло бросил Юргенс. – Они попадают на каждый ловкий, настойчивый, возбуждающий пропагандистский трюк и всякий раз оказываются в дураках. Возьмите хотя бы япошек. В конце позапрошлого века мы называли их цивилизованным, поэтичным народом и продавали им лом черных металлов и станки. Через десяток лет мы звали их грязным желтобрюхим сбродом. В 1980-м мы снова обожали их, лобызали и называли единственными демократами во всей Азии. А к концу века они опять превратились в исчадий ада. Такая же история с русскими: их поносили, расхваливали, опять поносили, снова расхваливали – и все в зависимости от того, к чему призывали народ: поносить или расхваливать. Любой ловкий обманщик может взбудоражить массы и убедить их влюбиться одних и ненавидеть других, смотря что его в данный момент устраивает. И если заурядный мошенник способен разделять и властвовать, что же тогда говорить о витонах! – Он повернулся к Грэхему. – Помяните мои слова, молодой человек: первым и самым трудно одолимым препятствием станут миллионы истеричных дуралеев, наших же братьев.

– Боюсь, что вы правы, – неохотно признал Грэхем.

Юргенс действительно оказался прав, еще как прав. Через семь дней формула Бьернсена поступила на рынок, причем в огромных количествах. А на восьмой день

рано утром последовал первый удар. Он грянул с такой разрушительной силой, что человечество было парализовано, как при психической атаке.

На лазурное небо, обрызганное розоватым светом утреннего солнца, невесть откуда низверглись две тысячи огненных струй. Спускаясь все ниже, они бледнели, расплывались и наконец превратились в мощные выхлопы незнакомых желтых стратопланов.

Внизу лежал Сиэтл. Его широкие улицы были еще совсем малоллюдны. Из печных труб поднимались редкие кудрявые дымки. Множество изумленных глаз устремились в небо, множество спящих заворочались в своих постелях, когда воздушная армада с ревом пронеслась над Паджет Саунд и обрушилась на город. Стремительный бросок – и рев перешел в пронзительный вой. Желтая свора промчалась над самыми крышами домов. На нижних поверхностях обрубленных крыльев уже можно было разглядеть эмблемы в виде пламенеющих солнц. От стройных, удлиненных корпусов стали парами отделяться какие-то черные зловещие предметы. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, они беззвучно падали вниз. И сразу же дома превратились в бешено крутящиеся вихри пламени, дыма, обломков дерева и кирпича.

Шесть ужасных минут Сиэтл содрогался от серии мощных взрывов. Потом две тысячи желтых смертей, как адские призраки, взмыли в извергнувшую их стратосферу.

Четыре часа спустя, когда улицы Сиэтла еще сверкали от осколков битого стекла, а уцелевшие жители еще стонали среди развалин, атака повторилась. На этот раз пострадал Ванкувер. Пике, шестиминутный ад – и снова ввысь. Медленно, словно неохотно, густеющие струи реактивных выхлопов растворялись в верхних слоях атмосферы. А внизу лежали изрытые улицы, обращенные в руины деловые кварталы, разрушенные жилые дома, вокруг которых бродили враз постаревшие мужчины, рыдающие женщины, плачущие дети; многие были ранены. То здесь, то там слышался неумолчный крик, будто чья-то навеки проклятая душа претерпевала все муки ада. То здесь, то там звучал короткий отклик, приносивший покой и облегчение тем, кто в них так нуждался. Маленькая свинцовая пилюля служила долгожданным лекарством для смертельно искалеченных.

Вечером того же дня, во время сходной и столь же эффективной атаки на Сан-Франциско, правительство Соединенных Штатов официально опознало агрессоров. Для опознания могло бы вполне хватить эмблем на их машинах, но весть, которую они несли, была слишком невероятна, чтобы поверить. К тому же власти еще не забыли те дни, когда считалось выгодным наносить удар под флагом любой страны, кроме своей собственной.

И все же догадка оказалась верной. Имя врага – Азиатское Сообщество, с которым у Соединенных Штатов были, казалось бы, самые что ни на есть дружеские отношения.

Отчаянная радиограмма с Филиппин подтвердила истину. Манила капитулировала. Боевые корабли Сообщества, его самолеты и сухопутные войска наводнили весь архипелаг. Филиппинская армия больше не существовала, а Тихоокеанский флот Соединенных Штатов, который проводил маневры в тех краях, подвергся нападению, как только поспешил на помощь союзникам.

Америка схватилась за оружие, а ее лидеры собрались на совещание, чтобы обсудить новую, так внезапно вставшую перед ними проблему. Богатые прожигатели

жизни пытались увильнуть от призыва. Сектанты, исповедующие конец света, удалились в горы и там ожидали пришествия архангела Гавриила, который одарит их всех нимбами. Остальные, широкие массы, готовящиеся принести себя в жертву, боязливо перешептывались, задавая друг другу вопросы:

– Почему они не используют атомные бомбы? Потому что их нет, или они просто опасаются, что у нас их больше?

Но дело было даже не в атомных бомбах. Вне всяких сомнений, жестокое, ничем не мотивированное нападение было спровоцировано витонами. Как же им удалось так распалить и науськать Азиатское Сообщество, обычно пребывающее в полудремотном состоянии?

Ответ на этот вопрос дал пилот-фанатик, сбитый во время безумного одиночного налета на Денвер.

– Пришло время, когда наш народ должен получить свое законное наследство, – заявил он. – На нашей стороне невидимые силы. Они помогают нам, направляя к божественно предопределенному уделу. Настал судный день, и кротким предстоит унаследовать землю.

Разве наши святые, узрев эти маленькие солнца, не распознали в них духов наших славных предков? – вопрошал он с уверенностью человека, не сомневающегося в ответе. – Разве солнце – не наш древний символ? Разве мы не дети солнца, которым после смерти суждено самим превратиться в маленькие солнца? Что есть смерть, как не обычный переход из царства брэнной плоти в небесное царство сияющего духа, где нас вместе с нашими досточтимыми отцами и благородными отцами наших отцов ждет великая слава?

Путь Азии отмечен свьше, – с безумным видом выкрикивал фанатик, – путь, что благоухает райскими цветами прошлого и порос недостойными плевелами настоящего. Убейте же меня, убейте, чтобы я смог по праву занять свое место в ряду предков, ибо только они одни могут благословить мое нечистое тело!

Вот такой мистический вздор нес пилот-азиат. Весь его континент воспламенился этой бредовой мечтой, коварно возвращенной и тонко привитой умам людей невидимыми силами, завладевшими Землей задолго до правления династии Мин, силами, которые досконально изучили людей-коров и знали, когда и где дергать их набухшее вымя. Столь блестящая идея – выдать себя за духа предков – делала честь дьявольской изобретательности витонов.

Пока западное полушарие срочно мобилизовывало все силы, преодолевая постоянные и необъяснимые препятствия, а восточное развертывало священную войну, лучшие умы Запада неистово бились над тем, как бы опровергнуть безумную идею, навязанную азиатскому миру, и донести до него ужасную истину.

Но тщетно! Разве не западные ученые впервые обнаружили маленькие солнца? Как же они могут теперь оспаривать их существование? Так вперед, к победе!

Охваченные духовной горячкой орды азиатов кипели и бурлили, выйдя из своего обычного миролюбивого состояния. Глаза сверкали, но не мудростью, а неведением, души следовали «божественному промыслу». Лос-Анджепес был опален низвергшимся с небес огненным вихрем. Первый же вражеский пилот-одиночка, добравшийся до Чикаго, взорвал небоскреб, перемолов тысячу тел со сталью и бетоном, пока робот-перехватчик успел сбить его на лету.

До 20 августа ни одна из сторон так и не прибегла ни к атомным бомбам, ни к отравляющим газам, ни к биологическому оружию. Каждая опасалась возмездия, и это было самой эффективной защитой. Война, хоть и кровавая, пока оставалась «странной войной».

Тем не менее, азиатские войска целиком захватили Калифорнию и южную половину Орегона. Первого сентября воздушные и подводные суда сократили рейды через Тихий океан, чтобы уменьшить все растущие потери. Довольствуясь укреплением и обороной огромного плацдарма, завоеванного на американском континенте, Азиатское сообщество развернуло наступление в противоположном направлении.

Его победоносные войска хлынули на восток. В них влились обезумевшие армии Вьетнама, Малайзии, Сиам. Двухсоттонные танки на широченных гусеницах с грохотом карабкались на горные перевалы, а когда застревали, толпы народа толкали их вперед. Механические кроты прогрызали широкие просеки в непроходимых джунглях, бульдозеры собирали отходы и сгребали в кучи, а огнеметы – сжигали. Небо так и кишело стратопланами. Азиаты побеждали числом. В их распоряжении было надежное оружие, доступное каждому, – собственная плодовитость.

Чудовищное скопление людей и машин наводнило Индию. Ее население, испокон веков иноведавшее мистицизм и к тому же воодушевленное витонами, встретило завоевателей с распростертыми объятиями. Сразу триста миллионов индусов записались в добровольцы. Они влились в восточную армаду, и с ними уже четверть человечества стала послушно исполнять волю Властелинов Земли.

Но не все упали на колени и склонили головы. Витоны с дьявольской хитростью умножили урожай эмоций, вдохновив на сопротивление мусульман Пакистана. Восемьдесят миллионов стеной встали на защиту Персии и преградили путь захватчикам. Весь остальной мусульманский мир был готов выступить в поддержку. Люди бешено сражались и гибли во имя Аллаха, и Аллах бесстрастно способствовал насыщению витонов.

Коротая передышка, вызванная перемещением театра боевых действий, позволила Америке перевести дух и оправиться от первого потрясения. Пресса, поначалу занятая исключительно освещением всех подробностей конфликта, теперь сочла уместным уделить некоторое внимание и другим темам, в частности, экспериментам Бьернсена, а также старым и новым сведениям о деятельности витонов.

Вдохновившись коллекцией вырезок, собранной Бичем, некоторые газеты провели ревизию своих собственных архивов в надежде обнаружить сходные случаи, которые когда-то остались незамеченными. Началась повальная охота за давно забытыми фактами. Одни вели ее, желая найти подтверждение собственным излюбленным теориям, другие преследовали более серьезные цели – получить ценные сведения о витонах.

«Геральд Трибьюн» высказала мнение, что не все люди одинаково воспринимают один и тот же диапазон электромагнитных частот, и объявила, что некоторые наделены более широким зрительным восприятием. «Такие особо зоркие индивиды, – утверждала „Геральд Трибьюн“, – уже давно и не раз улавливали смутные образы витонов, только не могли их опознать. Несомненно, именно эти мимолетные впечатления породили разнообразные легенды о привидениях, духах, джиннах и прочие „предрассудки“. Из этой теории напрашивался вывод, что все спириты –

слаженная команда витонских марионеток, но „Геральд Трибьюн“ на этот раз решила не щадить религиозных чувств.

Только год назад эта же «Геральд Трибьюн» сообщала о странно окрашенных огоньках, пливших по небу над Бостоном, штат Массачусетс. Насколько удалось проследить, сообщения о похожих огнях поступали в разное время, причем удивительно часто. Все репортажи отличало одно: научный мир, всегда кичившийся своей любознательностью, не проявил к ним ни малейшего интереса. Все специалисты отмахнулись от этих огней, как от непонятных явлений, начисто лишенных смысла и не заслуживающих дальнейшего исследования.

Вот примеры. Февраль 1938 года – разноцветные огни замечены над Дугласом, остров Мэн. Ноябрь 1937 – падение огромного светящегося шара напугало жителей Донагдахи, в Ирландии. В это же время по воздуху проплывали другие светящиеся шары, поменьше. Май 1937 – трагическая гибель немецкого трансатлантического дирижабля «Гинденбург», которую приписали «огням святого Эльма». Ученые навесили на этот загадочный случай этикетку – и снова погрузились в дремоту. Июль 1937 – Чэтэм, штат Массачусетс: радиостанция морской корпорации сообщила о радиোগрамме с британского грузового корабля «Тотжимо», переданной американским судном «Скэнмейл». В ней говорилось о загадочных цветных огоньках, замеченных в пятистах милях от Кейп Рейс, Ньюфаундленд.

«Нью-Йорк Таймс», 8 января 1937 года: ученые, устав считать ворон, вывели новую теорию, объясняющую голубые огни и «сходные электрические явления», которые часто наблюдались близ Хартума в Судане и Кано в Нигерии.

«Рейнолдс Ньюс», Британия, 29 мая 1938 года: девять человек пострадали от какого-то загадочного объекта, упавшего с неба. Один из пострадавших, некий м-р Дж Херн, описывал его как «огненный шар».

«Дейли Телеграф», 8 февраля 1938 года: сообщение о сверкающих шарах, замеченных многими читателями во время потрясающего северного сияния, которое в Англии вообще большая редкость.

«Уэстерн Мейл», Уэльс, май 1933: над озером Бала в среднем Уэльсе наблюдались фосфоресцирующие шары.

«Лос Анджелес Игзэминер», 7 сентября 1935 года: нечто напоминающее «пеструю вспышку молний» среди бела дня упало с неба в Сентервилле, штат Мэриленд, сбросило мужчину со стула и подожгло стол.

«Ливерпульское Эхо», Британия, 14 июля 1938 года: нечто, по описанию свидетелей похожее на большой голубой шар, проникло в шахту номер три рудника Болд Коллиери, Сент-Хеленс, Ланкашир, воспламенило скопившиеся в ней рудничные газы и вызвало «таинственный взрыв». 17 января 1942 года в Северной Ирландии голубые огни, не замеченные радаром, вызвали вой сирен противовоздушной обороны. В небо поднялись самолеты-перехватчики, но ни одна бомба не была сброшена, и ни один самолет не был сбит. В газеты эта новость не попала и была расценена как очередная вылазка немцев. Четырьмя месяцами раньше берлинская артиллерия дала залп по «навигационным огням», хотя никаких самолетов над городом не было.

В «Сидней Геральд» и «Мельбурн Лидер» было напечатано множество пространственных сообщений о сияющих шарах, или шаровых молниях, которые по непонятным причинам наводнили Австралию в 1905 году, особенно в феврале и ноябре. Испуганные антиподы кинулись совещаться. Воины-ветераны заседали на

высшем уровне. Один из странных феноменов, зарегистрированный обсерваторией Аделаиды, летел так медленно, что его наблюдали целых четыре минуты, пока он не исчез. Бюллетень Французского астрономического общества, октябрь 1905 года: в Италии, в провинции Калабрия, замечены странные светящиеся объекты. Как сообщила «Иль Пополо а'Италия», такие же объекты отмечались в той же местности в сентябре 1937 года.

Кто-то отыскал старое издание «Путешествия на „Вакханке“, в котором король Георг Пятый, тогда еще юный принц, описывал странную вереницу парящих огней, напоминающих „корабль-призрак, весь залитый светом“, Его видели двенадцать членов экипажа „Вакханки“ в четыре часа утра 11 июня 1881 года.

«Дейли Экспресс», Британия, 15 февраля 1923 года: сверкающие огни были замечены в Йоркшире, Англия. «Литерари Дайджест», 17 ноября 1925 года: похожие огни замечены в Северной Каролине. «Филд», 11 января 1908 года: светящиеся объекты в Норфолке, Англия. «Дагбладет», 17 января 1936 года: целые сотни блуждающих огоньков в южной Дании.

Ученые рьяно занимались поисками луковой гнили на высоте двадцати тысяч футов, но блуждающие огоньки так никого и не заинтересовали. И это не их вина: как и все прочие – святые и грешники – они делали то, к чему их побуждали витоны. «Питерборо Эдвертайзер», Британия, 27 марта 1909 года: таинственные огни в небе над Питерборо. Через несколько дней «Дейли Мейл» подтвердила это сообщение и дала несколько других репортажей из дальних краев. Должно быть, в марте 1909 года в Питерборо произошел какой-то всплеск эмоций, но ни одна из газет не опубликовала никаких сведений, наводящих на мысль о взаимосвязи между деятельностью людей и витонов.

«Дейли Мейл», Британия, 24 декабря 1912 года напечатала статью графа Эрна, в которой описывались сверкающие огни, появившиеся на протяжении «семи или восьми лет» в окрестностях Лох-Эрн в Ирландии. Объект, вызвавший вой сирен в Белфасте в 1942 году, прилетел со стороны Лох-Эры. «Берлинер Тагблатт», 21 марта 1880 года: целая стая парящих огней замечена в Каттенау, в Германии. В XIX веке сообщения о светящихся шарах поступали из десятков мест, расположенных в разных точках земного шара: из Французского Сенегала, с болот Флориды, из Каролины, Малайзии, Австралии, Италии и Англии.

«Геральд Трибьюн» превзошла всех, издав любовно подготовленный специальный выпуск, содержащий двадцать тысяч ссылок на летающие огни и светящиеся шары, почерпнутых из четырехсот номеров «Даут». Сверх того она дала копию каракулей Уэбба, сфотографированных в параллельных лучах света, сопроводив их мнением редакции: дескать, ученый перед смертью работал в правильном направлении.

Теперь, в свете последних событий, кто бы рискнул утверждать, сколько шизофреников больны понастоящему, сколько стали жертвами витонского вмешательства и сколько – обычные люди, случайно наделенные необычным зрением?

«Все ли люди, обладающие сверхзрением, так просты, как мы полагали? – перефразируя Уэбба, вопрошала „Геральд Трибьюн“, – или же они способны воспринимать частоты, недоступные большинству из нас?»

Далее следовали выдержки из статей, раскопанных в старых изданиях. Происшествие с козой, которая гонялась по полю невесть за чем, а потом упала замертво... Происшествие со стадом коров, которое внезапно обезумело от страха и

стало бегать вокруг пастбища, услужливо вознося рвущиеся наружу эмоции в небеса. Случай массовой истерии на индюшачьей ферме, где за десять минут спятило одиннадцать тысяч индюков, обеспечив таким образом закуской невидимых странников. Сорок пять сообщений о собаках, которые жалобно выли, поджимали хвосты и уползали на брюхе – неизвестно отчего! Случаи эпидемии бешенства у собак и скота, «слишком многочисленные, чтобы их перечислять». И все они, по утверждению «Геральд Трибьюн», доказывают, что глаза у животных устроены по-другому, чем у большинства людей, не считая горстки избранных.

Публика проглотила все эти сообщения, изумилась, ужаснулась и стала днем и ночью трястись от страха. Толпы бледных, перепуганных людей штурмовали аптеки, сметая запасы медикаментов, входящих в формулу Бьернсена, как только они поступали в продажу. Тысячи, миллионы прошли обработку согласно инструкции, начали видеть мир во всей его дьявольской реальности и отбросили последние остатки сомнений.

В английском городе Престоне никто не видел ничего из ряда вон выходящего, пока не оказалось, что местный химический завод противорадиационных препаратов заменил метиленовую синьору толуидиновой. В Югославии некий профессор Зингерсон из Белградского университета послушно обработал себя йодом, метиленовой синькой и мескалем, близоруко взглянул на небо – и не увидел ничего такого, чего не видел раньше, начиная с рождения. Так он и заявил в едкой, саркастической статье, опубликованной итальянской газетой «Доменика дель Корьере». Два дня спустя один американский ученый, путешествующий по свету, убедил газету напечатать его письмо, где советовал добрейшему профессору либо снять очки со свинцовыми стеклами, либо заменить их на линзы из флюорита. Никаких возражений от рассеянного югослава не поступило.

Тем временем на западе Америки устрашающего вида танки совершали пробные броски и беспорядочные рейды через линию огня, сталкивались и превращали друг друга в груды металла. Скоростные стратопланы, вертолеты-корректировщики, стройные, вытянутые истребители и управляемые бомбы утюжили небо над Калифорнией, Орегонем и важными стратегическими пунктами на востоке. До сих пор ни одна из сторон не воспользовалась атомным оружием, опасаясь запустить процесс, остановить который человечество уже не сможет. В основе своей эта война развивалась по принципу предыдущих, столь же или менее кровавых войн: несмотря на более современные методы, несмотря на использование автоматики и роботов, несмотря на развитие вооруженного конфликта, до так называемой «кнопочной войны» исход дела решали рядовые солдаты, простые пехотинцы.

У азиатов их было вдесятеро больше, и они продолжали множиться, опережая потери.

Пространство сжалось еще больше, когда через месяц военных действий в бой вступили сверхзвуковые ракеты. Они сновали взад и вперед над Скалистыми горами, за пределами зрения и далеко за звуковым барьером, чаще всего не попадая в назначенную цель, и все же время от времени нанося жестокие удары по густонаселенным районам. Десятимильный промах при дальности полета в тысячу миль или даже две или три тысячи – не такой уж плохой результат. На всем пространстве от Лхасы до Бермуд любой город мог того и гляди с грохотом взлететь в воздух.

Небеса сверкали и пламенели, с чудовищным бесстрашием изрыгая смерть, а люди всех рас и вероисповеданий доживали последние минуты и часы. Защитой им были лишь надежда да неведение: никто не знал, что готовит следующий миг. Земля и небо вступили в сговор, породив ад. Народ принимал свою участь с животным фатализмом, свойственным простому люду, хотя глаза видели больше, чем когда бы то ни было, а разум постоянно сознавал угрозу, более неотвратимую, более ужасную, чем любое порождение рода человеческого.

ГЛАВА 9

Больница Самаритэн одиноко возвышалась среди развалин. Нью-Йорк жестоко пострадал от азиатского нашествия. Пусковые установки противника продолжали со всех сторон обрушивать на город ракеты дальнего действия. Однако по счастливой случайности больница осталась невредима.

Грэхем остановил свой помятый гиромобиль в трехстах ярдах от главного входа, вылез и оглядел горы обломков, загроздившие всю улицу.

Витоны! – предупредил его Воль, который тоже выбрался из машины и стоял, тревожно оглядывая хмурое небо.

Грэхем молча кивнул: он также заметил скопление призрачных шаров, зависших над истерзанным городом. Земля то и дело содрогалась. Казалось, затаившийся в глубине великан тужился под своим земляным покрывалом, изрыгал фонтан камней и кирпича, потом оглушительно ревел от боли. Дюжины шаров, застывших в ожидании, ныряли вниз, стремясь поскорее заглотить его отрыжку. Их пища, сваренная на адском огне, была хорошо приправлена. Витоны пировали, пожирая страдания агонизирующего человечества.

То, что подавляющее большинство людей получило способность видеть врага, совершенно не тревожило голубых вурдалаков. Знал человек о существовании витонов или нет, все равно он не мог противиться алчному призраку, и тот набрасывался на него, запуская в трепещущее тело вибрирующие жгуты энергии, через которые жадно отсасывал нервные токи.

Многие сходили с ума, когда какой-нибудь рыщущий в поисках пищи шар внезапно решал их подоить. Многие сами устремлялись навстречу смерти-избавительнице, при первом же удобном случае кончая жизнь самоубийством. Остальные, все еще отчаянно цепляясь за остатки разума, крадучись бродили по улицам, жалась в тени домов, постоянно боясь ощутить на спине холодок – предвестник приближения жадных щупалец. Дни, когда человек считал себя подобием Божьим, канули в вечность. Теперь каждый был коровой.

Эта странная знобкая дрожь, быстро пробегающая от копчика к затылку, была одним из самых характерных человеческих ощущений задолго до того, как мир узнал о витонах, настолько характерным, что когда человек вздрагивал, как от озноба, ему зачастую говорили в шутку: «Видать, кто-то ходит по твоей могиле!»

С омерзением, застывшим на нервном худощавом лице, Грэхем торопливо взбирался на груды битого камня и стекла. Ноги скользили и срывались, вниз сыпались комья земли, ботинки припорошило белой пылью. Он все лез и лез. Ноздри его раздувались – в них заползал едкий, неистребимый запах разлагающейся человеческой

плоти, перемолотой с мусором. Вот он взобрался на самый верх, огляделся и скачками понесся по склону вниз. Вздыхая облако пыли, Воль поспешил за ним.

Они быстро пересекли изрытый воронками тротуар и вошли в пролом, зияющий на месте ворот. Едва успев свернуть на усыпанную гравием дорогу, ведущую к подъезду больницы, Грэхем услышал приглушенный возглас, вырвавшийся у его спутника:

– Силы небесные! Вилл, две твари гонятся за нами!

Стремительно обернувшись, Грэхем увидел два зловеще сверкающих голубых шара, пикирующих прямо на них. Их разделяло ярдов триста, но витоны неумолимо приближались, ускоряя полет. Их безмолвная атака внушала ужас.

Воль промчался мимо, сдавленно бросив: «Скорее, Вилл!» Ноги его мелькали с прямо-таки нечеловеческой скоростью.

Грэхем бросился за ним, ощущая, как сердце бешено колотится о ребра.

Если один из преследователей настигнет кого-то из них и прочтает мысли своей жертвы, он сразу же распознает лидера сопротивления. Единственное, что спасало их до сих пор – неумение витонов различать людей. Ведь даже от ковбоев огромного ранчо Кинг-Клебер трудно ожидать, чтобы они знали и различали каждое животное в отдельности. Только поэтому им пока и удавалось ускользать от дьявольских пастухов. Но именно пока...

Грэхем мчался как угорелый, отлично сознавая, что убежать бесполезно, что здесь, в больнице, нет никакой надежды на спасение, никакой защиты, никакого прибежища от превосходящего во всех отношениях противника – и все же ноги сами несли его вперед. Воль опережал его на корпус: стремительно нагоняющие преследователи отставали всего на двенадцать ярдов. Сохраняя ту же дистанцию, они влетели в парадную дверь, почти не заметив ее, и с топотом пронеслись через вестибюль. Вспугнутая сиделка, вытаращив глаза, уставилась на них, потом прикрыла ладонью рот и вскрикнула.

Совершенно беззвучно, с леденящей душу неотвратимостью, шары миновали девушку, нырнули за угол и устремились по коридору, куда только что свернули их жертвы.

Краем глаза Грэхем уловил приближающиеся огни и отчаянно ринулся в следующий проход. Расстояние сократилось до семи ярдов и быстро убывало. Он увернулся от практиканта в белом халате, перепрыгнул через длинную, низкую каталку на толстых шинах, которая выезжала из ближайшей палаты, распугав этим бешеным кульбитом стайку медсестер.

Блестящий паркет сослужил друзьям предательскую услугу. Форменные ботинки Воля поехали по гладкому полу, он поскользнулся на бегу, тщетно попытался удержаться на ногах и рухнул с грохотом, от которого содрогнулись стены. Не успев затормозить, Грэхем налетел на него, покатился по скользкой поверхности и врезался в дверь. Дверь закрипела, застонала и распахнулась настежь.

Грэхем резко обернулся, ожидая встречи с неизбежным. Плечи свело от напряжения. Вдруг его сверкающие глаза раскрылись от изумления. Наклонившись, он помог Волю встать и указал на противоположный конец коридора.

– Черт! – выдохнул он. – Вот черт!

– Что такое?

– Они завернули за угол и остановились как вкопанные. Мгновение повисели там,

слегка потемнели и рванули обратно, будто за ними погнался сам дьявол.

– Ну и повезло же нам, – отдуваясь, проговорил Воль

– Но почему же они дали деру? – недоумевал Грэхем. – Никогда не слышал, чтобы витоны, начав преследование, отступали от задуманного и упускали жертву. Что же произошло?

Меня можешь не спрашивать. – Даже не стараясь скрыть облегчения, Воль энергично стряхивал пыль. – Может быть, мы прились им не по вкусу. Вот они и решили, что стоит отыскать закуску получше. Откуда мне знать – я ведь не кладезь премудрости.

– Они часто отступают в спешке, – произнес у них за спиной ровный спокойный голос. – Такое случалось уже не раз.

Повернувшись на каблуках, Грэхем увидел ее у двери, в которую только что врезался. Свет, лившийся из комнаты, золотым сиянием обрамлял ее темные кудри. Безмятежные глаза были устремлены прямо на него.

– А вот и наша хирургическая красотка, – с напускной веселостью обратился он к Волю.

– Что да – то да! – ответил тот, оценивающе оглядев девушку с ног до головы.

Девушка вспыхнула и взялась за ручку двери, как будто собираясь ее закрыть.

– Когда вам вздумается нанести официальный визит, мистер Грэхем, потрудитесь появляться пристойно, а не вламываться, как тонна кирпичей. – Она бросила на него ледяной взгляд – Помните: здесь больница, а не джунгли.

– Едва ли в джунглях валяются тонны кирпичей, – парировал он. – Нет-нет, пожалуйста, не закрывайте дверь. Нам тоже сюда. – Грэхем вошел, Воль – за ним. Оба старались не замечать веявшего от нее холода.

Они уселись за ее стол, Воль обратил внимание на стоящую фотографию.

– Гармонии от папы, – прочитал он. – Гармония? Интересное имя. Ваш папа – музыкант?

Доктор Кертис слегка оттаяла. Подвинув к себе стул, она улыбнулась и сказала:

– Да нет. Наверное, просто имя понравилось.

– Вот и мне тоже нравится, – заявил Грэхем, исподтишка наблюдая за девушкой. – Надеюсь, оно нас вполне устроит.

– Нас? – ее тонкие брови слегка приподнялись.

– Да, – дерзко ответил он. – В один прекрасный день.

Температура в комнате сразу упала градусов на пять. Она спрятала обтянутые шелковыми чулками ноги под стул, подальше от его жадных взглядов. Вдруг здание содрогнулось, с небес донесся отдаленный гул. Все трое сразу посерьезнели.

Подождав, пока гул замер вдали, Грэхем заговорил:

– Послушайте, Гармония.. – Он прервался и спросил: – Ведь вы не станете возражать, если я буду называть вас Гармонией? – И, не дожидаясь ответа, продолжал: – Вы что-то сказали насчет того, что витоны часто пускаются наутек.

История очень загадочная, – подтвердила доктор Кертис. – Я не знаю, как это объяснить, да у меня и времени не было разбираться. Могу сказать только одно: сразу же после того, как персонал больницы получил способность видеть витонов, мы

обнаружили, что они часто наведываются сюда, притом в больших количествах. Пробираются в палаты и паразитируют на пациентах, страдающих от сильных болей. От них мы, конечно, это тщательно скрываем.

– Понимаю.

– Персонал они почему-то не трогают. – Она вопросительно посмотрела на гостей, – Вот только почему – не знаю.

– Да потому, что для них малоэмоциональные люди – все равно, что бесполезные сорняки, – сказал Грэхем, – особенно там, где полно вкусных, зрелых, сочных плодов. Ваши палаты – настоящие фруктовые сады!

На ее гладком овальном личике мелькнуло отвращение, вызванное столь грубым сравнением.

– Иногда мы замечаем, что все шары, находящиеся в здании, начинают поспешно удирать и потом какое-то время не появляются, – продолжала она. – Так бывает по три-четыре раза на день. Сейчас был как раз такой случай.

– Вполне вероятно, что он спас нам жизнь.

– Возможно, – согласилась она с подчеркнутым безразличием, которое, однако, никого не обмануло.

– Скажите, доктор... то есть.. Гармония, – он грозно глянул на Воля, расплывшегося в ухмылке, – а не совпадало ли каждое их бегство с чем-нибудь особым в больничном распорядке? Может быть, пациентам давали какие-то лекарства, или включалась рентгеновская аппаратура, или открывали бутылки с какими-то химикатами?

Она ненадолго задумалась, казалось, забыв о пристальном взгляде собеседника. Потом встала, порылась в картотеке, позвонила по телефону, переговорила с кем-то, находящимся в другой части здания. Когда она закончила разговор, на лице ее появилось довольное выражение.

– Очень глупо с моей стороны, но, должна признаться, сама я до этого не додумалась.

– Так что же это? – нетерпеливо спросил Грэхем.

– Аппарат УВЧ-терапии.

– Вот это да! – Он хлопнул себя по колену и наградил заинтригованного Воля торжествующим взглядом. – Установка для прогреваний! Она что, не заэкранирована?

– Нам так и не удалось заэкранировать ее как следует. Хотя мы пытались, потому что она создает на экранах местных телевизоров помехи в виде сетки. Но аппарат такой мощный, что его излучение проникает повсюду. Все наши усилия пошли прахом, и, как я понимаю, недовольным пришлось заэкранировать свои приемники.

– А какая у него длина волн? – допытывался Грэхем.

– Один и двадцать пять сотых метра.

– Эврика! – Он вскочил на ноги, готовый ринуться в бой – Наконец-то у нас есть оружие!

– О каком оружии ты говоришь? – Воль не очень-то разделял его восторг.

– Витонам это не по вкусу. Ведь мы сами видели, да? Одному небу известно, как эти волны влияют на их органы чувств. Может быть, они ощущают их как невыносимый жар или то, что у витонов соответствует омерзительному запаху. Как бы

то ни было, можно с удовлетворением отметить, что они предпочитают убраться подобра-поздорову. А все, что рождает у них желание поскорее смыться, само собой становится оружием.

– Как знать, может, ты попал в точку, – изрек Воль.

– Но если это оружие или хотя бы потенциальное оружие, почему же витоны его не уничтожили? – скептически заметила доктор Кертис. – Ведь они без малейших колебаний уничтожают все, что сочтут нужным. Почему же тогда они не тронули то, что угрожает их жизни, – если, конечно, оно и вправду угрожает?

– Чтобы привлечь внимание отчаявшегося человечества ж кабинетам физиотерапии, нельзя придумать ничего лучшего, чем начать их крушить.

– Теперь понятно. – В ее больших темных глазах читалось раздумье. – Их хитрость просто невероятна. Они все время опережают нас на несколько ходов.

– Опережали, – поправил ее Грэхем. – Зачем жить прошлым, когда есть будущее? – Он снял телефонную трубку. – Необходимо срочно сообщить об этом Лимингтону. Может быть, наша новость – настоящая бомба. Может быть, она именно то, на что я так надеюсь, и спаси нас Бог, если я ошибаюсь! К тому же его технарям, возможно, удастся соорудить такой аппарат для защиты участников сегодняшней встречи.

На маленьком экране появилось усталое, измученное лицо Лимингтона. Выслушав торопливый отчет Грэхема, он несколько приободрился. Переговорив, Грэхем обратился к доктору Кертис:

– Сегодня в девять часов вечера в подвальном этаже здания Национальной страховой компании на Уолтер стрит состоится научное совещание. Я хотел бы вас пригласить.

– Буду готова к половине девятого, – пообещала она.

Профессор Чедвик уже дошел до середины своей речи, когда Билл Грэхем, Гармония Кертис и Арт Воль тихонько прошли по центральному проходу и сели на свои места. Подвал был набит битком, все сидели молча, внимательно слушая.

Полковник Лимингтон, сидевший в первом ряду с краю, обернулся и, желая привлечь внимание Грэхема, указал пальцем на большой шкаф, застывший как часовой у единственной двери. Грэхем понимающе кивнул.

Держа в одной руке свернутую в трубку газету, а другой делая энергичные жесты, профессор Чедвик говорил:

– Вот уже пару месяцев, как «Геральд Трибьюн» раскапывает многочисленные факты и все еще не дошла даже до середины. Материалов такая масса, что остается только дивиться, насколько открыто витоны делали свое дело в полнейшей уверенности, что люди ничего не подозревают. Должно быть, мы казались им абсолютно безмозглыми.

– Так оно и есть, – раздался насмешливый голос из задних рядов.

Чедвик не стал спорить и продолжал:

– Их метод таков: они «объясняют» собственные ошибки, упущения, промахи и недосмотры, внушая нам суеверные мысли в качестве их «оправдания», и подкрепляют эти мысли, творя по мере необходимости так называемые чудеса, а также устраивая полтергейсты и спиритические феномены, когда мы сами на них напрашиваемся. Все это делает честь сатанинской изобретательности коварных тварей, которых мы называем витонами. А в качестве средоточия своих психических

уловок, призванных вконец нас заморочить, они выбрали исповедальни и спиритические сеансы. И священник, и медиум стали их союзниками в дьявольском стремлении не допустить прозрения слепых толп. – Он насмешливо взмахнул рукой. – Ну, а особо зоркие всегда могли заглотить их наживку: явления Пресвятой Богородицы и других святых, грешников или теней почивших. Вперед, ребята, спешите видеть!

Кто-то невесело рассмеялся, и этот холодный, безжалостный смешок резанул по нервам слушателей.

– Ну, а если говорить серьезно, сведения, собранные «Геральд Трибьюн», есть не что иное, как свидетельство человеческого легковерия, свидетельство того, как множество людей может смотреть в лицо фактам – и отрицать их! Свидетельство того, как люди могут видеть рыбу и называть ее мясом или птицей, в зависимости от установок их косных пастырей, таких же близоруких, как они сами. Или из жалкого страха потерять невидимое место в призрачных небесных чертогах, или из наивной веры, что боженька может не выдать им крылья, посмей они заикнуться, будто картина мира, которая, по его авторитетному утверждению, ниспослана прямоком из рая, на самом деле восходит прямехонько из ада – Он замолчал, потом тихо, но достаточно слышно добавил: – Не зря ведь говорят, что дьявол – извечный лжец!

– Согласен, – зычным голосом произнес Лимингтон, нимало не заботясь о том, что выступление ученого могло лично задеть кое-кого из собравшихся.

– Я и сам обнаружил массу убедительных фактов, – продолжал Чедвик. – К примеру, в начале 1938 года существа, которых мы теперь знаем как витонов, частенько наведывались в район реки Фрэйзер в Британской Колумбии. Время от времени сообщения о них попадали в газеты. Заметка в «Бритиш Юнайтед Пресс» от 21 июля 1938 года утверждает, что опустошительные лесные пожары, бушевавшие тогда на тихоокеанском побережье Северной Америки, были вызваны некими объектами, которые описывают как «сухие молнии» и называют доселе неведомым феноменом.

В 1935 году в индийском Мадрасе объявилась эзотерическая секта поклонников летающих шаров. Члены секты, по всей вероятности, могли видеть объекты своего поклонения, совершенно незримые для неверующих. Попытки сфотографировать эти предметы неизменно заканчивались неудачей, хотя и я, и вы знаете, что получилось бы на снимках, имей фотографы эмульсию Бича.

«Лос-Анджелес Игзэминер» за середину июня 1938 года сообщает о случае, аналогичном тому, который произошел с покойным профессором Мейо. В статье, озаглавленной **СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОК ВЬЩАЮЩЕГОСЯ АСТРОНОМА**, рассказывается, что доктор Уильям Уолес Кэмбел, почетный профессор Калифорнийского университета, погиб, выбросившись с четвертого этажа из окна своей квартиры. Его сын объяснил поступок отца боязнью слепоты. Лично я полагаю, что его страх мог быть связан с тревогой по поводу зрения, но совсем не в том смысле, в каком ее поняли окружающие.

Не обращая внимания на одобрительный гул аудитории, профессор Чедвик продолжал:

– Хотите верьте, хотите нет, но у одного человека экстрасенсорное восприятие, или «широкозоркость», была настолько развита, что он сумел написать превосходную картину, изображающую стаю витонов, парящих над зловещего вида местностью. Как

будто почувствовав их хищный нрав, он включил в пейзаж ястреба. Картина называется «Долина сновидений», она была впервые выставлена в 1938 году, а сейчас находится в Англии, в Галерее Тэйт. Ее автор, Пол Нэш, несколько лет спустя внезапно умер.

Глядя на Грэхема, профессор сказал:

– Все доказательства, которые нам удалось собрать, несомненно свидетельствуют о том, что витоны есть существа, состоящие из первичной энергии, сохраняющей состояние, одновременно компактное и уравновешенное. Это не твердое тело, не жидкость и не газ. Не животное, не растение и не минерал. Они представляют собой иную, неведомую ранее форму бытия, сходную с шаровыми молниями и другими подобными феноменами. Только они – не материя в общепринятом смысле слова, они – нечто иное, неизвестное нам, но отнюдь не сверхъестественное. Возможно, это какой-то смешанный волновой комплекс, который сегодня невозможно исследовать никакой доступной нам аппаратурой. Мы уже знаем: они настолько необычны, что все наши попытки подвергнуть их спектроскопическим исследованиям оказались тщетными. Мне кажется, что единственное возможное оружие, которое мы можем против них обратить, – это нечто способное оказать влияние на их собственное состояние, то есть, какая-то форма энергии, например излучение, имеющее гетеродинный эффект, нечто такое, что сможет нарушить природные вибрации витонов. Открытие, которое не далее как сегодня сделал мистер Грэхем из Разведывательной службы, полностью подтверждает данную теорию. – Подняв руку, он поманил Грэхема и, заканчивая свое выступление, сказал: – А теперь я попрошу мистера Грэхема поделиться с вами той ценной информацией, которую он получил. Уверен, что он и впредь сможет нам помогать, внося полезные предложения.

Громким, уверенным голосом Грэхем пересказал им случай, произошедший с ним несколько часов назад.

– Совершенно необходимо, – сказал он, – немедленно начать интенсивную работу по исследованию ультракоротких волн, излучая их через радиомаяки, и определить, какие именно частоты – если таковые имеются – губительны для витонов. На мой взгляд, желательно оборудовать подходящую лабораторию в каком-нибудь отдаленном, безлюдном месте, в стороне от боевых действий, поскольку витоны, по нашим наблюдениям, скапливаются там, где особенно многолюдно, и очень редко посещают ненаселенные районы.

– Прекрасная идея! – Лимингтон встал и с высоты своего роста оглядел сидящую аудиторию. – Установлено, что численность витонов составляет от одной двадцатой до одной тридцатой населения Земли. Можно с уверенностью сказать, что большинство из них слоняется вокруг плодотворных источников человеческой и животной энергии. Лаборатория, спрятанная в пустыне, где урожай эмоций скуден, может годами не привлекать их внимания, а следовательно, избежать нападения.

Собравшиеся ответили громким гулом одобрения. Впервые с начала ускоренного Бьернсенем кризиса появилось ощущение: человечество на верном пути, оно сможет раз и навсегда сбросить многовековое иго. И тут же, как бы напоминая о том, что оптимизму должна сопутствовать осторожность, земля содрогнулась, снаружи донесся приглушенный грохот, за которым последовал запоздалый вой с небес, объяснивший его причину.

Лимингтон уже подыскал подходящее место для устройства того, что со временем

должно было стать первым оплотом сопротивления. Не обращая внимания на шум, шеф секретной службы по-отечески улыбнулся своему протеже, который все еще стоял на возвышении. Он уже знал, что его план пройдет и Грэхем сыграет в нем роль, которая как нельзя лучше укрепит репутацию его ведомства. От своих парней Лимингтон неизменно требовал одного: отдавать избранной цели душу и тело – не больше и не меньше. И всегда получал то, что требовал.

– Бесплезно биться с азиатами, не пытайтесь одновременно сокрушить их коварных повелителей. Уничтожить витонов – значит устранить источник заблуждения наших врагов и вернуть им рассудок. Ведь эти азиаты – такие же люди, как и мы с вами. Избавьте их от бредовых мечтаний, и ярость их сразу утихнет. Давайте же нанесем удар, дав миру единственный ключ, который мы держим в руках.

– Почему бы не собрать всех ученых и не засадить их за работу? – раздался голос из зала.

– Будьте уверены, мы это сделаем, но, как мы уже убедились на своем горьком опыте, тысяча рассредоточенных экспериментов куда безопаснее, чем один, проводимый тысячей участников. Пусть же весь западный мир возьмется за дело – тогда никто, будь он видимый или невидимый, не сможет помешать нашей окончательной победе!

Собравшиеся одобрительно зашумели. Грэхем рассеянно смотрел на шкаф, стоявший на страже у единственной двери. Воспоминание о Биче отозвалось в памяти тупой болью. А ведь были и другие, столь же трагические воспоминания: профессор Мейо, как тряпичная кукла застывший на мостовой, безрассудный бросок Дейкина навстречу ужасной гибели, дьявольски сосредоточенный взгляд страдальца с воображаемой собакой в животе, убийственный грохот, с которым Корбетт врезался в стену, черный стяг из взбесившихся атомов, развевающийся над Силвер Сити.

Но не стоит портить людям настроение в редкие минуты энтузиазма. Все равно исследование ультракоротких волн может продвигаться лишь в двух направлениях – верном и неверном, это ясно как Божий день. Неверное значило бы вечное рабство, в то время как первые же проблески верных результатов могут повлечь за собой безжалостное истребление каждого экспериментатора, который окажется близок к успеху.

Перспектива сулила гибель, гибель каждого талантливого ученого, находящегося на переднем краю призрачной битвы Грэхем не мог найти в себе силы высказать эту страшную истину. Аудитория затихла, и он сошел с возвышения. Тишина была нарушена привычным напоминанием о затаившейся поблизости смерти.

Пол подскочил на шесть дюймов и медленно опустился. Обитатели подземелья застыли в напряженных позах. Сквозь толстые стены до них донесся неистовый грохот рушащейся кладки. С неба грянул злобный рев, как будто сам Творец ликовал, глядя, как корчатся в смертных муках его собственные детища. После краткого затишья раздался более приглушенный грохот. По улицам неслась боевая техника в поисках новых просторов, чтобы и дальше сеять разруху, кровь и страдания.

Сангстер был озабочен и не старался это скрыть. Он сидел за своим столом в офисе Ведомства целевого финансирования, находившемся в здании Манхэттенского банка, и, глядя на Грэхема, Воля и Лимингтона, говорил, не обращая ни к кому из них в отдельности:

– Вот уже целых двенадцать дней, как международное радиовещание предоставило

свои каналы всем, кому не лень – от радиолюбителей до производителей радиоаппаратуры, – раздраженно заявил он. – Ну и что же, кто-нибудь помешал этой всеобщей переключке? Никто! Да если бы исследование коротких волн представляло для витонов угрозу, они бы все вверх дном перевернули, чтобы его сорвать. Они бы вычислили всех специалистов-радиотехников и взялись за них. Ни одного уже давно не осталось бы в живых. Но витоны не проявили никакого внимания. Так что мы с равным успехом могли бы надеяться уничтожить их при помощи какого-нибудь волшебного слова. Напрашивается вывод что мы на ложном пути. А вдруг они шарахались от установок физиотерапии просто для того, чтобы направить нас по ложному следу? Вдруг они теперь исподтишка посмеиваются над нами? Не нравится мне это, совсем не нравится.

– А вдруг они хотят, чтобы мы именно так и думали? – спокойно спросил Грэхем.

– Да? – У Сангстера так внезапно отвалилась челюсть, что остальные невольно усмехнулись.

– Ваша точка зрения доказывает: равнодушие витонов на то и рассчитано, чтобы нас обескуражить – Подойдя к окну, Грэхем бросил взгляд на развалины Нью-Йорка. – Заметьте, я говорю «рассчитано». Их кажущаяся беспечность вызывает у меня подозрение. Проклятые твари разбираются в человеческой психологии куда лучше, чем когда-нибудь научатся специалисты вроде Юргенса.

– Ну, ладно, ладно! – Сангстер потер лоб, схватил со стола какие-то бумаги и извлек из них одну. – Вот сообщение радиокорпорации «Электра». Ее специалисты могли бы с таким же успехом гонять ворон. Они говорят, что короткие волны, похоже, воняют. Пролетающие шары облучали на всех частотах, которые может выдать их установка, а те только уворачивались, как будто почуяв неприятный запах. Боб Треливен, их главный док, почти уверен, что эти чертовы твари действительно ощущают некоторые частоты как некий эквивалент запахов. – Жестом обвинителя он ткнул в бумагу пальцем. – Ну и куда нас это приводит?

– Приносит пользу даже тот, кто только думает и ждет, – с философской миной процитировал Грэхем.

– Прекрасно. Будем ждать. – Так и не успокоившись, Сангстер откинулся на спинку стула, водрузил ноги на стол и изобразил на лице бесконечное терпение. – Я безоглядно верю тебе, Вилл, но на все эти исследования вылетают денежки моего ведомства. Мне было бы гораздо легче, знай я все-таки, чего мы ждем.

– Мы ждем, когда какой-нибудь экспериментатор изжарит хоть одного витона. – Худощавое лицо Грэхема омрачилось. – Чертовски не хотелось бы об этом говорить, но все же сдается мне, что мы ждем первого из следующей серии трупов.

– Вот это меня и пугает, – вступил в разговор Лимингтон. – Проклятые шары имеют обыкновение выведывать чужие мысли. Когда-нибудь, Вилл, они заглянут и в ваши. И поймут, что вы – главный козырь. А когда мы вас разыщем, вы уже будете мертвее мертвого.

– Всем нам приходится рисковать, – сказал Грэхем. – Я один раз уже здорово рискнул – когда решил появиться на свет! – Он снова посмотрел в окно. – Взгляните-ка!

Собеседники подошли к нему и выглянули наружу. У подножия Либерти Биддинг клубилось густое серое облако. В тот же миг раздался оглушительный грохот, потрясший всю округу. За ним последовал душераздирающий вой с небес, который

благодаря доплеровскому эффекту по мере снижения становился все громче.

Четыре секунды спустя, когда облако сгустилось еще больше, высоченная громада Либерти Биидинг, вся в щербинах от снарядов, с выбитыми стеклами, начала медленно неохотно крениться и оседать как поверженный мамонт. Вот она достигла критического угла наклона и на миг замерла, как будто бросая вызов закону всемирного тяготения. Всем своим чудовищным весом гигантское здание нависло над соседними кварталами, угрожая сровнять их с землей.

И вдруг словно невидимая рука протянулась с небес, нанеся окончательный роковой удар. Колосс ускорил падение. Его устремленный ввысь объем, когда-то такой красивый, раскололся в трех местах. Из трещин, как гнилые зубы, торчали стальные балки. Грохот падения грянул, как гром из бездны первозданного хаоса. Земля заходила ходуном, как от подземного взрыва. Над развалинами стало медленно вздыматься огромное клубящееся облако известковой пыли.

И сразу же с высоты низвергся целый рой алчных голубых светил. Дрожа от нетерпения, они спешили со всех сторон на свежее пиршество человеческого горя.

Еще одна вереница шаров призрачной стаей сопровождала летящую над Гудзоном крылатую ракету, образовав за ней целый шлейф крупных голубых бусин. Ракета неумолимо приближалась к Джерси Сити. Скоро она с визгом ринется вниз, навстречу ей рванется еще более пронзительный визг женщин... ну, а витоны безмолвно, как стервятники, начнут свое пиршество.

– Всего одна ракета! – выдохнул Лимингтон, не отрывая глаз от развалин Либерти Билдинг, скрытых завесой дыма. – Я уж было подумал, что они решились на атомную атаку. Черт, какой же мощной должна быть эта ракета!

– Еще одно витонское достижение, – горько бросил Грэхем. – Еще одно техническое усовершенствование, которое они подарили своим азиатским прихвостням.

На столе у Сангстера внезапно затрезвонил телефон, резанув по их и без того напряженным нервам. гангстер снял трубку и нажал на кнопку усилителя.

– Сангстер, – резким металлическим голосом загремела трубка, – со мной только что связался по радио Падилья из Буэнос-Айреса. У него что-то получилось! Он сказал... он сказал... Сангстер... А-а-а!

Заметив внезапную бледность Сангстера и его остановившийся взгляд, Грэхем метнулся к нему и взглянул на подергивающееся изображение. Он едва успел заметить лицо, которое тут же исчезло с маленького экрана. Изображение было нечетким, его застилала какая-то мутная светящаяся дымка. Но до того, как оно пропало совсем, Грэхем безошибочно узнал на лице звонившего выражение неопишемого ужаса.

Боб Треливен! – прошептал Сангстер. – Это был Боб... – Он стоял, как громом пораженный. – Они до него добрались, я сам видел!

Не теряя времени, Грэхем набрал номер и дал указание телефонистке. Приплясывая от нетерпения, он ждал, пока она пыталась восстановить связь. Но дозвониться ему так и не удалось ни по этой линии, ни по какой-нибудь другой.

– Соедините меня со службой дальней связи. Скорее, дело правительственной важности! – Он повернулся к белому как мел Сангстеру. – Где находится «Электра»?

В Бриджпорте, штат Коннектикут.

– Служба дальней связи? – Грэхем говорил, почти прижав губы и микрофону. –

Только что Буэнос-Айрес вызывал Бриджпорт, штат Коннектикут, скорее всего, связь шла через Барранкилью. Выясните, откуда звонили, и соедините меня. – Не выпуская из рук трубки, он позвал Воля – Арт, возьми второй аппарат и позвони в бриджпортское полицейское управление. Пусть они сообщат нам все, что удастся выяснить. Потом иди, готовь машину. Я тебя догоню.

– Есть! – Воль с готовностью схватил второй аппарат, быстро переговорил с полицией и вышел.

Наконец Грэхема соединили. Он слушал далекого собеседника, и на скулах у него ходили желваки. Закончив разговор, он сделал еще один короткий звонок, с мрачным разочарованным видом отодвинул аппарат и обратился к остальным:

– Падиля мертв, как египетская мумия. Оператор на трансляционной станции в Барранкилье тоже мертв. Наверное, он слышал разговор и узнал нечто такое, что ему знать не следовало. Это стоило ему жизни. Пришло время, когда мне нужно бы находиться в четырех местах сразу. – Он потер подбородок. – Миллион против одного, что Треливен тоже мертв.

– Вот вам и трупы, – без малейших эмоций заметил Лимингтон.

Но его слова запоздали. Грэхем уже выскочил за дверь и мчался по коридору к лифтам. В его быстрых движениях сквозило что-то хищное. Кроме обычного блесна в его зорких глазах появился новый жестокий огонек. Палочки и колбочки в его зрачках прошли нечто большее, чем обычную спектроскопическую перестройку, – теперь они излучали ненависть.

В недрах здания раздался вздох. Пневматический диск, с сумасшедшей скоростью опустил Грэхема на уровень земли, где его ожидал гиромобиль. Он выскочил из лифта, ноздри его раздувались, как у волка, что почуял след и начал смертельную погоню.

ГЛАВА 10

В небольшой, но отлично оборудованной лаборатории радиокорпорации «Электра» царил стерильная чистота, все стояло на своих местах, ничто не нарушало безупречного порядка, за исключением мертвого тела, застывшего на полу под раскачивающейся телефонной трубкой.

Толстяк-полицейский сказал:

– Вот так он и лежал, когда мы пришли. Мы только сделали стереоскопические снимки трупа, больше ничего.

Бипл Грэхем кивнул сержанту, наклонился над телом и перевернул. Его не отпугнуло выражение ужаса, которое жестокая сверкающая смерть запечатлела на лице жертвы. Он сноровисто обыскал покойного, выложил содержимое его карманов на стоящий рядом стол и изучил с кропотливым вниманием.

– Бесполезно! – недовольно произнес он, закончив осмотр. – Ничего путного отсюда не выжмешь. – Он перевел взгляд на маленького франтоватого человечка, беспокойно переминающегося за спиной сержанта. – Так, значит, вы были ассистентом Треливена? Что вы можете мне сказать?

– Бобу позвонил Падиля, – пробормотал коротышка. Его взгляд испуганно перебежал с Грэхема на лежащий на полу труп. Ухоженные пальцы нервно теребили аккуратно подстриженные усики.

– Это нам известно. Кто такой Падилья?

– Ценный деловой партнер и личный друг Боба. – Человек застегнул пиджак, снова расстегнул, потом опять занялся усами. Казалось, у него слишком много рук и он не знает, куда их деть – Падилья – владелец патента на термостатический усилитель. Это самоохлаждающаяся радиолампа, которую мы производим по его лицензии.

– Продолжайте, – ободряюще сказал Грэхем.

– После этого звонка Боб очень разволновался. Сказал, что необходимо распространить новость, чтобы ее не смогли замолчать. Что это за новость, он не сказал, но, очевидно, считал ее сенсационной.

– А дальше?

Он пошел прямо в лабораторию, чтобы кому-то позвонить. Через пять минут в здание ворвалась целая шайка светящихся шаров. Они уже несколько дней околачивались поблизости, похоже, следили за нами. Все бросились наутек, кроме трех сотрудников с верхнего этажа.

А они почему не убежали?

Еще не прошли обработку, поэтому ничего не увидели и не поняли, что произошло.

– Ясно.

Когда шары убрались, мы вернулись на свои места и нашли Боба рядом с телефоном – мертвого. – Он снова нервно потеребил усы и перевел взгляд с Грэхема на труп.

– Вот вы сказали, что витоны целыми днями околачивались вокруг, – вступил в разговор Волк – Они за это время нападали на кого-нибудь из сотрудников, чтобы выкачать их мысли?

– Даже на четверых, – человек еще больше разволновался. – За последние несколько дней они атаквали четверых. Мы все пришли в ужас. Ведь никто не знал, кого они выберут следующей жертвой. Днем мы не могли нормально работать, а по ночам нас мучила бессонница. – Он бросил на Волю страдальческий взгляд. – Последний случай был вчера днем. После их нападения человек сошел с ума. Они бросили его за воротами, превратив в бессвязно лепечущего идиота.

– Когда мы приехали, их поблизости не было, – заметил Воль.

Возможно, они удовлетворены: ведь благодаря нанесенному контрудару завод перестал представлять для них источник потенциальной опасности, во всяком случае, на ближайшее время. – Грэхем не смог удержаться от улыбки – уж очень контрастировала пугливость маленького человечка со слоновьей невозмутимостью сержанта. – Они еще вернуться!

Он отпустил свидетеля и остальных сотрудников радиозавода, ожидавших своей очереди. Вместе с Водем они обыскали лабораторию, стремясь обнаружить хоть какую-нибудь записку, блокнот, любой с виду никчемный клочок бумаги, который мог бы дать ключ к разгадке, как это бывало с предыдущими жертвами.

Все усилия оказались напрасными. В их распоряжении был один-единственный факт: Боб Треливен мертв, решительно и бесповоротно.

– Что за черт! – в отчаянии простонал Воль. – Никакой зацепки. Ну ни единой, крошечной, паршивой зацепки! Нам везет, как утопленникам.

– Где же твое воображение? – поддел его Грэхем.

– Ты хочешь сказать, что обнаружил какую-то улику? – Вытаращив глаза, он в искреннем изумлении обвел взглядом лабораторию, пытаюсь найти то, что упустил.

– Да нет. – Билл Грэхем взялся за шляпу. – В этом безумном деле никто не доживает до того, чтобы предоставить нам какую-нибудь ценную улику. Поэтому остается только состряпать улики самим. Пошли, пора возвращаться.

Когда они проносились через Стэмфорд, Воль оторвал задумчивый взгляд от дороги, посмотрел на своего спутника и спросил:

– Ну ладно, ладно, это что семейная тайна, или как?

– Есть несколько задумок. Во-первых, у нас мало данных о Падилье. Нужно раскопать побольше, коечто может нам пригодиться. Еще: получается, что Треливен провел у телефона пять минут, пока его не вывели из игры. С Сангстером он успел поговорить от силы полминуты, и это был его последний звонок в нашем грешном мире. Значит, если ему не потребовалось четыре с половиной минуты, чтобы дозвониться до Сангстера, – а это маловероятно, – можно предположить, что сперва он позвонил кому-то другому. Вот мы и выясним, звонил ли он кому-нибудь, а если звонил, то кому.

– Ты просто гений, а я еще тупее, чем кажется! – воскликнул Воль.

Грэхем смущенно усмехнулся и продолжал:

– И наконец, есть неустановленное количество любительских радиостанций, работающих между Буэнос-Айресом, Барранкильей и Бриджпортой. Парадругая из них могла, рыская в эфире, поймать коммерческий канал. Если кто-то прослушивал эфир и поймал разговор Падильи с Треливеном, он нужен нам так же позарез, как и витонам. Мы должны срочно найти этого парня, пока еще не поздно!

– Надежда вечно бьется в человеческой груди, – продекламировал Воль – Взгляд его случайно упал на зеркало заднего обзора, и он застыл, как загнипнотизированный. – Но только не в моей! – сдавленно закончил он.

Повернувшись на сиденье, Грэхем выглянул в заднее окно машины.

– Витоны – гонятся за нами!

Его зоркий взгляд скользнул вперед, пробежал по сторонам, с фотографической точностью фиксируя местность.

– Гони! – Нащупав пальцем кнопку экстренной подачи энергии, он быстро вдавил ее. Воль тем временем до отказа выжал акселератор. Включился аварийный запас дополнительных батарей, и под натужный вой динамо гиромобиль рванулся вперед.

– Бесполезно! Считай, что мы попались! – хрипло выдохнул Воль и бросил машину в крутой вираж Их трижды заносило, но он каждый раз выравнивал ее. Дорога широкой лентой неслась под бешено крутящиеся колеса. – Нам не удрать, будь у нас скорость даже вдвое больше.

– Впереди мост! – предупреждающе крикнул Грэхем. Удивляясь собственному спокойствию, он пригнулся, глядя на стремительно приближающийся мост. – Сворачиваем на берег и ныряем в реку. Это единственный шанс.

– Дерьмо, а не шанс, – буркнул Воль.

Грэхем, не отвечая, снова оглянулся и увидел горящих зловещим огнем преследователей на расстоянии двухсот ярдов. Они быстро приближались. Их было

десять; вытянувшись цепочкой, они без видимых усилий неслись по воздуху с той безудержной стремительностью, которая отличала полет витонов.

Приближаясь, перед ними вырастал мост. Призрачная свора отыграла пятьдесят ярдов. Грэхем напряженно старался следить за происходящим и впереди и сзади. Он понимал: они на волосок от гибели. Каждая доля секунды могла решить, получат они единственный шанс из миллиона или вовсе ни одного.

– Делай, как я сказал! – скомандовал он, стараясь перекричать рев мотора – Когда окажемся в воде, выбирайся и плыви по течению, пока хватит дыхания. На поверхность показывайся только для того, чтобы сделать короткий вдох. Сиди в воде, пока они не уберутся, даже если придется мокнуть целую неделю. Уж лучше это, чем... – он не закончил фразу.

– Но ведь... – Воль пытался что-то возразить. На его лице застыло напряжение – машина уже влетела на мост.

– Ну же! – рявкнул Грэхем. Не дожидаясь, когда Воль наконец решится, он железной хваткой вцепился в рулевое колесо и резко повернул его.

От такого грубого насилия гироскоп протестующе взвизгнул, и стройная машина во весь опор донеслась по берегу. Она взлетела на гребень, едва не врезавшись в бетонную арку моста, и по эффектной параболе взвилась в воздух. Как чудовищный двадцатифутовый снаряд, гироскоп вошел в воду. Удар был таким сильным, что фонтаны брызг взлетели высоко над дорогой, засияв, как маленькая радуга.

Машина быстро погружалась посреди поднимающегося навстречу облака пузырьков. Скоро на потревоженной поверхности воды осталась только тонкая радужная пленка, над которой разочарованно толклась десятка озадаченных шаров.

«Слава Богу, что я додумался открыть дверцу за миг до падения, – подумал Грэхем. – Иначе давление воды задержало бы нас на несколько драгоценных секунд». Извиваясь всем своим сильным, мускулистым телом, он оттолкнулся ногами и выбрался из кабины как раз в тот миг, когда машина, накренившись, опустилась на дно реки.

Быстрыми мощными гребками он устремился вниз по течению со всей скоростью, на которую был способен. Грудь разрывалась, глаза искали просвета в жидкой мгле. Он знал: Воль тоже выбрался, потому что почувствовал толчок, когда лейтенант покидал машину. Но разглядеть Воля ему не удалось – слишком мутной была вода.

Изо рта у Грэхема вырывались пузыри, воздух в легких был на исходе. Он попытался грести быстрее, но почувствовал, как сердце выскакивает из груди, а глаза – из орбит. Сильным волнообразным движением он послал тело вверх. Подняв лицо над водой, сделал выдох и глубоко вдохнул свежий воздух. Потом снова нырнул и быстро поплыл дальше.

Четыре раза со стремительностью форели, заглатывающей летящую муху, он выскакивал на поверхность, набирал, полные легкие воздуха и опять уходил в глубину.

Наконец Грэхем выплыл на отмель, ботинки царапнули каменистое дно. Он осторожно поднял глаза над водой.

Десятка сверкающих шаров взлетала над берегом, скрытым дугой моста. Притаившись, Грэхем бдительно следил за их подъемом. Он сопровождал их взглядом, пока они не превратились в десять сверкающих точек, крошечных, как булавочные

головки, висящие под пологом облаков. Когда голубые призраки изменили направление полета и быстро двинулись на восток, Грэхем выбрался на берег. Вода лилась с него ручьями.

Перед ним спокойно и бесшумно бежала река. Одиноким наблюдатель вглядывался в ее гладкую поверхность с недоумением, которое быстро переросло в открытое беспокойство. Он ринулся вверх по течению; с одежды текло. Он спешил поскорее увидеть, что же там за мостом, и боялся этого.

Когда он подбежал поближе, через бетонную арку стала видна фигура лежащего Воля. Грэхем рванулся под арку, в ботинках противно хлопала вода. Перед ним на берегу застыло безжизненное тело лейтенанта.

Торопливо отбросив со лба мокрые волосы, Грэхем нагнулся над Водем и схватил его за холодные, обмякшие ноги. Потом выпрямился; от тяжести мышцы его напряглись до отказа.

Рывком приподняв тело за ноги, он посмотрел вниз на его мотающуюся голову. Из разинутого рта Воля на башмаки Грэхема хлынула вода. Грэхем стал встряхивать тело, наблюдая за результатом. Когда вода перестала вытекать, он положил Воля на спину, сам сел верхом, положил сильные ладони на неподвижную грудь лейтенанта и стал ритмично надавливать на ребра.

Он все еще трудился над ним, устало, но не сдаваясь, когда тело внезапно дернулось. Из глотки вырвался булькающий звук. Еще через полчаса Грэхем сидел на заднем сиденье гиромобиля, который ему удалось остановить, и поддерживал ослабшего товарища.

– Вилл, у меня башка просто раскалывается, – пожаловался Воль. Он закашлялся, вздохнул и уронил голову на плечо Грэхема – Что-то меня долбануло в самом начале, наверное, дверца. Она открывалась по течению, ну меня и стукнуло. Я тонул, выплывал, снова тонул. Словом, нахлебался воды вволю. – В легких у него тихонько булькало. – Ощущение – как у грудного младенца, решившего поплавать.

– Все пройдет, – успокоил его Грэхем.

– Я уж решил, что мне совсем каюк. Так себе и сказал. Конец не из приятных – валяться на дне вместе со всяким хламом. Болтаться туда-сюда, туда-сюда среди тины да пузырей, и так до скончания веков. – Воль подался вперед, с него капала вода. Грэхем снова потянул его назад. – Я рвался на поверхность, как одержимый... В легких – одна вода. Выскочил наверх... тут чертов витон меня и сцапал.

– Что? – вскрикнул Грэхем.

– Меня схватил витон, – тупо повторил Воль. – Я почувствовал... как его мерзкие щупальца закопошились у меня в мозгу... вынюхивая, выпытывая. – Он хрипло закашлялся. – Больше ничего не помню.

– Похоже, что это они вытащили тебя на берег, – взволнованно проговорил Грэхем. – Если они прочитали твои мысли, им теперь известны наши следующие шаги.

– Копошились.. у меня в мозгу, – пробубнил Воль. Глаза его закрылись, из груди вырывались судорожные всхлипы.

– Почему же они не убили Воля, как других? – покусывая губы, спросил Лимингтон.

– Не знаю. Может быть, решили, что он не знает ничего такого, что представляло

бы для них реальную опасность – Билл Грэхем выдержал пристальный взгляд шефа. – Я ведь тоже ничего такого не знаю, так что не надо думать, что каждый раз, выходя на улицу, я рискую погибнуть, а вам придется отвечать.

– Вы меня не обманете, – усмехнулся Лимингтон. – Просто удивительно, как долго вам везет.

Пропустив его слова мимо ушей, Грэхем сказал:

– Арт на несколько дней вышел из строя. – Он тихо вздохнул. – Вам удалось получить какие-нибудь новости о Падилье?

Мы старались, – полковник недовольно хмыкнул. – Но наш человек, который этим занимался, не смог ни до чего докопаться. У тамошнего начальства и так дел по горло, им сейчас не до него.

– Что, очередной приступ «завтра-завтра, не сегодня»?

– Да нет, дело не в этом. Вскоре после того, как мы отправили запрос, азиаты устроили налет на Буэнос-Айрес. Город сильно пострадал.

– Проклятье! – выругался Грэхем, кусая губы от досады. – Одной зацепкой меньше.

– У нас еще остаются любительские радиостанции, которые нужно проверить, – с кислым видом напомнил Лимингтон. – Мы уже взялись за дело. Эти чертовы радиолюбители обожают засесть где-нибудь на горной вершине или в непроходимых джунглях. Вечно выберут самые паршивые места

– Разве нельзя вызвать их по радио?

– Почему же, можно – с таким же успехом я могу звать жену, которая куда-то ушла. Они выходят на прием, когда им заблагорассудится. – Открыв ящик стола, он извлек листок бумаги и протянул его Грэхему. – Вот, поступило как раз перед вашим приходом. Может, это что-то значит, а может, и нет. Вам оно что-нибудь говорит?

– Сообщение «Юнайтед Пресс», – прочитал Грэхем, быстро пробегая глазами текст. – Профессор Фергюс Мак-Эндрю, ученый-атомщик, пользующийся международной известностью, загадочно исчез сегодня утром из своего дома в Керкентиллохе, Шотландия. – Он бросил быстрый взгляд на бесстрастно застывшего Лимингтона и возобновил чтение: – Исчез в неизвестном направлении во время завтрака, который так и остался недоеденным, даже кофе не успел остыть. Миссис Марта Лесли, его пожилая экономка, считает, что профессора похитили витоны.

– Ну как? – спросил Лимингтон.

– Не убит, а похищен! Вот что странно! – Сыщик нахмурился, обдумывая новость – Скорее всего, он не слишком-то много знал, иначе умер бы за завтраком, а не исчез. Но зачем его похищать, если он никому не угрожал?

– Это и поставило меня в тупик! – Единственный раз в своей жизни, полностью подчиненной дисциплине, Лимингтон позволил себе дать волю чувствам. Он стукнул кулаком по столу и громко сказал: – С самого начала этого идиотского дела мы постоянно путаемся в клубке нитей, каждая из которых приводит либо к мертвецу, либо к человеку, который уже превратился в нелюдь. Всякий раз, когда мы устремляемся в погоню, нас уже поджидает свежий труп. Всякий раз, протягивая руку, мы ловим пустоту. Теперь они начали убирать улики. Даже трупа не осталось! – Он щелкнул пальцами. – Взял – и исчез! Чем же все это кончится? И когда этот конец наступит? Если наступит вообще, разумеется?

– Конец наступит, когда последний витон исчезнет с лица Земли или когда

погибнет последний человек. – Грэхем помахал сообщением «Юнайтед Пресс» и переменял тему. – Должно быть, у этого Маю-Эндрю ум, типичный для современного талантливому ученого мирового масштаба.

– Ну и что?

– На этот раз они не ограничатся исследованием его ума, как они делали раньше. Они разберут весь его интеллект по винтику и выяснят, как там все крутится. Я не вижу, зачем еще им могло понадобиться его похищать, вместо того, чтобы убить, как обычно. Сдается мне, что витоны чем-то обеспокоены, может быть, даже напуганы, вот они и взяли его в качестве подходящего объекта для своей суперхирургии. – Яркий блеск в его глазах поразил собеседника. – Они решили получить средние данные, чтобы оценить вероятность. Их уверенность пошатнулась, они хотят выяснить, что их ожидает. Взвесив силу интеллекта этого Мак-Эндрю, они вычислят, насколько велика вероятность того, что нам удастся обнаружить истину, которой они так боятся.

– А потом? – шепотом спросил Лимингтон.

– Мы подозреваем, что Падилья что-то нашел, – в результате целенаправленного поиска, а может быть, и случайно. Но нужно допустить и другую возможность: он попал пальцем в небо, и убрали его только для того, чтобы сбить нас с толку, направить по ложному следу – в Южную Америку. – Грэхем встал, возвышаясь над столом шефа. – И если я не ошибаюсь, это похищение означает две вещи, – сказал он, сопровождая свои слова энергичными жестами.

– Какие же?

– Первое: что существует смертельное для витонов оружие, которое только и ждет, чтобы мы его нашли, если, конечно, у нас хватит на это силенок. Витоны уязвимы! – Он помолчал, потом закончил, тщательно взвешивая каждое слово: – И второе: если они, покопавшись в мозгу Мак-Эндрю, придут к выводу, что у нас хватит разума такое оружие найти и изготовить, то сделают все, чтобы этого не допустить, причем молниеносно. И тут начнется крошечный ад!

– Можно подумать, что он еще не начался! – заметил Лимингтон, сделав широкий жест рукой. – Вы что, можете вообразить что-нибудь более отчаянное, чем та ситуация, в которой мы находимся сейчас?

– Уж лучше известное зло, чем неизвестное, – парировал Грэхем. – Сейчас мы хотя бы знаем, что происходит. А кто знает, что они затевают?

Если они изобретут еще какие-нибудь козни, Бог свидетель, нам придет конец!

Грэхем промолчал. Он весь ушел в тревожные раздумья. Один человек, ныне покойный, приписал ему экстрасенсорное восприятие. Возможно, дело в нем, а может быть, предчувствие, но только он знал, что надвигается новый ад, притом куда более страшный.

Стояла тьма, такая глубокая и зловещая, которая мыслима только в городе, когда-то сиявшем мириадами огней. Кроме мимолетных отблесков гиромобилей, которые, приглушив свет фар, светлячками пролетали по выщербленным каньонам Нью-Йоркских улиц, ничто не оживляло густого, давящего, непроглядного мрака.

Кое-где мерцали зеленоватым светом ограждения из деревянных столбиков, покрытых светящейся краской, предупреждая водителей об огромных воронках, оставленных взорвавшимися ракетами. Кисловатый запах войны был силен как никогда – запах вздыбленной земли и разрушенных коммуникаций, битого кирпича и

перемолотой плоти.

В верхней части города, на Шестой улице, Грэхем увидел маленький красный огонек, раскачивающийся из стороны в сторону, и притормозил. Машина замедлила бег и остановилась; он вышел.

– В чем дело?

Из угольной тьмы выступил молодой офицер.

– Извините, мистер, нужна ваша машина. – Он молча подождал, пока Грэхем предъявит удостоверение, потом сказал: – Ничего не могу поделаться, мистер Грэхем, мне приказано реквизировать все машины, следующие мимо.

Что ж, не буду спорить. – Грэхем вынул из гиromобиля теплое пальто и закутался в него. – Придется пройтись пешком.

– Мне искренне жаль, – проговорил офицер. – В западном районе случилось что-то серьезное, нужны все машины, которые удастся достать. – Он обернулся к двум солдатам в грязно-зеленой форме, еле видимым в темноте. – Отгоните машину на станцию. – Когда они отъехали, он нажал на кнопку красного фонарика и подал сигнал очередному проезжающему гиromобилю.

Быстрым шагом Грэхем шел по дороге. Его окружали покосившиеся стены, кое-где укрепленные деревянными подпорками. На другой стороне улицы в мрачном унынии высились страшные развалины некогда оживленных деловых кварталов.

На площади, замыкавшей улицу, обосновалась батарея противовоздушной обороны. Грэхем молча прошел мимо. От безмолвных фигур в железных касках, облепивших длинные задранные к небу стволы, веяло настороженностью. Они были обречены выполнять свой бесполезный долг. Все их пушки, хитроумные взрыватели ближнего действия, еще более хитроумные приборы управления огнем не могли тягаться с ракетами, намного опережающими скорость звука. Максимум, на что они могли надеяться, – это случайная управляемая бомба или безумный азиат – камикадзе, решившийся на почетное самоубийство. Других вариантов не было.

За площадью, на полуразрушенной крыше, шатко угнездился пост подслушивания вместе с радиолокатором. Квадратные раструбы поста были бесцельно устремлены на запад, полусферическая антенна радара с деловым видом, но без особой пользы вращалась вокруг своей оси. Даже не видя, Грэхем знал: где-то между постом на крыше и пушками застыли у приборов управления огнем еще более напряженные, безмолвные фигуры, ожидающие нечеловеческого воя, который возвестит о приближении какого-нибудь объекта, летящего достаточно медленно для того, чтобы его обнаружить, а при удаче и сбить.

На какой-то миг над Скалами вспыхнуло яркое розовое зарево, вслед за ним прокатился грохот взрыва. Вверх по Гудзону пошла мощная приливная волна. Еще мгновение, и следующая вспышка возникла выше по реке, близ Хэверстроу. Потом все смолкло.

Но только не на улице. Из глубины, прямо из-под ног, доносились странные неумолкающие звуки, как будто кто-то глодал землю мощными челюстями. Ба протяжении мили одинокого пешехода неотступно сопровождало это подземное «хрум-хрум-хрум».

Там, глубоко внизу, ниже всех подземных этажей города, гигантские бериллиевые челюсти вгрызались в породу, прокладывая артерии нового, более безопасного города,

недоступного для бомб и ракет.

«Когда все это кончится, – подумалось Грэхему, – бывшая подземка превратится в наземную железную дорогу».

Повернув налево, он увидел в окружающем мраке более плотное темное пятно. Неясный силуэт находился на другой стороне улицы и торопливо приближался, громко позвякивая металлическими подковками.

Они почти поравнялись и должны были вот-вот разминуться, когда из набухшего темного облака, незаметного в крошечной тьме, вылетел шар холодного голубого света. От его внезапной яростной атаки спасения не было. Почуввав близкую гибель, смутно различимый во мраке человек завертелся волчком и издал леденящий душу вопль.

Грэхем отступил туда, где тень была поглубже, его зоркий взгляд отметил поразительную быстроту нападения. Шар заплясал вокруг своей жертвы, озарив ее тусклым, мертвенным светом. Было видно, как тонкие сверкающие нити щупальцев вонзились в тело несчастного. Витон выпустил пару колец, которые призрачным ореолом рассеялись в воздухе. Еще миг – и светящаяся тварь взмыла ввысь, унося с собой обмякшее тело.

Еще одного человека тем же манером схватили на пустыре, ярдов через двести дальше, по дороге. Проходя мимо остова многоквартирного дома, Грэхем видел, как охотник и его добыча пересекли открытый участок. Гротескно удлиненная тень пешехода, высвеченная бледным сиянием шара, стремительно неслась впереди. Бег жертвы был столь неистов, как будто она спасалась от порождения ада. Человек несся огромными неуклюжими скачками, из сдавленного ужасом горла вырывались невнятные обрывки слов.

Переливающаяся голубая бестия нависла над жертвой, образовав вокруг ее головы дьявольский нимб. Потом раздулась, поглотив беглеца вместе с последним отчаянным воплем. Перед тем, как подняться в небо с добычей, витон выпустил два светящихся кольца.

Третьего и четвертого схватили на Дрекслер авеню. Они успели заметить пикирующие голубые молнии. Один бросился бежать. Второй упал на колени, скрючился в жутком поклоне и закрыл голову руками. Бегущий что-то хрипло выкрикивал. Живот трясся, по ногам текло, вопли звучали, как стенания обреченной на заклятие жертвы. Коленопреклоненный оставался в той же позе, как будто молился своему идолу. Но идол, как и все боги, не внял молитвам. Обоих схватили одновременно. Оба разом вскрикнули, разом вознеслись в небеса – и еретик, и истово верующий, и грешник, и праведник. Витоны никому не оказывали предпочтения, никого не миловали. Они сеяли гибель так же неумолимо, как торговцы смертоносным бактериологическим оружием.

Лоб Грэхема покрывала обильная испарина. Он крадучись проскользнул по дорожке к дверям больницы Самаритэн. Перед встречей с Гармонией он отер со лба пот и решил ничего не рассказывать о трагических событиях, свидетелем которых он оказался.

Она, как всегда, выглядела сдержанной и спокойной. Во взгляде глубоких темных глаз ему почудилась какая-то убаюкивающая безмятежность. Однако они видели его насквозь.

– Что случилось? – спросила девушка.

– Случилось? С чего вы взяли?

– Вид у вас взволнованный. К тому же вы только что вытерли лоб.

Вытащив носовой платок, Грэхем еще раз отер испарину и спросил:

– Откуда вы узнали?

– Он у вас еще влажный. – В глазах ее мелькнула тревога. – Витоны снова гнались за вами?

– На сей раз не за мной.

– За кем же?

– Это что, допрос? – осведомился он.

– В кои-то веки вы вышли из себя! – сказала она, защищаясь.

Я всегда выхожу из себя, когда разговариваю с вами. – Он на время выбросил из головы гнетущие мысли и одарил ее призывным взглядом. – Я приду в норму, когда немножко привыкну к вам, когда мы будем видеться чаще.

– В каком смысле?

– Вы прекрасно понимаете, в каком.

– Уверяю вас, что не имею ни малейшего понятия, на что вы намекаете, – холодно произнесла она.

– На свидание, – подсказал он.

– На свидание! – Она воздела глаза к потолку. – Подумать только, он явился назначать свидание! И это при том, что творится вокруг. – Она села за свой стол и взялась за ручку. – Вы, должно быть, совсем рехнулись, мистер Грэхем. День добрый, и всего хорошего.

– Сейчас не день, а ночь, – напомнил он и, притворно вздохнув, добавил: – Ночь, так и созданная для любви.

Доктор Кертис громко фыркнула и углубилась в свои бумаги.

– Ладно, – сдался он, – вижу, мне опять дали отставку. За последние дни я к этому уже привык. – Давайте поговорим на другую тему. Что вы узнали?

Она отложила ручку.

– Я ждала, пока вы придете в себя. Ведь я уже несколько часов хочу вас видеть.

– Ей-богу? – он радостно вскочил с места.

– Не обольщайтесь, – она жестом велела ему сесть. – Все очень серьезно.

– Господи, а со мной-то разве все не серьезно? – изрек он в пространство.

– Ко мне на чай заходил профессор Фармилоу.

– Что же вы такого в нем нашли, чего недостает мне?

Умение себя вести, – отрезала она.

Он поморщился, но промолчал.

– Кстати, очень милый старик. Вы его знаете?

– Так, немного, а теперь и вовсе знать не желаю, – он изобразил на лице ревность и презрение. – Тихий вечерок с седеньким козликком? Кажется, он чем-то занимается у Фордэма – тропическими бабочками или еще какой-то ерундой.

– Между прочим, он мой крестный отец. – Она произнесла эти слова с таким выражением, как будто они объясняли все. – Он физик.

– Билл, – подсказал он.

Она не обратила внимания.

– Думаю, что он...

– Билл, – не сдавался он.

– Ну хорошо, хорошо, – нетерпеливо отмахнулась она, – Билл, если для вас это так важно. – Девушка старалась сохранить непроницаемое выражение, но Грэхем уловил на ее лице тень улыбки и получил немалое удовольствие. – Мне кажется, Билл, он что-то задумал. Я боюсь за него. Ведь едва человек успеет что-то задумать, как сразу гибнет.

– Вовсе не обязательно. Просто мы не знаем, сколько людей, месяцами вынашивающих какие-то идеи, до сих пор живы-здоровы. А потом, я пока еще тоже жив.

– Вы живы, потому что одержимы одной-единственной идеей, – ядовито заметила она, проворно убирая ноги под стол.

– Как вы можете говорить такое? – он изобразил негодование.

– Боже правый, дадите вы мне наконец рассказать то, ради чего я вас так ждала?

– О'кей. – Он насмешливо улыбнулся. – Так почему вы считаете, что старик Фармилоу носится с какой-то идеей?

– Мы говорили о витонах. Я попросила его объяснить, почему так трудно найти против них оружие.

– Ну, а он что?

– Он сказал, что мы еще не научились так же уверенно обращаться с силами, как с веществами, что мы сделали большой шаг, обнаружив витонов, но этого еще недостаточно, чтобы с ними покончить. – Говоря, девушка не спускала с Грэхема своих прекрасных глаз, следя за его реакцией. – Он сказал, что мы можем бомбардировать витонов всевозможными энергетическими пучками, но если ничего так и не случится, мы не сумеем выяснить, почему. Мы даже не можем поймать витона, чтобы узнать, отражает он энергию или же поглощает, а потом снова излучает. Мы не можем его изловить и разобраться, как он устроен.

– Мы знаем, что некоторые виды энергии они действительно поглощают, – вставил Грэхем. – Они поглощают нервные токи, жадно пьют их, как лошади, стосковавшиеся по воде. Еще они поглощают импульсы – радары этих тварей не улавливают. Что же касается загадки их строения, тут старик Фармилоу прав. Мы об этом понятия не имеем и даже не знаем, с какой стороны подступиться. Вот в чем вся загвоздка.

– Профессор Фармилоу сказал: лично он считает, что шары обладают каким-то электродинамическим полем и умеют его произвольно изменять, обволакивая себя разными видами энергии и поглощая только те, которые нужны им для питания. – Она передернулась от отвращения. – Вроде тех нервных токов, о которых вы сказали.

– И никакой аппарат, имеющийся в нашем распоряжении, не может их воспроизвести, – пожаловался Грэхем. – А то мы бы пичкали их, пока они не лопнут!

На лице девушки снова мелькнула улыбка.

– Я сказала профессору: «Вот бы взять волшебную ложку и взбить их, чтобы получился голубой пудинг!» – Ее тонкие пальцы сомкнулись вокруг воображаемой ложки, которой она энергично покрутила в воздухе. – Странно, но моя шутка

почему-то привлекла его внимание. Он стал мне подражать, все вертел-и вертел пальцем, как будто играл в какую-то новую игру. Ведь я просто дурачилась, – но зачем было ему дурачиться вместе со мной? Он знает об энергии куда больше, чем я могу себе представить.

– Да, непонятно. А вы не думаете, что он просто впал в детство?

– Нет и еще раз нет!

– Тогда сдаюсь, – Грэхем поднял руки.

– Он даже не намекнул, что у него на уме, – продолжала она, – но вид у него был какой-то ошеломленный, и он вскоре откланялся. Когда профессор так же задумчиво направился к выходу, он сказал, что постарается достать мне такую ложку. Я уверена: он что-то задумал. Это были не просто пустые слова, он действительно что-то задумал! – Ее плавно изогнутые брови вопросительно приподнялись – Только вот что?

– Чушь собачья, – решил Грэхем. И тоже поболтал в воздухе невидимой ложкой. – Такая же чушь, как и все в этом безумном деле. Должно быть, профессор Фармилоу свихнулся от слишком большой учености. Он отправился домой изобретать проволочную мутовку для сбивания яиц и кончит свои дни, забавляясь с ней в клинике Фосетта. Там, у Фосетта, таких, как он, не одна дюжина.

– Если бы вы знали профессора так же хорошо, как я, вы бы воздержались от подобных замечаний, – резко ответила она. – Уж он-то никогда не теряет голову. Я бы на вашем месте сходила к нему. Может быть, у него есть для вас что-то стоящее. – Она подалась вперед. – Или вы, как всегда, придете слишком поздно?

– Ну ладно, ладно, – поморщился Грэхем. – Лежачего не бьют. Я прямо сейчас отправляюсь к нему.

– Вот и молодец, – похвалила девушка – Она смотрела, как он встает и берет за шляпу, и выражение ее глаз менялось. – Может быть, пока вы еще не ушли, вы все-таки расскажете мне, что вас тревожит?

– Тревожит? – он медленно обернулся. – Вот смехота! Ха-ха-ха! Нет, вы только вообразите: меня – тревожит!

– Не пытайтесь меня провести. Вся эта болтовня о свиданиях меня несколько не обманула. Вы только вошли, а я сразу увидела: вас что-то беспокоит. У вас был такой вид, как будто вы готовы кого-то убить. – Она сжала руки. – Что случилось, Билл? Что-то новое, еще страшнее?

– Проклятье! – Он на миг задумался, потом сдался. – Думаю, что вам тоже можно сказать. Все равно рано или поздно вы узнаете.

– О чем?

– Похоже, что они перестали убивать. Теперь они хватают людей живьем и утаскивают Бог весть куда. – Он повертел в руках шляпу. – Неизвестно, почему они их хватают и зачем. Можно только догадываться, а догадки невеселые...

Девушка побледнела.

– Вот вам и последний вариант старой как мир шутки, – зло добавил Грэхем, – судьба, которая еще похуже смерти! – Он надел шляпу. – Так что, ради Бога, берегите себя и старайтесь держаться от них подальше. Ну, а от свиданий не отказывайтесь, даже если вздумаете взлететь на небо, договорились?

– Я не назначала никаких свиданий.

– Пока. Но когда-нибудь назначите. Когда кончится вся эта заваруха, вам не удастся так легко от меня отделаться. – Он ухмыльнулся. – Тогда времени у меня будет вагон, и я целиком посвящу его вам!

Он закрыл дверь, унося в памяти тень ее улыбки. Выскальзывая из ворот на окутанную мраком дорогу, стелющуюся под угольно-черным небом, он знал, что она все еще улыбается, припоминая его последние слова. Но долго думать о ее улыбке ему не удалось.

Вдали, из затаившихся в черноте облаков посыпались сверкающие голубые капли – дождь из поднебесного ада. Чуть позже дьявольские шары стали роем подниматься ввысь. Грэхем был слишком далеко, чтобы видеть детали, но чувствовалось, что захватчики поднимаются не налегке.

Перед его мысленным взором предстали безжизненные человеческие тела, повисшие в объятиях омерзительных тварей, вздымающих свои жертвы в небеса. А под ними, на земле, десять тысяч пушек нацелены в нависшее небо, тысяча чутких раструбов застыла в ожидании нашествия другого врага, врага, который по крайней мере сотворен из плоти и крови. Болото обмеривают в поисках лягушек, несмотря на то, что лягушки бьются между собой не на жизнь, а на смерть. Теперь наша жизнь зависит от лягушек.

«Как должны воспринимать эти повальные похищения те, кто еще не прошел обработку по формуле Бьернсена? – подумалось ему. – Наверняка столь устрашающее проявление высших сил только подтверждает старые как мир, пугающие суеверия. Такое случалось и раньше. Взять историю или старинные предания – там люди только и делают, что внезапно сходят с ума, летают по воздуху и возносятся в таинственную синеву бездонного неба».

Тут его мысли переключились на старика-ученого, который поспешил домой, захваченный странной идеей. «Ставлю доллар против цента, Билл Грэхем, – сказал он себе, – что Фармилоу свихнулся, смотался либо скончался».

Усмехнувшись своей мрачной шутке, он свернул на Дрекслер авеню и стал осторожно пробираться по обочине, стараясь держаться в самой глубокой тени. Его резиновые подошвы бесшумно ступали по земле, блестящие, серые, как агаты, глаза бдительно всматривались в ночное небо, стараясь не пропустить возможную засаду. А глубоко внизу, прямо под его осторожно крадущимися ногами, зубья из бериллиевой стали все так же неотступно глодали подземную руду и невидимые валуны.

ГЛАВА 11

Сомнений не оставалось – профессор Фармилоу был мертв. Грэхем понял это, как только открыл дверь. Он быстро пересек погруженную во мрак комнату и, осветив фонариком окна, убедился, что светонепроницаемые шторы не пропускают ни единого лучика. Удовлетворенный осмотром, он нащупал на стене выключатель и зажег лампу под потолком.

Двухсотваттный поток света устремился вниз, на неподвижное тело ученого, – заиграл насмешливыми бликами на его седой голове, обрамленной безжизненно застывшими на столе руками. Фармилоу сидел на стуле и как будто спал, уронив усталую голову на руки. Но это был не тот сон, который прерывается с рассветом, а

совсем другой – не знающий ни сновидений, ни пробуждения.

Грэхем осторожно приподнял ссутуленные плечи, просунул руку за ворот рубашки и приложил ладонь к холодной груди профессора. Он заглянул в доброе старческое лицо и не заметил на нем того выражения ужаса, которое обычно искажало лица других жертв.

Да, Фармилоу был стар, очень стар. Может быть, он умер своей смертью. Может быть, в часах его жизни кончился отпущенный им завод, и витоны не имеют к трагедии никакого отношения? На первый взгляд, они действительно ни при чем: лицо такое мирное, и тому же профессор умер, а не был похищен. И что самое паршивое, если вскрытие покажет, что смерть наступила в результате сердечного приступа, то это не будет значить ровным счетом ничего.

Жадно подрагивающие щупальца способны высасывать квазиэлектрические нервные токи с такой силой и быстротой, что могут парализовать сердечные мышцы. Люди – а особенно старые – часто умирают от такой напасти, никак не связанной со сверхъестественным вмешательством. Так что же все-таки случилось с Фармилоу – вышел ли его жизненный срок, или же он умер потому, что его мудрый старый ум взлелеял какую-то мысль, способную перерасти в угрозу?

Печально глядя на мертвое тело, Грэхем ругая себя последними словами. «Или вы, как всегда, придёте слишком поздно?» На этот раз она прямо как в воду глядела! Я просто Джонни-опоздайка, и так каждый раз! Почему, черт бы меня побрал, я не бросился и старику сразу, как только она мне все рассказала? – Он сокрушенно потер лоб. – Иногда мне кажется, что я так никогда и не научусь поторапливаться. – Он оглядел комнату. – Что ж, олух, берись за дело!»

С лихорадочной быстротой он обыскал помещение. Это была не лаборатория, а скорее кабинет и одновременно библиотека. Без особого трепета он перевернул все вверх дном, твердо решив найти что-нибудь стоящее. И ничего не нашел – ни единой вещи, от которой можно было бы протянуть какую-то ниточку. Масса книг, документов и бумаг, казалось, содержала так же мало смысла, как речь политического деятеля. На худощавом лице Грэхема появилась печать безнадежности; наконец он прекратил поиски и собрался уходить.

От возни, которую он поднял, тело ученого потеряло равновесие и постепенно сползло вперед, руки раскинулись на блестящей поверхности стола. Взяв холодный труп под мышки, Грэхем поднял скорбную ношу и перенес на диван. Что-то упало на пол и покатилося с металлическим позвякиванием. Уложив профессора, Грэхем прикрыл ему лицо, сложил на груди старческие руки с набухшими венами. Потом отыскал упавший предмет.

Это был автоматический карандаш – он заметил его блестящий серебристый колпачок около ножки стола. Грэхем поднял карандаш. Очевидно, он выпал из окоченевших пальцев Фармилоу или скатился с его колен.

Находка снова настроила Грэхема на боевой лад. Он вспомнил последние каракули других умерших – и карандаш стал казаться ему весьма многообещающим подарком судьбы. Ведь Фармилоу вполне могли выбросить из этой жизни в следующую – если это возможно – как раз в тот миг, когда его мозг уже сформулировал мысль, которую рука готовилась записать. Это было совсем не в характере витонов – дать жертве передышку. Они убивают без всякого предупреждения или колебания, и к тому же окончательно и бесповоротно.

И тут он с изумлением взглянул на ситуацию под новым углом: витоны не умеют читать. Как столь очевидная мысль не пришла ему в голову раньше? Ведь у витонов нет органов зрения, их заменяет экстрасенсорное восприятие. Это значит, что они выносят смертный приговор тому, кто вынашивает опасные замыслы или собирается их записать непонятным для них образом. Может быть, напечатанные или написанные на бумаге знаки ничего не говорят вражеским органам чувств: они разбираются в мыслях, но не в почерке или машинописи. Они владыки неуловимого, но не конкретного и вещественного.

Следовательно, если Фармилоу воспользовался карандашом, его записка скорее всего сохранилась, не была уничтожена, точно так же, как не были уничтожены другие послания. Грэхем еще раз перерыл ящики стола в поисках памятных книжек, записок, любых торопливых каракулей, которые могли бы сообщить посвященному что-то важное. Внимательно осмотрев все, что было на столе, и убедившись в девственной чистоте блокнота и промокашки, он напоследок пролистал от корки до корки два научных трактата.

Никакого результата. Оставалась только газета «Сан». Последний вечерний выпуск лежал сложенным посередине стола, как будто Фармилоу собирался его просмотреть, но потом внезапно потерял всякий интерес к тому, что творится в мире. Устремив зоркий взгляд на страницу газеты, разведчик глубоко вздохнул: карандашная пометка!

Жирное, наспех нарисованное кольцо, небрежный кружок – такой можно изобразить в минуту безумия или на пороге смерти.

«Если они до него добрались, – размышлял Грэхем, – то он, очевидно, сделал это уже после того, как его схватили. Ведь смерть не наступает одновременно с остановкой сердца, мозг продолжает работать еще несколько секунд. Однажды я видел парня, который пробежал шагов десять, пока не понял, что уже мертв».

Облизнув пересохшие губы, он попытался расшифровать послание с того света. Кое-как нацарапанное кольцо отражало последнее усилие Фармилоу – упрямое стремление угасающего разума оставить хоть какой-то ключ, пусть грубый, неясный, несовершенный. По-своему трогательный жест посмертный вклад профессора в копилку ума и сообразительности человеческого рода. Только уж больно странным он оказался, трудно себе представить что-нибудь более странное: в кружке красовалось изображение медведя!

Рисунок помещался в колонке объявлений. Зверь стоял вертикально на фоне айсберга, правая передняя лапа призывно вытянута, на морде – мерзкое выражение самодовольного торгаша. Он рекламировал огромный нарядный грузовик-рефрижератор, ниже были начертаны хвастливые слова: «Рекомендую лучший в мире рефрижератор – вы найдете меня на его дверце!»

– Рекламный писака не страдает недостатком скромности, – проворчал Грэхем и снова бросил сокрушенный взгляд на рисунок – Надо поспать, – решил он. – Если я хоть немного не сосну, мне прямая дорога в психушку!

Аккуратно вырвав объявление, он сложил его и спрятал в бумажник. Потом выключил свет и удалился.

По дороге домой он нашел в метро телефонную будку и позвонил в полицейское управление. Грэхем сообщил о Фармилоу и, перемежая слова зевками, дал краткие инструкции. Потом набрал номер Боро 8-19638, не получил ответа и сонно удивился, что офис Разведывательного управления не откликается. Он слишком устал, чтобы

ломать себе голову, ощущать подозрения или тревогу. Не отвечают – ну и черт с ними!

Добравшись до дому, он рухнул в постель и блаженно сомкнул воспаленные от усталости веки. А на расстоянии мили застыли во тьме обезлюдевшие зенитная батарея, прибор управления огнем, радар службы оповещения, подслушивающая установка; их команды были насильственно удалены со своих постов. Ничего не ведая об этом, Грэхем беспокойно вертелся в постели, одолеваемый фантастическими сновидениями. Он видел брошенный офис, окруженный морем живой светящейся голубизны, через которое пробирался гигантский медведь.

Тревога, которую он должен был ощутить прошлой ночью, с избытком дала о себе знать утром. Он попытался дозвониться до офиса Разведывательного управления – ответа по-прежнему не было. На этот раз он среагировал мгновенно. «Тут что-то не так, – предупредил отдохнувший, снова бдительный ум, – будь начеку!»

Подходя ж зданию, он заранее был начеку. Все выглядело вполне невинно. Вокруг царил нарочитое спокойствие, свойственное только что поставленной мышеловке. Ближайшие витоны болтались далеко на востоке; свисая из-под пышных облаков, они, казалось, созерцали собственные пупки.

С четверть часа Грэхем слонялся вокруг, попеременно поглядывая то на зловещее здание, то на грозное небо. У него не оставалось другой возможности выяснить, что же случилось с телефоном Лимингтона, кроме как пойти и посмотреть самому. Он решительно вошел в здание и направился к лифтам. И сразу же из ниши по соседству с лифтами, где обычно находился лифтер, выступил мужчина и шагнул ему навстречу.

У незнакомца были черные глаза и еще более черные волосы, облепившие белое как мел лицо. Костюм, ботинки, шляпа – все на нем было черное. Просто крик похоронной моды.

Плавной тигриной поступью скользя по паркету, он прохрипел:

– Явился! – и выстрелил прямо в Грэхема.

Будь разведчик чуть более самоуверен или чуть менее бдителен, ему снесло бы полчерепа. Упав ничком, он почувствовал, как осколки пули злобно прожужжали над самой его головой. Оказавшись на полу, он бешено рванулся прямо под ноги противнику. Он надеялся сбить незнакомца, пока тот не выстрелил снова, но знал, что не успеет.

Мышцы спины судорожно сжались, ожидая пулевых осколков. Резко и оглушительно прогремел выстрел. За ним последовала нервная реакция – рот открылся, чтобы испустить крик, но звук замер в горле. Грэхем изумленно осознал, что не ранен, и в тот же миг услышал слабый клекот и глухой стук.

В поле его зрения, ограниченном уровнем пола, возникло заляпанное кровью лицо. Огонек безумия так и остался в глазах даже после того, как их блеск угас. С проворством акробата Грэхем вскочил на ноги и тупо уставился на поверженного врага.

И тут его внимание привлек тихий стон. Перескочив через труп мужчины в черном, он рванулся к лестнице, вьющейся вокруг шахты пневматического лифта, и склонился над телом, неловко замершим у ее подножия.

Не выпуская из рук еще не остывший пистолет, человек слабо пошевелился; при этом спереди, на пиджаке, открылись четыре сочащихся кровью отверстия. С трудом приподняв руку, он показал Грэхему гладкое золотое кольцо.

– Не горюй, приятель. – Он говорил с трудом, изо рта вырывалось булькающее дыхание. – Мне конец. Никуда не денешься. – Ноги его судорожно дернулись. Умирающий выпустил пистолет, и он со стуком упал на пол. – И все-таки я достал эту свинью... и тебя выручил...

Держа в руке кольцо, Грэхем переводил взгляд с разведчика, лежащего у его ног, на траурную фигуру убийцы. За стенами, грозно рыча, снова разверзся ад; здание содрогнулось, посыпалась штукатурка, но Грэхем не обращал внимания на эти звуки. Что делал смертельно раненный оперативник у самого входа в Разведывательное управление? Почему в офисе ни вчера вечером, ни сегодня утром никто не отвечает на звонки?

– Оставь меня, все равно мне конец! – Умирающий слабо попытался оттолкнуть руки Грэхема, который расстегивал его окровавленный пиджак. Загляни навверх – и скорее назад! – Он захлебывался кровавой пеной. – В городе... полно придурков! Они открыли психушки, и все дурики... бродят на свободе! Торопись, дружище!

– Проклятье! – Грэхем выпрямился, убедившись, что лежащий у его ног разведчик отошел в мир иной. Взяв оброненный им пистолет, он рванулся к ближайшему лифту. Снаружи все еще валялись обломки, но Грэхем не слышал шума. Что ожидает его наверху?

«Загляни навверх – и скорее назад!»

Сжимая в руке пистолет с сегментными пулями, устремив взгляд сверкающих глаз к вершине лифтовой шахты, он приплясывал от нетерпения, пока пневматический диск, казалось, нестерпимо медленно воспарял вверх.

Едва он заглянул в нью-йоркскую штаб-квартиру Лимингтона, как его внутренности свела страшная дурнота. Там была форменная бойня. Он быстро пересчитал трупы – семь! Трое лежали у окна. На холодных лицах застыла неизгладимая печать постигшей их дьявольской участи. Бесплезное оружие так и осталось в кобурах. Им даже не дали шанса пустить его в ход.

Еще четверо валялись кто где. Эти успели достать оружие и воспользоваться им. Одним из четверки был полковник Лимингтон. Его изрешеченный пулями труп сохранил достоинство даже в смерти.

«Тройку у окна прикончили витоны, – решил Грэхем. Отогнав охвативший его поначалу ужас, он заставил себя как можно спокойнее взвесить ситуацию. – Остальные перестреляли друг друга».

Мгновенно забыв о совете скорее возвращаться назад, он подошел поближе к столу шефа, чтобы как следует рассмотреть позы трупов и их расположение. Восстановить ход событий не представляло труда. Очевидно, пара у дверей – они появились последними – открыла огонь по Лимингтону и его напарнику, но оказалась не слишком расторопной. Лимингтон с помощником сделали ответные выстрелы одновременно с вошедшими. И вот естественный результат: современные сегментные пули обладают явно большей убойной силой по сравнению со старыми, цельными.

Но вот в чем загвоздка: все трупы принадлежали бывшим сотрудникам Разведывательного управления! Все еще сжимая в руке пистолет, Грэхем обошел комнату, пытаясь найти разгадку. Лоб его избородили глубокие морщины.

«Похоже, витоны сначала прикончили тех троих у окна, а Лимингтона с напарником оставили невредимыми или, во всяком случае, живыми. – Он нахмурился

еще сильнее. – Двоих они оставили в живых. Но почему, черт возьми? Здесь что-то ужасно странное! – Осматривая трупы, он присел на край стола. – Потом пришли еще трое – может быть, их вызвал Лимингтон. Они поднялись в офис и, должно быть, почуяв неладное, прямо с порога начали пальбу. Все пятеро получили по пуле. Четверо вырубались сразу и на веки вечные. Пятый выполз в коридор и спустился вниз. – Он взвесил на руке пистолет. Вот только совершенно непонятно, почему началась пальба?»

Сжав зубы, он снял с пальцев убитых гладкие кольца с иридиевым покрытием и опустил их в карман. Что бы ни случилось, все эти люди были его коллегами-разведчиками, доверенными сотрудниками самой доверенной службы дядюшки Сэма.

В углу негромко прозвенел звонок. Подойдя к приемнику теленовостей, он открыл его и увидел на экране первый выпуск «Таймс». Демонстрация трудящихся требует немедленно открыть арсеналы ядерного оружия. Ситуация в Европе резко обострилась. Тридцать вражеских стратопланов сбиты над южным Канзасом во время самого жестокого воздушного боя за всю историю войны. Прицельным залпом с расстояния четыре тысячи миль взорван военный склад азиатов; разрушения на площади сто квадратных миль. «Дело за бактериологическим оружием», – заявил Корнон, Конгресс запретил культ обожествления витонов.

Газетная страница уползла с экрана, уступив место городским новостям. Грэхем прочитал их, и лицо его озарилось пониманием. Людьми овладевает безумие! По всему Нью-Йорку и в большинстве крупных западных городов людей похищают, уносят в небеса, потом возвращают на землю, но при этом их душевное состояние резко изменяется.

Заоблачная суперхирургия! Он крепче сжал пистолет. Сквозь туман, окружающий резню в офисе, стали проглядывать контуры ужасной истины. Да, удар прямо-таки мастерский! Он должен обеспечить решающую победу и одновременно произвести еще больше эмоционального меда силами ничего не ведающих новобранцев, мобилизованных прямо из рядов антивитонской коалиции!

Что говорил тот бедняга внизу? «В городе полно придурков!» Вот в чем дело! Трое у окна погибли, оказав сопротивление, или их просто прикончили как материал, непригодный для целей суперхирургии. Лимингтона с напарником схватили, прооперировали и вернули. Но вернулись они уже рабами своих грозных противников. Офис превратился в западню, коварно подстроенную для того, чтобы заманивать в нее разведчиков – основной стержень сопротивления – по одному, парами или целыми группами.

Но трое последних, которые пришли все вместе, каким-то образом почуяли опасность. С неколебимой преданностью долгу, столь характерной для их братии, они пристрелили Лимингтона вместе с напарником. Без всяких колебаний эти трое прикончили собственного шефа, предав его быстрой кровавой казни, ибо молниеносно поняли: это уже не шеф, а умственно исковерканное оружие врага.

Штаб-квартира оказалась западней, а может быть, она и сейчас – западня! Эта мысль пронзила мозг Грэхема и заставила его метнуться к окну. Выглянув наружу, он увидел, что редкие облака уплыли, обнаружив ясное голубое небо, залитое ярким светом утреннего солнца.

В этой лазурной чаше могут роиться сотни, тысячи витонов – одни стягиваются все

ближе, другие охраняют западню, готовясь нанести удар. Даже гениальная формула Бьернсена не может помочь человеку разглядеть сияние витонов на фоне обычной сияющей голубизны. Оба одинаково сверкают под лучами раннего солнца, становясь совершенно неразличимыми.

Сознание того, что его тревожный взгляд сопровождают столь же тревожные мысли, а психические вибрации могут привлечь ждущих у западни охотников, заставила Грэхема без лишних промедлений броситься к двери. Лучше убраться, пока не поздно! Он вскочил в лифт и ринулся вниз.

У входной двери маячили двое. Он разглядел их через прозрачные стенки шахты, когда диск, подскочив, как мячик, остановился на уровне земли.

Не выходя из шахты, он быстро прикинул: «Будь эти типы в норме, они проявили бы любопытство, обнаружив два трупа, лежащие у них на виду. Но они не проявили никакого интереса – значит, они не в норме. Значит, это витонские придурки!»

Диск еще не кончил подпрыгивать, а Грэхем уже послал лифт вниз, и высокая атлетическая фигура разведчика скрылась из глаз поджидающей его парочки. Они остолбенели от изумления, потом бросились к шахте. Оба были вооружены.

Диск остановился пятью уровнями ниже. Грэхем вышел из вертикальной трубы и пересек подземное помещение, где невидимые компрессоры как раз закончили выдох. Нырнул под главную лестницу и услышал наверху топот ног. Сжав в руке пистолет, он промчался по длинным пустым коридорам и добрался до выхода, находившегося в дальнем конце здания. Выбрался через стальной люк и с наслаждением вдохнул свежий воздух – приятное разнообразие после подвального, пахнущего гнилью и крысами. Обладателям колец было известно шесть таких выходов, о которых обычные люди не знали и даже не подозревали.

Дежурный сержант в полицейском участке подтолкнул к нему телефонный аппарат по гладкой поверхности стола, откусил полсосиски и, жуя, произнес:

– Это что, приятель! Часиков в шесть прикончили комиссара полиции Льютуэйта. Его шлепнул собственный телохранитель, – он откусил еще кусок. – До чего дошло – боссов убивают их же телохранители!

– Что-что? – переспросил Грэхем. Он сердито крутил телефонный диск. – Похоже, они ж тому же вырубili городскую телефонную сеть.

– И так всю ночь, – бубнил сержант сквозь свою жвачку. Наконец он проглотил, выпучил глаза, вернул на место свое адамово яблоко. – Дюжины, целые сотни! Уж мы их и лупили, и стреляли почем зря, и сжигали – а они все прут и прут! Некоторые из придурков – наши же парни, даже в форме. – Он воздел руку, демонстрируя несокрушимую полицейскую отвагу. – Скажем, Хэггерти докладывает о прибытии – так я настороже: а вдруг он уже не Хэггерти! Ведь никогда не знаешь, кто следующий спятит, пока не дойдет до дела!

– Да, сейчас нельзя доверять даже собственной матери. – Вдруг связь наладилась – Привет, Хетти! – крикнул Грэхем и криво усмехнулся, услышав ответное «Привет». – Мне Сангстера, срочно, – потребовал он.

Послышался низкий глуховатый голос Сангстера. Грэхем глубоко вздохнул, припоминая события получасовой давности, потом стал торопливо рассказывать о том, что произошло в офисе Разведывательного управления.

– Никак не могу дозвониться до Вашингтона, – пожаловался он под конец. –

Говорят, все линии вышли из строя и трансляционные станции тоже не в порядке. Так что я пока докладываю вам, поскольку никого другого поблизости нет.

– Ужасные новости, Грэхем, – мрачно сказал Сангстер. – Откуда вы звоните?

– Почему я знаю, черт побери?

– Но ведь вы наверняка знаете, где сейчас находитесь. – От удивления у Сангстера даже голос сорвался.

– Возможно; Зато вы не знаете и знать не будете.

– Вы что же, хотите сказать, что отказываетесь мне сообщить? Подозреваете – меня? Полагаете, что я тоже один из этих выродков? – Он помолчал. Грэхем старался уловить выражение его лица на маленьком видеоэкране телефона, но аппарат плохо работал, изображение то и дело пропадало, сменяясь беспорядочным мельканием светлых и темных пятен. – Наверное, мне не следует вас винить, – продолжал Сангстер. – Одни из предателей ведут себя как безмозглые бандиты, зато другие проявляют необычайную хитрость.

– Мне от вас нужно только одно – если это, конечно, в ваших силах – передать то, что я сообщил, в Вашингтон, – сказал Грэхем. – У меня слишком много хлопот, чтобы самому искать связь. Придется вам мне помочь.

– Постараюсь, – обещал Сангстер. – Что-нибудь еще?

– Да. Я бы хотел получить имена и адреса всех сотрудников разведки, находящихся в городе или в окрестностях. Не могли же все они угодить в западню. Некоторые из них порой неделями не выходят на связь. Наверняка кто-то еще бродит на свободе. Сведения, которые мне нужны, здесь знал только Лимингтон, но в Вашингтоне они тоже известны.

– Посмотрю, что тут можно сделать. – Сангстер помолчал, потом снова заговорил, немного громче: – Наше ведомство получило ответы на пару вопросов, которые недавно поставил Лимингтон.

– Что-нибудь новое? – встрепнулся Грэхем.

– Из Британии сообщают: осмотр лаборатории и записей Мак-Эндрюса показывает, что он вел интересные исследования в области изменения скорости частиц при тепловом воздействии. Видимо, он пытался решить загадку субатомной связующей силы. До своего исчезновения он не сумел добиться успеха, и англичане поставили на этом крест.

– Все проще простого! – заявил Грэхем. – Его распотрошили, а останки выбросили. Теперь он в какой-нибудь небесной помойке – бедный подопытный кролик!

– Я и сам не лишен воображения, поэтому не стоит так нагнетать, – укоризненно сказал Сангстер. – Зачем вы портите мне настроение – вовсе не обязательно смаковать эти ужасы.

– Прошу прощения!

– Мы обнаружили, что ни один из радиоловильщиков не перехватил разговор Падильи, – продолжал Сангстер. – Так что сведения, которые он сообщил Треливену, навеки останутся тайной. Из биографии Падильи не следует ничего, кроме того, что он проводил эксперименты в области радиотехники, снискавшие ему финансовый успех. Он сколотил приличную сумму на упрощенной частотной модуляции. Но погубило его что-то другое, а что – неизвестно. Никаких записей он не оставил.

– От этой зацепки я отказался уже пару дней назад.

– Вы так говорите, как будто нашли другую, причем лучшую. – В голосе Сангстера сквозил явный интерес. – Я угадал?

– Я эти зацепки нахожу почти каждое утро, – мрачно изрек Грэхем, – а ж вечеру они рассыпаются в прах. Просто я – сыщик-недотепа и с самого начала наломал дров! – Он поджал губы и вздохнул. – А что поделявают правительственные эксперты?

– Насколько мне известно, ничего. Две группы сидят в глуши, в тех местах, которые выбрал Лимингтон. Они уже убедились, что сама эта глухомань, которая должна служить защитой, стала помехой. Они что-то изобретают, разрабатывают, создают, а потом оказывается, что поблизости нет витонов, на которых можно было бы все испытать.

– Дьявол, это я не учел, – признался Грэхем.

– Вы тут ни при чем. Никто из нас об этом не подумал. – Сангстер помрачнел. – Если перевести лаборатории в людные места, витоны их быстро уничтожат. Вот в чем загвоздка. – Сангстер нетерпеливо щелкнул пальцами.

– Наверное, вы правы, сэр, – согласился Грэхем. – Я снова свяжусь с вами, как только у меня будет что-нибудь стоящее.

– Куда вы теперь? – последовал внезапный вопрос.

– Я туговат на ухо, – сообщил Грэхем. – Вот забавно – совсем ничего не слышу!

– Ну ладно, ладно. – Грэхем ощутил в тоне собеседника разочарование. – Вам лучше знать. Будьте осторожны! – Послышался громкий щелчок – Сангстер повесил трубку.

– Если есть сомнения, – туманно заметил дежурный сержант, – всегда подумай: кто на этом наживается.

Ну и кто же наживается теперь? – осведомился Грэхем.

– Похоронных дел мастера! – Поймав улыбку собеседника, сержант нахмурился. – Не так, что ли?

ГЛАВА 12

Надпись на бронзовой табличке гласила: «Американская корпорация по производству холодильников». Грэхему пришлось минут пять уламывать несговорчивого секретаря, пока тот наконец согласился допустить его к дубовой двери, на которой золотыми буквами сияло имя директора.

На двери значилось: «Турлоу»; обладатель сей фамилии напоминал живую мумию. Похоже, что этот Турлоу весь высох, ведя постоянную погоню за прибылью.

– Ничем не смогу вам помочь, – заявил Турлоу после того, как Грэхем объяснил цель своего прихода. – Голос его шелестел, как древний папирус. – Мы не смогли бы предоставить фургон-рефрижератор даже занзибарскому султану, предложи он нам за него столько драгоценностей, сколько весит машина. С начала войны наш завод выполняет только правительственные заказы, за это время мы не продали ни единого холодильника.

– Это ничего не значит, – возразил Грэхем, не вдаваясь в дискуссию. –

Рефрижератор нужен для университета, там его разберут по винтику. Дайте мне список ваших местных клиентов.

– Вот уж дудки! – Костлявой рукой Турлоу потер желтоватую плешь – Когда-нибудь ситуация изменится. Придет и мой час. Каким же идиотом я буду выглядеть, если список моих клиентов попадет к конкурентам!

– Вы что же – хотите меня оскорбить? – угрожающе начал Грэхем.

– Да никого я не оскорбляю, – махнул рукой Турлоу. – Откуда мне знать, тот ли вы, за кого себя выдаете? Это ваше колечко для меня ровным счетом ничего не значит. А что там написано, без микроскопа все равно не прочитать. Почему ваше начальство не снабдило вас микроскопом? – Он разразился похоронным хихиканьем: – Хе-хе-хе!

Едва сдерживаясь, Грэхем спросил:

– Ну, а если я принесу вам письменное подтверждение, тогда вы дадите мне список?

– Если то, что вы принесете, меня удовлетворит, – Турлоу перестал хихикать и хитро прищурился, – то дам. Только пусть оно будет убедительным. Ни одному ловкому конкуренту не удастся выманить у меня список только потому, что торговля сейчас дышит на ладан.

– Да вы не бойтесь, – Грэхем встал. – Все будет написано черным по белому, иначе полиция притянет меня в суд. – Задержавшись у двери, он задал еще один вопрос: – Вы давно изображаете медведя на торговой марке?

– С самого начала. Больше тридцати лет. – Турлоу просиял от гордости. – Для клиентов стоящий медведь ассоциируется с продукцией, которая не знает себе равных, с продукцией, которая, – хоть это только мои слова – везде ценится, как...

– Спасибо, – перебил его Грэхем, не дав закончить хвастливую тираду, и вышел.

Упрямец, с которым он сражался при входе, проводил его до дверей и спросил:

– Ну как, согласился?

– Нет.

– Я так и знал.

– Почему?

Секретарь слегка смутился.

– Не следовало бы вам говорить, но, если честно, у Турлоу зимой снега не выпросишь.

Внимательно взглянув на собеседника, Грэхем хлопнул его по плечу.

– Вам-то чего беспокоиться? Время работает на вас. Как только он сыграет в ящик, вы тут же сядете на его место.

– Если хоть один из нас до этого доживет, – мрачно изрек секретарь.

– А вот это – уже моя забота, – сказал Грэхем. – Привет!

В угловой аптеке оказалась телефонная будка. Перед тем, как в нее войти и повернуться спиной к залу, Грэхем сначала бдитительно ощупал взглядом четверых покупателей и троих продавцов.

Он подозревал всех. Предупреждающий голос в мозгу нашептывал: его разыскивают с беспощадной решимостью, неуловимый враг наконец сообразил, что источник сопротивления кроется не столько в кругу ученых, сколько в маленькой

группе королей сыска, где он – козырной король.

Витоны компенсировали свое неумение различать людей, которые все для них на одно лицо, как овцы в стаде. Они насильно завербовали других людей и заставили их выбирать из стада особо упрямых особей. Теперь витонам помогают орды прооперированных пособников, своеобразная пятая колонна – безмозглая, беспомощная, безнадежная, но от этого не менее грозная.

Раньше Грэхем был в безопасности, если не считать какого-нибудь бродячего витона, который время от времени докучал ему, читая мысли.

Теперь же ему угрожали витонские наемники – его собственные собратья. Этот новый метод, – натравить брата на брата – таил смертельную угрозу.

Набирая номер, он возблагодарил Бога за то, что в ослепленном мозгу Воля не возник ни его портрет, ни изображение его квартиры. Угасающий, сумбурно мечущийся рассудок лейтенанта беспомощно выдал сведения о штаб-квартире разведки, и тогда алчные хищники презрительно бросили его на берегу, спеша устроить кровавую резню.

У Грэхема никогда не повернется язык сказать крепышу-полицейскому, что он и только он навел врага на Лимингтона и остальных.

– Это Грэхем, – сказал он, услышав щелчок снимаемой трубки.

Послушайте, Грэхем, – донесся из трубки взволнованный голос Сангстера. – Сразу же после вашего недавнего звонка я связался с Вашингтоном. Нас соединили через любительские радиопередатчики. Похоже, радиолюбители – последняя надежная система связи, которая у нас осталась. Вас срочно требуют в Вашингтон. Так что поторапливайтесь.

– А зачем, сэр, – вы не в курсе?

– Нет. Я только знаю, что вам надлежит безотлагательно явиться к Кейтли. В Бэттери Пари вас ожидает захваченный стратоплан азиатов.

– Что за странная мысль воспользоваться азиатской машиной! Наши истребители не дадут нам пролететь и пяти минут!

– Боюсь, Грэхем, что вы неверно оцениваете истинное положение вещей. Все наши истребители прикованы к земле, исключение делается для случайных, причем очень рискованных вылетов. Угрожай им только азиаты, они бы уже давно очистили от них небо. Но ведь есть еще витоны, а это большая разница. Когда витон может в любой момент наброситься на пилота и вынудить его посадить самолет на вражеской территории – то мы просто не можем себе позволить терять людей и машины. В небе хозяйничают азиаты. И это может решить исход войны. Так что летите на азиатском трофее, так будет спокойнее.

– Я мигом обернусь. – Наблюдая через плексигласовую панель кабины за торговым залом, он приблизил губы к микрофону и торопливо продолжал: – Я звоню, чтобы попросить вас достать мне список местных клиентов Холодильной корпорации. Возможно, вам придется схлестнуться со сморщенным болваном по имени Турлоу. Чем круче вы с ним обойдетесь, тем лучше. Ему давно пора прижать хвост. Еще я попросил бы вас связаться с Гарриманом из Смитсоновского института. Пусть он обратится к кому-нибудь из уцелевших астрономов и выяснит, не смогут ли они найти хоть какую-то связь между витонами и Большой Медведицей.

– Большой Медведицей? – изумленно переспросил Сангстер.

– Да, есть тут у нас один медведь, который должен что-то означать. Одному Богу известно, что он значит, но мне позарез нужно это выяснить. Нюхом чую, что это безумно важно.

Медведь – важно? А вас не устроит какой-нибудь другой зверь? Обязательно нужен медведь?

– Только косолапый и никто другой, – подтвердил Грэхем. – Я почти уверен, что астрономический подход – совсем не то, что надо, но нельзя упустить даже самый слабый шанс.

Фургоны-рефрижераторы, сморщенные болваны, звезды, а в придачу еще и медведь! – пробормотал Сангстер. – Господи Иисусе! – Он помолчал немного, потом простонал: – Сдается мне, что они уже и до вас добрались, но я, так и быть, выполню вашу просьбу. – Он еще раз сказал: – Господи! – и повесил трубку.

Перелет до Вашингтона был быстрым и спокойным, но военный пилот вздохнул с облегчением, когда машина наконец коснулась колесами бетонной полосы.

Он выбрался из кабины и сказал Грэхему:

– Приятно все-таки приземлиться там, где собирался, а не там, куда тебя посадит какой-то голубой шарик.

Грэхем кивнул ему и сел в поджидавший автомобиль, который сразу же стремительно сорвался с места. Десять минут спустя он яростно проклинал бюрократический обычай – сэкономить две минуты, чтобы потом потерять десять. Он беспокойно расхаживал взад-вперед по приемной. Глядя, как здесь, в Вашингтоне, людей заставляют умирать от безделья, можно подумать, что никакой войны и в помине нет.

Вот, к примеру, эта парочка ученых мужей. Одному небу известно, кого они тут ждут. Они уже были в приемной, когда он появился, и вели себя так, как будто надеялись просидеть здесь до скончания веков.

Грэхем раздраженно оглядел их с ног до головы Болтуны! Все болтают и болтают, можно подумать, повсеместная разруха и гибель миллионов людей – сущие пустяки по сравнению с другими, куда более важными проблемами.

Они схватились по поводу формулы Бьернсена. Коротышка утверждал, что изменение зрения вызвано молекулами метиленовой синьки, которые йод, галоген, действующий как агент-носитель, переносит в зрительный пигмент.

Толстяк придерживался другого мнения. Главную роль играет йод. А метиленовая синька – лишь катализатор, вызывающий фиксацию очистителя, который без него легко разлагается. Он соглашался, что мескаль служит только для стимуляции зрительных нервов, настраивая их на новое зрение, но истинная причина – безусловно, йод. Взгляните, например, на Уэббовых шизофреников. С йодом у них все в порядке, а вот метиленовой синьки – нет. Они – мутанты, обладающие естественной фиксацией, не требующей никакого катализатора.

Блаженно игнорируя другие, куда более неотложные проблемы, коротышка снова заладил свое, рискуя довести Грэхема до белого каления. Сыщик как раз задавал себе вопрос, какая собственно разница, как действует формула Бьернсена, если она и так действует, когда услышал, что его вызывают.

В кабинете, куда его проводили, сидели трое. Он узнал их всех: Толлертон, местный эксперт, Уиллетс С. Кейтли, глава Разведывательного управления, и,

наконец, сероглазый мужчина с решительным подбородком, присутствие которого его сразу насторожило, – сам президент!

– Мистер Грэхем, – президент приступил прямо к делу, – сегодня утром прибыл курьер из Европы. Это пятый из тех, кого они к нам отправили в течение сорока восьми часов. Четверо его предшественников погибли в пути. Он принес дурные вести.

– Слушаю, сэр, – почтительно произнес Грэхем.

– На Лувэн в Бельгии упала ракета. Она несла ядерную боеголовку. Европа ответила десятью. Азиаты выпустили еще двенадцать. Сегодня утром первая ядерная ракета в западном полушарии попала на территорию нашей страны. Новость, конечно, не стали распространять, но нам придется нанести мощный ответный удар. Короче говоря, то, чего мы так боялись, свершилось – началась атомная война. – Заложив руки за спину, президент мерял шагами ковер. – Несмотря ни на что, дух нации по-прежнему силен. Народ нам доверяет. Он верит, что победа в конце концов будет за нами.

– Я тоже в этом уверен, сэр, – сказал Грэхем.

– Хотел бы и я быть так же уверен! – президент остановился и пристально посмотрел на него. – Сложившаяся ситуация – не просто война, в привычном смысле этого слова. Будь это обыкновенная война, мы бы ее непременно выиграла. Перед нами нечто иное – самоубийство человечества как вида! Человек, который бросается в реку, не выигрывает ничего, кроме вечного покоя. Ни одна сторона не может выиграть такую битву – разве что витоны. Человечество в целом обречено на поражение. Мы как нация тоже обречены на поражение, ибо мы – часть человечества. Наиболее трезвые головы с обеих сторон поняли это с самого начала, вот почему ядерное оружие придерживали до последней возможности. И вот теперь – Господи, спаси нас – ядерный меч занесен. И ни одна сторона не рискнет первой вложить его в ножны.

– Понимаю, сэр.

– Будь это все, и то было бы скверно, – продолжал президент, – только это далеко не все. – Он повернулся к карте и указал на жирную черную линию, которую прерывала стрелка, пронзившая большую часть Небраски. – Население ни о чем не подозревает. Здесь показана территория, подвергшаяся вооруженному вторжению врага за последние два дня. Неизвестно, сможем ли мы сдержать наступление азиатов.

– Да, сэр, – Грэхем без всякого выражения смотрел на карту.

– Мы не можем идти на новые жертвы. Мы не можем одолеть более сильный натиск. – Президент подошел ближе, его суровый взгляд был устремлен прямо на Грэхема. – Курьер сообщил, что положение дел в Европе уже достигло критической точки: они смогут продержаться не дольше, чем до понедельника, до шести часов вечера. В оставшееся время судьба человечества зависит от нас. Потом Европа падет или будет уничтожена. Итак, шесть часов и ни минутой позже.

– Понятно, сэр, – разведчик заметил, что Толлертон так и сверлит его взглядом. Кейтли тоже пристально наблюдал за ним.

– Честно говоря, это значит, что ни для кого из нас не остается выхода – разве что нанести сокрушительный удар по главной причине трагедии – по самим витонам. Либо победа, либо те из нас, кто уцелеет, перейдут на положение домашнего скота. Для того чтобы найти путь к спасению, у нас остается семьдесят часов. – Президент

был серьезен, чрезвычайно серьезен. – Мистер Грэхем, я не жду, что вы найдете для нас этот путь. Я ни от кого не жду чудес. Но, зная ваш послужной список, зная, что вы с самого начала лично участвовали во всех событиях, я решил сам сообщить вам обо всем и заверить: любое внесенное вами предложение будет немедленно поддержано всеми доступными нам средствами, любые полномочия, которые вам потребуются, будут предоставлены по первому слову.

– Президент считает, – вступил в разговор Кейтли, – что если один человек может чего-то добиться, то этот человек – вы. Вы стояли у самых истоков, прошли через все стадии, и вы – самый подходящий человек, чтобы довести дело до конца – если, конечно, конец предвидится.

– Где вы прячете экспертов? – в упор спросил Грэхем.

– Одна группа из двадцати человек – во Флориде, а другая, из двадцати восьми, – в джунглях Пуэрто-Рико, – ответил Кейтли.

– Отдайте их мне! – в глазах Грэхема уже горел боевой огонек. – Верните их и отдайте мне.

– Вы их получите, – пообещал президент. – Что-нибудь еще, мистер Грэхем?

– Мне нужны абсолютные полномочия, дающие право реквизировать любые лаборатории, заводы и линии связи, которые могут понадобиться. Дальше: моим приказам на материалы должна даваться зеленая улица.

– Решено, – президент не колебался ни секунды.

– Еще одна просьба, – обратился он к Кейтли и пояснил: – Мне нужен Воль. Его обязанность будет заключаться в наблюдении за мной. Он наблюдает за мной, а я – за ним. Если один из нас превратится в оружие виетнамцев, другой немедленно уберет его.

– Это тоже решено, – Кейтли передал Грэхему листок бумаги. – Сангстер сказал, что вам нужны адреса нью-йоркских коллег – оперативников. В списке их десять: шесть живут в городе, четверо – в окрестностях. Двое из городских уже давно не дают о себе знать, так что судьба их неизвестна.

– Попытаюсь выяснить, – Грэхем спрятал листок в карман.

– Помните: у нас осталось восемьдесят часов, – сказал президент. – Восемьдесят часов, а потом – свобода для живых или рабство для уцелевших – Он отеческим жестом коснулся плеча Грэхема. – Максимально используйте все средства, которые мы вам предоставим, и да поможет вам Бог!

– Восемьдесят часов! – бормотал Грэхем, спеша на стратоплан, который должен был доставить его обратно в Нью-Йорк.

По обе стороны гор, разделяющих Новый Свет, сражались стомиллионные армии. Каждый час, каждую минуту тысячи людей гибли, тысячи становились калеками. А над их головами парили сверкающие шары, с наслаждением поглощая шампанское человеческой агонии.

Сатанинский банкет близился к концу. Вот-вот внесут последнее блюдо – атомный десерт в критической массе, поданный обагренными кровью руками. И тогда, насытившись людскими страданиями, обжоры смогут передохнуть в ожидании следующих пиршеств, привычных, старых как мир попоек, сопровождающих у людей времена свадеб и похорон. Итак – восемьдесят часов!

Грэхем с такой скоростью влетел в свою нью-йоркскую квартиру, что, только оказавшись на середине комнаты, увидел дремлющего в кресле человека. Лампа под

потолком не горела, но вся комната была наполнена сиянием, шедшим от электрического радиатора. Обладателям нового зрения уже давно стала привычной способность видеть при тепловом излучении так же ясно, как при дневном свете.

Это ты, Арт! – радостно воскликнул Грэхем. – А я уж хотел позвонить в Стэмфорд, попросить, чтобы тебя поскорее вытурили. Ты мне нужен позарез.

– Я сам себя вытурил, – лаконично ответил Воль – У меня эта больница – уже вот где! К тому же одна дежурная сестра – тощая и приставучая – не давала мне прохода. Звала меня ВоллиПолли и куда-то уволокла мои брюки. Брр! – Он передернулся при одном воспоминании о ней. – Когда я потребовал свою одежду, они стали мяться, как будто загнали ее старьевщику. Ну я и рванул прямо так.

– Что – нагишом?

– Скажешь тоже! – Воль был явно шокирован. – Он пнул узелок, лежавший на полу. – Вот в этом. Волна преступности достигла апогея – даже полицейские таскают больничные одеяла. – Он поднялся и, разведя руки в стороны, стал медленно поворачиваться, подражая манекенщицам. – Как тебе костюмчик?

– Ба, да это же мой!

– Точно. Я обнаружил его у тебя в шкафу. Слегка висит под мышками и обтягивает задницу, но в целом сойдет.

– Ну и фигура же у тебя! Сверху мало, снизу много, – заметил Грэхем. Тут его улыбка погасла и он посерьезнел. – Послушай, Арт, – сказал он, усаживая приятеля обратно в кресло. – Время дорого. Я только что из Вашингтона. То, что я там услышал, придало мне такое ускорение – только успевай поворачиваться. Дело куда хуже, чем я предполагал. – Грэхем кратко пересказал события, произошедшие с тех пор, жак он оставил Воля в Стэмфордской больнице. – Я попросил Кейтли – так что вот, получай. – Он вручил другу гладкое, покрытое иридием кольцо. – Нравится тебе это или нет, только ты уволен из полиции и принят в разведку. Теперь ты мой напарник.

– Значит, так тому и быть. – Несмотря на показную бравладу, Воль не сумел скрыть свою радость. – И как это, черт возьми, начальство умудряется всегда угадать размер кольца?

– Забудь о размере, – у нас есть загадки поважнее! – Он дал Волю объявление, которое вырвал из газеты «Сан», найденной у Фармилоу. – Нужно срочно разворачивать действия. Времени у нас до понедельника. К шести вечера будет ясно: победа или похороны. Мы можем лечь костями, но до этого рокового срока выход должен быть найден. – Он показал на газетную вырезку – Вот, Фармилоу нацарапал перед смертью. Это наш единственный ключ.

– А ты уверен, что это ключ?

Черта с два! Разве можно в этой переменчивой жизни быть хоть в чем-то уверенным? Но я нюхом чую, что он должен навести нас на что-то важное, из-за чего Фармилоу и погиб!

Воль долго и пристально рассматривал медведя, с глупым видом позирующего на фоне айсберга, потом спросил:

– Вы уже разобрали рефрижератор на части?

– Сангстер засунул его в университет, там его распатронили до последнего винтика, гаечки, пружинки. Осталось разве что слизать эмаль с обшивки.

– И что – никаких результатов?

– Ни малейших. Холод может убивать витонов, замедляя их колебания, только как мы собираемся это осуществить? Ведь лучей чистого холода не бывает, и нет никакой надежды их изобрести – с теоретической точки зрения это чистый абсурд. – Грэхем озабоченно посмотрел на часы. – Тебе эта загогулина ничего не говорит?

– Бр-р-р! – поежившись, ответил Воль.

– Не валяй дурака, Арт! Сейчас не время для шуточек.

Я все время мерзну, – извиняющимся тоном произнес Воль. – Он мрачно уставился на хвастливую рекламу. – Не нравится мне самодовольная ухмылка этой зверюги. Знает, что мы увязли, – и хоть бы хны! – Он вернул вырезку Грэхему. – Она говорит мне только то, что я знал уже давно: у тебя удивительная способность откапывать самые заковыристые зацепки!

– Зачем ты мне об этом напоминаешь? – раздраженно буркнул Грэхем. – Медведь! – он злобно ткнул пальцем в вырезку. – Ведь есть же в нем что-то такое, что должно быть ключом. Или даже отмычкой к нашей загадке. Может, в нем наше спасение, если бы только мы сумели правильно взглянуть на дело. А ведь всего-то – здоровый, корыстный, самодовольный, а возможно, и блохастый медведь!

– Вот именно, – подхватил Воль, за неимением лучшей идеи, – неуклюжий, кривобокий, вонючий медведь! Паршивый полярный мишка!

– Если бы я только догнал тогда Фармилоу или встретил его по пути.. – Грэхем замолчал, не закончив фразы. Вид у него был совершенно огорошенный. Осипшим от изумления голосом он произнес: – Слушай, а ведь ты назвал его полярным медведем!

– Ну да! А что, разве я ослеп – и это жираф?

– Полярный медведь! – взревел Грэхем с такой неожиданной силой, что Воль подскочил в кресле. – Поляризация! Вот оно – поляризация! – Он энергично завертел пальцем в воздуха – Кремы или эллиптическая поллризация. Дьявол, где же были мои глаза раньше? Ведь это видно даже младенцу. Какой же я беспросветный тупица!

Что-что? – разинув рот, вымолвил Воль.

Поляризация! Миллион долларов против плюшки! – возопил Грэхем. Лицо его побагровело от возбуждения. Правда, обычному взгляду оно показалось бы просто красным. Схватив две шляпы, он нахлобучил одну из них на голову ошеломленному Волю, так что она залихватски сползла на одно ухо. – Пошли! Нужно спешить со всех ног! Мы должны оповестить мир, пока еще не слишком поздно! Вперед!

Друзья выскочили из двери, даже не позаботившись закрыть ее за собой. С топотом мчась по улице, они не забывали бдительно следить за небом. Голубые точки поблескивали в вышине, но ниже не спускались.

– Сюда! – выдохнул Грэхем. – Он нырнул в бетонную горловину, уходящую вниз, к новому подземному городу. Сверхскоростные эскалаторы доставили их на первый уровень. Там они сели в лифт и спустились на четыреста футов.

Тяжело дыша, друзья соскочили с пневматических дисков и оказались на перекрестке шести недавно проложенных тоннелей Из двух свежих нор еще доносился приглушенный грохот и резкий грызущий скрежет механических мамонтов, упорно гложущих грунт.

В этом подземном царстве, возникшем всего несколько недель назад, уже появились пожарные гидранты, телефонные будки, телеэкраны и даже маленький табачный киоск. Вокруг сновали инженеры, мастера, геодезисты, рабочие,

навьюченные инструментами, материалами, переносными лампами. Время от времени из одного тоннеля в другой проскакивала тяжело нагруженная электрическая вагонетка. Рабочие устанавливали на шахтах лифтов и выходных отверстиях кондиционеров зловещие датчики радиоактивных газов.

– Витоны сюда редко пробираются, – заметил Грэхем. – Можно звонить без особых опасений. Ты, Арт, залезай в соседнюю будку и звони во все научные институты, базы, всем ученым, чьи телефоны найдешь в справочнике. Скажи им, что загадка, возможно, заключается в одном из видов поляризации, скорее всего, эллиптической. Не вступай с ними ни в какие дискуссии. Просто скажи, чтобы сообщили об этом всем, кому сочтут нужным, и сразу вешай трубку.

– Ладно, – Воль вошеп в будку.

– Ты меня долго ждал?

– Минут пятнадцать – Взяв справочник, Воль открыл его на первой странице. – Я как раз закончил одеваться, когда ты влетел, будто за тобой черти жались.

Заняв соседнюю будку, Грэхем набрал номер. Видеоэкран, как всегда, барахлил, но он узнал голос на другом конце провода.

– Гарриман, попробуйте поляризацию, – торопливо сказал он. – Возможно, эллиптическую. Если хотите остаться в живых, распространите новость как можно скорее. – Он повесил трубку, не дав Гарриману сказать ни слова.

Грэхем сделал еще семь звонков, также лаконично повторив распоряжение. Потом позвонил в Стэмфордскую больницу и выяснил, когда ушел Воль. Услышав ответ, он облегченно вздохнул. Бывшего полицейского не смогли бы изловить и обработать – не хватило бы времени.

Не то чтобы он всерьез подозревал, что приятель – агент витонов: ведь Воль с готовностью согласился передать как раз ту информацию, которую враг отчаянно стремился скрыть. Но он не мог выбросить из головы зловещие слова Сангстера о том, что «другие проявляют необычайную хитрость». К тому же его донимало неотвязное, иногда пугающее чувство, что на него ведется большая охота. Он ощущал: враг о нем знает и старается выловить.

Поежившись, он снова набрал номер, торопливо отбарабанил свою новость и услышал в ответ:

– Ваш дружок Воль как раз звонит нам по параллельной линии, у него те же сведения.

– Какая разница – главное, что вы узнали, – перебил Грэхем. – Передайте скорее всем, кому сможете.

Через час он вышел из своей будки и открыл дверь в будку Воля.

– Кончай, Арт. Думаю, информация разошлась уже так далеко, что ее не остановишь.

– Я дошел до буквы П, – вздохнул Воль. – Следующий – какой-то тип по фамилии Пенни. – Последовал еще более глубокий вздох сожаления. – Я как раз собирался его спросить, как у него с деньжатами.

– Брось ты свои шуточки. – На лице Грэхема появилось озабоченное выражение: он заметил огромные часы, висящие над телефонными будками. – Время летит стрелой. А мне еще нужно встретиться с...

Его слова прервал отдаленный грохот. Земля содрогнулась и забилась в частых мучительных конвульсиях. В подземелье ворвался мощный поток теплого пахучего воздуха. Что-то валилось вниз по прозрачным лифтовым шахтам и с треском падало на дно. С потолка летела мелкая пыль. Где-то вдали слышались крики.

Шум все усиливался, приближался. Из тоннелей повалили вопящие люди. Мгновение – и шумная жестикулирующая толпа плотно забила подземный перекресток. А гигантский барабанщик все сотрясал поверхность земли, так что вниз струились потоки пыли. Вдруг грохот прекратился. Толпа, чертыхаясь, толклась, на месте.

Кто-то пробился через толчею, вошел в телефонную будку и через минуту вышел. Ему удалось перекричать всю ораву и мощью своей глотки заставить слушать себя. Его зычный голос отражался от стен, унылыми завываниями отдавался в тоннелях.

– Выход завален! Но телефонный кабель цел – с поверхности сообщают, что десять тысяч тонн грунта забили шахту. Это дело рук придурков! – Толпа заворчала, над ней взметнулись сжатые кулаки. Люди, озираясь, уже искали веревку и парочку жертв. – Спокойно, ребята! – гаркнул оратор. – Полиция не подкачала. Их пристрелили, не дали уйти. – Властным взглядом он обвел невеселые лица. – Возвращайтесь в четвертую шахту – там перемычка самая тонкая.

Переговариваясь между собой, хмурые работяги побрели в тоннель. Не успел последний из них исчезнуть под мрачными сводами, как далекие удары и грохот возобновились с удвоенной энергией. Зубья из бериллиевой стали снова вонзились в грунт.

Поймав оратора, собиравшегося последовать за остальными, Грэхем представился и спросил:

– Сколько потребуется времени?

– Быстрее всего пробиться через четвертый тоннель, – ответил собеседник. – Между нами и теми, кто спешит нам навстречу, футов девяносто твердой породы. Думаю, мы соединимся часа через три.

– Три часа, – простонал Грэхем, снова бросив взгляд на циферблат.

Десять часов из драгоценных восьмидесяти уже пролетели, не дав никакого результата, кроме многообещающей догадки, которую нужно проверить экспериментально. Еще три уйдут на ожидание – ожидание избавления из подземной западни, где по крайней мере безопаснее, чем на таящей погибель поверхности. И снова удар вилонов был хорошо рассчитан или черт снова сыграл на руку своим собратьям!

Они получили слабое утешение, узнав, что шахта выходит на Западную Четырнадцатую улицу, поскольку Грэхем назначил встречу с правительственными экспертами в подземной части Мартин Билдинг.

Шестьдесят четыре человека нетерпеливо ожидали его в глубоком убежище как раз под тем местом, где изувеченный труп профессора Мейо положил начало всей цепи ужасных событий. «Знаменательно, – подумалось Грэхему, – что последнее собрание, призванное решить судьбу человечества, отмечено знаком недавней трагедии».

– Вам уже подкинули идею насчет – поляризации? – спросил он. Собравшиеся закивали. Один из них встал, намереваясь высказать свои соображения, но Грэхем знаком попросил его сесть – Пока никаких дискуссий, господа!

Испытуяюще оглядев каждого в отдельности, он продолжал:

– Несмотря на подавляющее превосходство противника, нам уже дважды удалось его провести. Один раз, когда мы впервые разнесли по всему миру весть о существовании врага, а второй – с догадкой Фармилоу о поляризации. Мы дважды обошли витонов, несмотря на их безграничные возможности. И оба раза мы выиграли благодаря тому, что воспользовались главной слабостью врага – тем, что витоны не могут поспеть везде сразу. Сейчас мы собираемся снова использовать ту же самую тактику.

– Как? – спросил кто-то.

– Все подробности вам знать ни к чему. А вдруг среди вас есть люди, которым доверять нельзя?

Его жесткое худошавое лицо было по-прежнему сурово, он еще раз внимательно обвел глазами собравшихся. Слушатели беспокойно заерзали, искоса подозрительно поглядывая на соседей. На всех лицах была написана мысль: кого же из людей можно считать человеком, если ни одному нельзя верить, как брату? Грэхем тем временем продолжал:

– Вас разделят на восемь групп по восемь человек в каждой. Всех отправят в разные места, так что ни одна команда не будет знать о местонахождении семи остальных. Ведь тот, кто не знает, не выдаст!

Народ снова заерзал, в головах зашевелились новые подозрения. Воль, стоящий рядом с Грэхемом, ухмыльнулся. Ситуация его забавляла. Ведь если в эту компанию известных умников затесалась дюжина невольных пособников витонов, немногочисленных, но чрезвычайно ловких шпионов в стане людей, то неизвестно, кто они, и нет никакого способа их опознать. Вполне возможно, что каждый из собравшихся сидит между двух ужасных оборотней.

– Я отбираю группу из восьми человек, инструктирую их отдельно и отправляю в путь, после чего перехожу к следующей команде, – объявил Грэхем. Он вызвал Кеннеди Вейтча, ведущего специалиста по физике излучения. – Мистер Вейтч, вы будете руководить первой группой. Прошу выбрать семерых помощников.

После того, как Вейтч отобрал себе сотрудников, Грэхем провел группу в соседнюю комнату и торопливо сказал:

– Вы отправляетесь на завод Акме, в Филадельфию. Прибыв на место, вы должны будете не просто проводить эксперименты, направленные на уничтожение нескольких витонов. Ведь в этом случае – даже если результат окажется успешным – вас тут же прикончат другие шары, обретающиеся поблизости, а нам останется только гадать, почему, черт возьми, вы погибли. Нам уже надоело ломать голову над тем, почему гибнут люди!

– Не вижу способа предотвратить немедленную расправу, – заметил Вейтч, несмотря на бледность, вид у него был боевой.

– Пока такого способа нет, – Грэхем говорил напрямик, не боясь показаться жестоким. – И вас, и ваших людей запросто могут прикончить, но мы должны точно знать, что вы делали как раз перед тем, как вас прикончили!

Вейтч судорожно вздохнул. Сотрудники испуганно сгрудились вокруг него, охваченные тем странным молчанием, которое нисходит на людей в роковые минуты.

– По всей лаборатории будут установлены микрофоны, подключенные к городской

телефонной сети. Кроме того, вас присоединят к полицейской телетайпной системе и дадут своего оператора. Армейские связисты выделяют двоих парней с переносными рациями. Еще у вас будут камеры с высокой разрешающей способностью, связанные с нашими телеприемниками. В соседних зданиях засядут наблюдатели и будут неотрывно следить за вашей лабораторией.

– Понятно, – медленно и неуверенно проговорил Вейтч.

– Перед тем, как предпринять любой шаг, каждый из вас обязан дать его подробное описание по всем доступным каналам – через микрофоны, по телетайпу, по радио. Потом перед камерой выполните задуманное. Наблюдатели проследят за результатом. Если с вами что-то случится, мы будем точно знать, почему.

Вейтч ничего не сказал, и Грэхем продолжал дальше:

– Если вам удастся прихлопнуть хотя бы одного витона, множество людей, раскиданных по большой территории, будет иметь полные и точные сведения обо всех технических подробностях вашего успеха. Нам будет известно, какое оборудование потребуется, чтобы нанести повторный удар, и мы произведем его в таких количествах, что ничто – будь то на небе, на земле или в преисподней – не сможет нас остановить. – Он обвел ученых пристальным взглядом. – А теперь – в путь, и желаю удачи!

Потом обернулся к Волю:

– Скажи Лори, чтобы подобрал себе семерку, и приведи их сюда.

– Что-то мне не понравился коротышка, тот, что выглядывал из-за плеча Вейтча, – заметил Воль, задержавшись в дверях. – Был у него в глазах какой-то бандюжий бзик.

– Это еще что такое?

– Настороженный, звериный взгляд. Разве ты не заметил? Пойди, загляни в полицейскую картотеку – найдешь не одну дюжину с таким бзиком. Обычно это убийцы-психопаты или наркоманы. – Воль выжидающе взглянул на приятеля. – Он встречается не у всех, но все же у большинства. Зависит от психического состояния в момент съемки.

– Да, – задумчиво согласился Грэхем. – Теперь припоминаю. Встречал в описаниях некоторых гангстеров прошлых времен: Диллинджера, Нельсона, братьев Бэрроу, Луи Лепа и других. Кто знает, не были ли они жалкими орудиями невидимых выпивох, живыми взбивалками для коктейля, которыми пользовались, чтобы попышнее взбить пену эмоций, когда вокруг бывало маловато новобрачных.

– Вот черт! – воскликнул Воль. – Ты что же, считаешь, что каждая свадьба становится для кого-то фонтаном шампанского?

– Да нет, конечно же, не каждая. Но некоторые – несомненно!

– Иметь мозги вроде твоих – все равно, что гореть в аду. И как ты только не повесишься?

– Все мы горим в аду, и тебе прекрасно известно, сколько людей сломалось, обнаружив это. – Он нетерпеливо махнул рукой. – Вейтч еще не ушел. Пойди догони его, Арт, и растолкуй, что к чему. – Он направился к двери. – Я сам позову Лори.

Лицо его все еще сохраняло серьезное, озабоченное выражение, когда он отобрал следующую группу экспертов и проводил их в комнату.

ГЛАВА 13

Лаборатория Фарадеевской электротехнической компании по праву считалась самой крупной на всем американском континенте. Судя по ее размерам, можно было предположить, что в ней строят воздушные суда, а не разрабатывают новейшие кинескопы, трубки и стереозираны.

Один конец огромного, похожего на ангар цеха занимала батарея гигантских дизель-генераторов. Рядом высились мощные трансформаторы. Главный щит управления вполне мог бы послужить распределительной станцией для большого города.

Вдоль одной из стен выстроились в ряд высокие сложные трубки всех мыслимых типов – одни наполовину законченные, другие готовые, но еще не прошедшие испытаний. К противоположной стене были прислонены причудливые сооружения из стержней, брусьев и кольцевых обмоток – экспериментальные образцы ультракоротковолновых антенн.

В цехе не было сборочных линий – здесь находилась площадка для творческих забав самых смелых изобретателей компании. На столах размерами с комнату громоздились в беспорядке целые горы камер, фоточувствительных элементов, наполовину собранных стереозэкранов, радиодеталей, спутанных мотков проволоки и схематических диаграмм, испещренных закорючками.

Компания могла не скупясь вложить миллион долларов в самые фантастические проекты. А кто сумел уже после начала войны продвинуть на рынок роскошный шестицветный стереоскопический телевизор? Компания Фарадея!

Задумчиво окинув взглядом груды деталей, отданную в распоряжение его маленькой команды, Дункан Лори сказал Грэхему:

– Плоскую поляризацию тоже не следует сбрасывать со счета. Нужно попробовать и ее, на тот случай, если Фармилоу слегка ошибся.

Это уже учли, – заверил его Грэхем. – Мы стремимся не упустить ни единого шанса, каким бы маловероятным он ни казался. Одну из групп мы отправили на запад, чтобы они проверили сообщение, будто витоны уворачиваются от радуг, как люди, перепраыющиеся через речные пороги.

– Ну и ну! – воскликнул Лори.

– Вся работа должным образом согласована. Ваша задача – сосредоточить все усилия на гиперболической поляризации.

– О'кей. – Лори задумчиво потербил мочку уха. – Похоже, что витоны отражают волны в диапазоне от трех миллионов ангстремов до четырех-пяти. Чертовски трудно подвергнуть их спектроскопическому анализу никак не удастся держать на прицеле так долго, чтобы получить какой-то результат. Очевидно одно – они состоят из энергии в компактной и уравновешенной форме и вдобавок лишены инерции.

– А рыбы тоже лишены инерции? – поинтересовался Грэхем.

– Рыбы? – Лори был в полном недоумении.

Грэхем указал на залитый солнцем небосвод.

Пора нам забыть все привычные догмы и взглянуть на вещи под новым углом. Там, наверху, – воздушный океан, который витоны ощущают, быть может, гораздо острее

нас. Он полон голубых сверкающих рыб, плавающих в своей естественной среде обитания, плавающих благодаря неким движителям, которых мы, существа, обреченные ползать по дну, лишены.

– Но ведь энергия...

– Обычный свет – тоже разновидность энергии, обладающая весом, – продолжал Грэхем. Произнося эти слова, он слышал стрекот полицейского телетайпа. – Я полагаю, что витоны, которые состоят из первичных сил – волн или чего-то подобного, – обладают какой-то субстанцией, хотя и не являются материей в привычном понимании этого слова. Перед нами четвертое, доселе неизвестное состояние материи – некая сила. Они обладают весом, пусть ничтожным с нашей точки зрения. Они обладают инерцией и вынуждены прикладывать энергию, чтобы ее преодолеть. Вот почему они сосут нас, как леденцы, – ведь им нужно обновлять свои клочки. – Он улыбнулся Лори. – Только имейте в виду, что это мое личное мнение.

Возможно, вы и правы, – признал Лори, бросив на небосвод взгляд, в котором читалось отвращение.

– Сведения, которые мы собрали с тех пор, как обнаружили отпугивающий эффект кабинетов коротковолновой терапии, показывают, что витоны чувствительны к диапазону радиоволн в пределах от двух сантиметров до полутора метров. Они не гибнут. Только удирают, как ужаленные.

Предполагаю, что эти импульсы замедляют вращение их поверхностных электронов, – заметил Лори – Но внутрь не проникают.

– То-то и оно! А мы должны добиться, чтобы они проникали, причем не когда-нибудь после дождика в четверг, а всего через несколько часов! Ведь мы уже рубанули их так, что щепки полетели нам прямо в глаза. Если повезет, то, взяв на вооружение поляризацию, мы вгрыземся в их ненасытную утробу. Или победа – или уже можно учиться мычать: ведь в случае неудачи мы снова станем тем, чем были всегда – жалким стадом коров! – Он в упор взглянул на Лори. – У вас пятьдесят часов. Начинайте с двух сантиметров – и вперед!

– Будет сделано! – выпалил Лори. Он отдал своим помощникам отрывистые распоряжения, и маленькая группка, которая в этом огромном помещении выглядела еще меньше, лихорадочно взялась за дело.

Как только Лори формулировал очередной шаг, оператор телетайпа немедленно отстукивал сообщение. При этом бесшумные и в то же время сверхчувствительные микрофоны улавливали его голос и разносили на разные расстояния в дюжине направлений. Телекамеры, установленные на стальных фермах, поддерживающих крышу, снимали происходящее сверху.

Грэхем вместе с Водем поспешили к выходу, но выйти не успели: начался кошмар, который камеры бесстрастно записали и передали, и он молнией ворвался на экраны далеких телеприемников.

Свет погас везде одновременно; из электроцита посыпался дождь раскаленных, пахнущих медью искр. И сразу же в отверстии бункера, зиявшем на северной стене цеха, засветился отблеск хищной голубизны. По стенам заметались голубые блики – их отбрасывал приближающийся витон, отражаясь в полированном металле нагроможденных повсюду приборов. Наконец призрак вплыл в помещение и соскользнул вниз.

Прямо на его пути застыло искаженное страхом человеческое лицо, пятнистое от неверного освещения – ну не лицо, а котлета, ждущая, чтобы ее съели! С губ срывалось истерическое кудахтанье, перешедшее в тяжелый лошадиный вздох.

Ноги жертвы беспомощно волочились по полу вслед за сверкающим дьяволом, задевали за ножки столов. Пылающий шар подпрыгивал то вверх, то вниз, таща за собой обмякшее тело. Потом сделал несколько сильных рывков, как будто выдаивая из тугого вымени энергетическое молоко. С ближнего стола упало стекло; по полу запрыгали осколки, повторяя зловещие движения подскакивающего шара.

Раздался треск выстрелов; из дальнего угла лаборатории вырвались вспышки пламени. На сверкающей поверхности прищельца появились багровые блики. Огонь продолжался, сопровождаясь резким оглушительным грохотом крупнокалиберного оружия.

Витон бросил свою ношу, и она упала, как мешок тряпья. Сделав молниеносный выпад, шар хищно рванулся в угол, прямо навстречу выстрелам. Испуганный голос выкрикнул ругательство, поперхнулся и умолк. Алчно подрагивая, витон заплясал у стены.

Его исчезновение было столь стремительно, что свидетели не успели опомниться. Рывок к бункеру, голубое свечение в его открытом люке – и гость уже в небесах. Ни дать ни взять, гуляка, спешащий домой с пирушки.

В темноте, которую едва рассеивал скудный свет, пробивающийся через люк бункера, слышался топот ног, громкие жалобные крики. Невидимая рука поспешно захлопнула люк, от чего темнота стала совсем непроглядной. Грэхем распахнул дверь, впуская в помещение дневной свет.

В дальнем углу кто-то, тщетно пытаясь унять дрожь в руках, возился при свете фонарика с электрощитом и предохранителями.

Внезапно лампы под потолком вспыхнули. Лори бегом бросился по центральному проходу и опустился на колени рядом с человеком, который лежал на полу, беспорядочно шевеля руками и вращая глазами.

Заметив подошедшего Грэхема, Лори поднял белое как мел лицо и впился глазами в сыщика.

– Спятил, – холодным будничным тоном констатировал Грэхем. Лежащий что-то залопотал, схватил Лори за руку, стал скулить и гримасничать. – Но он не успел ничего выдать. Рехнулся, как только витон его схватил.

– Боже, какой ужас! – простонал Лори.

Нужно его убрать. – Грэхем обвел взглядом негустое кольцо перепуганных зрителей. Один из них все еще сжимал в руках распятие. – За работу, друзья. Не позволяйте врагу выбить вас из колеи.

Медленно приходя в себя, они разбрелись по цеху. Грэхем перешел к западной стене, где Воль склонился над неподвижным телом.

– Мертвее не бывает, – бесстрастно объявил он

Нагнувшись, Грэхем вынул из руки оператора телетайпа большой полицейский револьвер. Положив его на стол, он отыскал зеркальце и направил луч света в застывшие глаза. Возможно, это была всего лишь игра воображения, но ему показалось, что он увидел, как нечто неуловимое, зовущееся жизнью, постепенно покидает устремленные в никуда глаза.

Осмотрев труп, он выпрямился и сказал:

– Никаких следов. Видимо, остановка сердца.

Снаружи донесся приближающийся вой сирены и зловеще замер прямо перед открытой дверью. Вошли четверо полицейских, с ними мужчина в штатском. Они вынесли труп оператора, потом вернулись за – обезумевшим ученым. Когда несчастного уводили, он беззвучно шлепал губами.

Трое офицеров сели в машину и уехали. Четвертый занял место у телетайпа. Человек в штатском подошел к Лори.

– Я – Фергюсон, меня прислали на замену.

Лори стоял с ошеломленным видом, взгляд его блуждал по лицам коллег. Он нервно теребил мочку уха, а на лице застыл невысказанный вопрос.

– Все продумано, – объяснил Грэхем, широким жестом обведя камеры и микрофоны. – Вам возместили потери. Так что не теряйте времени, продолжайте работу – ведь нам предстоит опередить саму смерть!

Он стремительно вышел и сел в машину. Воль занял место за рулем.

– Где-то сейчас мой скакун, – сказал Грэхем. – Наверняка ржавеет где-нибудь на западе.

– Скорее всего. – Воль вырулил на середину шоссе. – Нам куда?

– В Йонркес. Там подземная лаборатория, ее возглавляет Стив Кениг. – Заметив любопытный взгляд Воля, он добавил: – Здесь поблизости работают всего две группы. А где другая, я не открою даже тебе.

– На тот случай, если меня сцапают и начнут выкачивать сведения? – Воль воздел глаза и небу и скорчил рожу. – Ну, а что мы будем делать, если жертвой окажешься ты? Сложим ручки и умрем?

– Ничего, как-нибудь выстоим. Никто и не думает, что я неуязвим. Кроме тех шестидесяти четырех парней, которых я отобрал, есть много других групп. Я с ними никак не связан и не знаю, где они. Там, в Вашингтоне, для них выбрали надежные места. Потом, никто в стране не ведает, где прячутся европейские и южноамериканские эксперты, а им, в свои очередь, ничего не известно о наших.

– Да, это как раз тот редкий случай, когда неведение – благо, – заключил Воль.

– Еще бы! – задумчиво подтвердил Грэхем. – Все устроено так, что и я, и все остальные находятся в одинаковом положении: кто не знает, тот не выдаст.

Под мощный рокот динамо гиромобиль круто взял вправо, огибая здоровенную воронку в центре дороги. Наверху в покосившейся воздушке зиял разрыв в четверть мили, огромная дыра, из зазубренных краев которой торчали обломки искореженных, проржавевших балок.

– Ну и рвануло! – Воль выжал из машины максимальную скорость, покрыл две мили за минуту с небольшим, потом притормозил у перекрестка и повернул налево.

В этот миг небо засверкало ослепительным блеском, бросив на землю необычно резкие, четко очерченные тени. Мгновение – и странное явление пропало. Воль остановил машину и замер в ожидании. Несколько секунд спустя земля содрогнулась. Полуразрушенный остов ближнего дома с жутким грохотом рухнул на дорогу, сплошь засыпав ее обломками. Парившие в небе витоны вереницей потянулись к западу.

Атомный взрыв! – определил Грэхем. – Всего в нескольких милях отсюда.

Наверное, ракета.

– Стартуй мы на полчаса раньше... – Воль не закончил фразу.

– Этого не случилось – ну и слава Богу! Ехать дальше нет смысла. Поворачивай, Арт! Попробую заскочить в Бэттери.

Они неслись через центр, подальше от сеющего смерть чудовищного гриба. Пулей миновали Манхэттенский банк.

– Совсем недавно работал в здешней конторе, а кажется, прошли годы, – заметил Грэхем. Вдруг он замолчал, потом резко бросил: – Остановись-ка на углу, Арт!

Гиромобиль подрулил к тротуару и замер. Грэхем скорчился на сиденье не сводя глаз с зеркала заднего обзора. Открыл дверь и выскользнул наружу.

– Что такое? Разве гриб отсюда виден? – Не выпуская из рук рулевого колеса, Воль вопросительно глядел на приятеля.

– Двадцать четвертый этаж. Да, именно двадцать четвертый. – Глаза у Грэхема так и сверкали. – Когда мы проезжали, я краем глаза заметил, как что-то блестящее, голубое вылетело из открытого окна как раз на том уровне. Шесть средних окон на двадцать четвертом этаже принадлежат сангстеровской лавочке.

– Ну и что?

– А то, что я совершенно уверен: это был витон! – На лице сыщика промелькнула ярость. – Подожди меня, Арт. Я хочу позвонить.

Не дожидаясь ответа, он зашел в ближайшее здание и там, на первом этаже, в покинутом полуразрушенном кабинете, обнаружил телефон, являвший собой странный контраст с окружением: экран уцелел и прекрасно работал. Едва Грэхем набрал номер, как на экране расцвело девичье личико.

– Привет, Хетти! – как обычно сказал он.

– Привет! – она улыбнулась, но как-то неестественно.

– Мистер Сангстер у себя?

– Нет. Его весь день не было. Но я рассчитываю, что он вернется не позже половины шестого. – Ее голос звучал странно тускло и безжизненно, улыбка же становилась все настойчивее и призывнее. – А может, мистер Грэхем, вы зайдете и дождетесь его здесь?

– Очень жаль, но не могу. Я...

– Вы у нас так давно не были, – не отступала она. – Мы здесь – как на острове: вокруг сплошные развалины, в здании почти никого не осталось. Мне так страшно и тоскливо! Зашли бы поболтать со мной, пока шеф не вернется!

– Я очень занят, Хетти. – Ее умоляющий голосок не оставил его равнодушным, но он по-прежнему неотрывно вглядывался в экран, примечая каждое подрагивание губ, каждое трепетанье век.

– Откуда вы звоните? – снова этот тусклый, безжизненный механический голос!

Грэхем ощутил нарастающую ярость, ладони вспотели. Уклонившись от ответа, он медленно произнес:

– Я заскочу, Хетти. Жди меня около пяти.

– Вот здорово! – Она улыбнулась еще шире, но в глазах не было и следа веселья. – Только смотрите, не передумайте, я буду ждать.

– Можешь на меня положиться.

Повесив трубку, Греем долго смотрел на экран, где таяли ее знакомые черты. В нем клочкотало бешенство. Пальцы сжимались, будто он готовился кого-то придушить. Грязно выругавшись, он поспешил к ожидавшему гиросмобилю.

– Они захватили Хетти, – сказал он Волю. – Она разговаривала и вела себя, как заводная кукла. Там западня.

– Как тогда, в штаб-квартире, – заметил Воль. Сжав зубы, он забарабанил пальцами по рулевому колесу, не спуская глаз с неба.

– Ставлю десять против одного, что дома у меня – тоже ловушка, причем и Хетти, и Сангстер это прекрасно знают. – В голосе прорывалась бушующая в нем ярость. Кулаки сжались. – С каждой минутой витоны подбираются все ближе и ближе. Мне это осточертело, Арт! Надоело быть загнанной дичью! Уж лучше первому нанести удар – и покончить с ними раз и навсегда!

Да ну? – осведомился Воль. Подперев голову рукой, он уставился на Грэхема, как на какое-нибудь чудо природы – Так просто – раз, два и готово? Стаскиваем витона с неба и делаем из него отбивную! – Потом выпрямился и заорал: – Не болтай вздор, как последний кретин!

– Какая муха тебя укусила?

– Никакая. – Воль показал приятелю свое кольцо с иридиевым покрытием. – И тебя никто не укуит, если я буду рядом.

– Я и не допущу, чтобы меня кусали. Именно поэтому я собираюсь нанести неожиданный удар.

– Это каким же образом?

– Все будет зависеть от обстоятельств. – Забравшись в машину, Грэхем сел и задумался, не сводя усталых глаз с прозрачной крыши машины, на случай, если какой-нибудь одинокий витон появится в зоне телепатического приема. – Если ловушку расставили витоны, тогда я действительно зря петушусь в таком случае я бессилен.

– Ага! – произнес Воль, адресуя свою реплику ветровому стеклу. – Он все-таки допускает такую возможность!

Грэхем сердито фыркнул, наградив Волю красноречивым взглядом, потом закончил мысль:

– Если же – что вполне вероятно – они оставили грязную работу кучке придурков, тогда я вполне справлюсь. Войду, надаю им как следует и заберу Хетти. Надеюсь, ты не против?

Воль задумался.

– Что ж, если там одни придурки, дело могло бы выгореть. Пожалуй, ты сумеешь справиться, хотя риск все равно велик. Только у меня есть одно возражение.

– Какое же?

– Что ты все время якаешь? Все я, да я! Да кто ты, собственно говоря, такой? – Он снова поиграл кольцом. – Мы войдем туда и заберем Хетти.

– Я и не собирался соваться туда один или даже вдвоем с тобой. Что я – рехнулся? – Грэхем бросил последний взгляд на здание Манхэттенского банка. – Я нашел коллегу-оперативника, когда вернулся из Вашингтона, и поручил ему разыскать

еще девятерых, которые должны работать где-то поблизости. Если ему удастся их обнаружить, они будут ждать меня на Центральном вокзале. Мы встретимся с ними и подумаем вместе, как справиться с этой западней. Если повезет, можно схватить наживку и уйти от расплаты. – Он откинулся на сиденье. – Пришпорь-ка, Арт! У нас осталось меньше часа.

Грэхем оглядел всех восьмерых: жесткие, уверенные, решительные лица. Он знал, что еще двое никогда не будут найдены. Ему говорили, что их должно быть десять. Каждый из этих молодых рослых парней тоже знал об этом. И каждый понимал: скоро их может стать еще меньше. Но по ним этого не скажешь. Ведь они из Разведки, а там учат восполнять потери, работая за двоих, а то и больше.

– Каждый знает свою задачу? – спросил он. – Все кивнули. Он вытянул палец вверх, напоминая о людях, затаившихся двадцатью этажами выше, которые через улицу и разрушенный квартал ведут наблюдение за офисом Сангстера.

– Ребята говорят, что в офисе витонов нет, значит, придется иметь дело только с придурками. Итак, я войду, а уж вы, друзья, должны мне помочь выйти..

Они снова кивнули. Никто из них не понимал, какой смысл Грэхему рисковать своей жизнью, но им было вполне достаточно, что он принял такое решение. Каждый был готов сыграть свою роль.

– Ну, все, ребята, – я пошел!

– Я с тобой – объявил Воль и сделал шаг вперед.

– Ради Бога, Арт, не суйся ты туда! Ведь мы понятия не имеем, какая реакция у витонских прихвостней. Хетти – моя подружка, но тебя-то она знать не знает! Если ты заявишься вместе со мной, вся работа может пойти насмарку.

– Вот дьявол! – буркнул Воль.

Улыбнувшись раздосадованному приятелю, Грэхем торопливо вышел, под взглядами наблюдателей, вооруженных биноклями, пересек улицу и вошел в здание Манхэттенского банка. По его пыльному, неприбранному вестбюлю слонялись пятеро мужчин. Не обращая на них никакого внимания, он смело подошел в пневматическим лифтам и поднялся на двадцать четвертый этаж.

Здесь посторонней публики не было видно, но, распахнув двери в офис Ведомства целевого финансирования, Грэхем ощутил, что находится под прицелом безумных, каких-то неживых глаз.

Небрежно бросив: «Салют, Хетти!», он закрыл за собой дверь. От его зоркого взгляда не укрылось, что дверь в личное святилище Сангстера закрыта, равно как и дверцы большого шкафа, стоящего у стены. Самого Сангстера не было видно. Может быть, говоря о нем, девушка не солгала.

С улицы донесся сорванный, надтреснутый бой часов – им тоже порядком досталось в ходе военных действий. Часы проббили двадцать раз, хотя было ровно пять.

Усевшись на край стола, Грэхем беззаботно покачивал ногой.

– Понимаешь, Хетти, я был страшно, просто чертовски занят, иначе обязательно заглянул бы поболтать с тобой. Но теперь, я надеюсь, дело близится к концу.

– К какому? – она не добавила привычное «Билл».

– Мы вот-вот наконец получим оружие против витонов.

– Коротковолновое? – спросила она, заглядывая ему в глаза. Волосы у него

зашевелились: в ее когда-то таких живых зрачках таилась пустота, ужасающая, бездушная пустота. Девушку больше не занимали легкий флирт, женское кокетство или темы бесед, которые они вели раньше. Теперь у нее были совсем другие, зловещие интересы: оружие против витонов, короткие волны, а сам Грэхем – только как соратник хозяина, которого нужно заманить в ловушку.

– Точно! – он замороженно всматривался в ее кукольное личико. Страшно подумать, что это уже не та жизнерадостная девушка, которую он когда-то знал, что за этими знакомыми чертами скрывается робот в человеческом обличье. – Мы ведем поиски в сантиметровом диапазоне, поделив его между десятками групп экспериментаторов. Не может быть, чтобы такая армия не докопалась до истины.

– Это бодрит, – проговорила она голосом, начисто лишенным эмоций. Ее сложенные на голених бледные руки в голубых прожилках беспокойно сжимались и разжимались, скрытые краем стола. – А вы знаете, где эти группы и чем занимается каждая?

Услышав этот по-детски прямой вопрос, Грэхем ощутил прилив торжества. Все шло так, как он и предполагал: жалкий изувеченный рассудок послушно следовал по единственной колее, механически выдерживая то направление, которое ему задали. Хитро задумано – да только не умно. Даже debil разгадал бы, что стоит за ее вопросом.

На нее возложили двойную задачу во-первых, заманить его в ловушку; во-вторых, выпытать важные сведения перед тем, как подать сигнал к уничтожению. Очевидно, чудовищная операция, которой подвергли ее сопротивляющийся ум, не наделила девушку телепатией – если, конечно, витоны были способны наделять ею свои жертвы. Во всяком случае, она – совершенно не улавливала его пронизательных мыслей.

Стараясь скрыть нетерпение, он сказал:

– Знаешь, Хетти, хоть этих экспериментальных групп – целая уйма, я знаю, где они скрываются – все до единой. – Это была наглая, неприкрытая ложь, и он произнес ее без малейшего зазрения совести, хвастливым, уверенным тоном. – Ты только назови длину волны – я тут же скажу, кто над ней работает и где.

И робот невольно выдал своих хозяев. Несчастный изуродованный ум девушки умел реагировать с прямоотой автомата и не был способен на хитрость.

– Пять десятых сантиметра, – произнесла она, выговорив эти слова так, как будто они были выбиты на ее измученном мозгу. Руки ее скользнули вперед, нырнули под стол. Она готовилась передать информацию и принести его в жертву.

– Вот я и узнал все, что хотел! – прорычал Грэхем.

Девушка еще не успела пошевелиться, а он уже вскочил на ноги и обогнул стол. Протянув руки, чтобы схватить Хетти, он увидел, как дверь в кабинет Сангстера распахнулась и на пороге появилась угрожающая фигура. Выхватив пистолет, Грэхем бросился на пол. Маньяк помедлил, кое-как прицелился; в небольшом помещении оглушительно прогремел выстрел.

Над Грэхемом что-то пролетело. Дверь шкафа распахнулась настежь. На время забыв о первом стрелке, Грэхем выпалил в открытый шкаф, увидел, как от стенок отлетели щепки, и понял: все четыре части пули попали в цель.

Послышался вопль, из шкафа вывалился согнувшийся пополам человек. Роняя

кровавую пену, он согнулся еще ниже, потом упал навзничь, застыв окровавленным барьером на пути своего безумного спутника.

Воспользовавшись затишьем, Хетти выдвинула ящик стола и что-то выхватила из него. Перегнувшись через стол, она направила на Грэхема маленький старомодный револьвер. Пустые, лишенные выражения глаза сверлили цель, костяшки пальцев побелели. Вдруг стол под ней вздыбился – это Грэхем отчаянным броском отшвырнул его от себя. Хетти упала на стул, ствол пистолета задрался и выстрел пришелся в потолок.

В коридоре послышался топот; вдали, у лифтов, кто-то сыпал проклятиями. Грэхем приподнялся и выстрелил одновременно с первым нападавшим. Его левая рука непроизвольно подскочила и запылала, будто от ожога. Зато противник рухнул как подкошенный.

Дверь за ним распахнулась, и в комнату ворвались двое вооруженных оперативников. Из конца коридора доносилась громкая револьверная пальба. Вот пуля ударила во что-то металлическое и, резко взвизгнув, отскочила. Еще две вонзились в деревянный наличник двери, третья мягко вошла в тело. Один из офицеров, тот, что пониже, закашлялся, сплюнул, снова закашлялся, ослабев, прислонился к стене, съехал по ней вниз. Он замер, сидя на полу – пистолет вывалился из пальцев, голова упала на грудь.

– Их здесь тьма! – крикнул второй оперативник. – Здание так к кишит прикурками! – Выглянув из-за двери, он быстро послал две пули налево, вдоль по коридору. Справа в том же направлении обрушился град выстрелов, и через несколько секунд затишья в комнату проскользнули еще четверо офицеров.

– Скорее! – подгонял их Грэхем. – Я хочу вызвонить девушку.

Он повернулся, собираясь схватить Хетти и унести, но увидел в окне далекое голубое сияние. Витоны! Штук двадцать сверкающих шаров, вытянувшись цепью, как нитка огромных бус, стремительно приближалась, целясь прямо в окно комнаты. Пастухи спешили на выручку своим псам!

По коридору снова загрохотали шаги. Грэхем метнулся к двери, его товарищи открыли стрельбу. Сидящий на полу офицер стал слепо шарить в поисках пистолета и вдруг завалился на бок глаза его закрылись, изо рта вытекла струйка крови.

Снаружи донесся шум ударов, стоны, бешеные вопли. Мгновение – и в комнату хлынула толпа витонских прихвостней. Они наступали, вытаращив глаза и нисколько не заботясь о собственной безопасности, с безрассудством спятивших автоматов. Это были роботы, созданные для того, чтобы убивать – как угодно, любой ценой.

На Грэхема надвигалось бесцветное лицо: мерзкие глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Перекошенный рот пузырился слюной. Он со всей силы заехал в гнусную физиономию, и она исчезла из вида, будто ее обладатель рванул прямиком в космос. На его месте тут же появился другой придурок, но Грэхем уложил его одним ударом.

Кто-то поднял безумца с подергивающимся лицом и швырнул на середину комнаты. Поверженный идиот, по-змеиному извиваясь на полу, ухватил Грэхема за левую ногу. Отбиваясь правой, тот превратил его нос в земляничный пудинг. Рядом с его ухом оглушительно прогремел пистолет коллеги-оперативника, в ноздри ударил резкий запах пороха.

Бешеная схватка вынесла Грэхема из сотрясаемой грохотом комнаты в коридор,

потом еще дальше, к лифтам. На его плечо обрушился сокрушительный удар, казалось, со всех сторон к нему тянется тысяча хищных рук.

Он видел, как Шиэн, один из офицеров, вбил дуло пистолета прямо в чей-то слюнявый рот и нажал на спуск. Во все стороны брызнули ошметки черепа и мозга; жертва с наполовину снесенной головой рухнула под ноги сражающихся. Где-то позади, а может, спереди или в каком-нибудь другом направлении – он не мог разобрать – одинокий голос выкрикивал что-то о витонах. Грэхем врезался в толпу придурков, сражаясь еще одержимее, чем они. И тут его сознание погрузилось в бушующее адское пламя, в котором он тонул, тонул, тонул, пока все звуки извне не замерли окончательно.

ГЛАВА 14

Ослабив на голове повязку, Грэхем взглянул на видневшуюся вдали громаду Манхэттенского банка и повернулся к спутникам.

– Как нам удалось выбраться из этого ада? Что там случилось?

– Мы с напарником расправились с пятеркой, болтавшейся в вестибюле, – ответил Воль, потирая ушибленное колено, и поморщился от боли. – Потом услышали кавардак, который начался наверху, когда шестеро наших поспешили тебе на выручку – по лифтовой шахте доносился грохот. Вскоре двое выскочили оттуда, как черти из пекла, и приволокли тебя на себе. Ты совсем вырубился, и видок у тебя был, прямо скажем, бледный! – Он снова погладил колено и тихонько выругался. – Твои носильщики сказали, что ускользнули прямо из-под носа у витонов.

– А где Хетти?

– Она там, – Воль протянул ему полевой бинокль. – Отправилась следом за Мейо.

– Что, выбросилась из окна? – увидев утвердительный кивок Воля, Грэхем погрузился в раздумье.

Так, значит, ее несчастный, исковерканный ум обременяла тройная задача. Выполнив свой долг, она должна была покончить с собой.

Он печально взглянул на кучку тряпья, застывшую на тротуаре. Скоро ее подберут и устроят подобающие проводы. А пока им повезло: они успели смыться быстро и как раз вовремя: теперь их снова невозможно отличить в миллионной толпе усталых, прячущихся по углам нью-йоркцев.

Только по чистой случайности или с помощью какого-нибудь витонского прихвостня их удастся опознать – с таким же успехом можно искать пчелу в густом рое. Хорошее сравнение – восстание пчел. Та же неприметность защитила бы от хозяина-человека нескольких сметливых насекомых, вздумай они изобрести способ заменить муравьиную кислоту смертоносным ядом паука-каракурта. Если бы дошло до этого, от меда таких пчелок хозяину не поздоровилось бы.

– Так ты говоришь, что меня вынесли двое? Только двое? – Его вопросительный взгляд упал на четверку растерзанных офицеров, стоящих поодаль; двое из них неловко переминались с ноги на ногу. – А где еще четверо – убиты?

Двое остались там. – Один из беспокойной пары махнул рукой в сторону Манхэттенского банка. – Бэтхерет и Крэйг задержались.

– Почему?

– Большинство придурков разбежались, были ранены или убиты, но им на смену пришли витоны. Они как раз появились наверху, когда мы внизу пытались вас вынести. Вот Бэтхерст с Крэйгом и вернулись, ну и... – Он замолчал.

– Они заманили их в ловушку, зная, что из нее нет выхода? – подсказал Грэхем.

Собеседник молча кивнул.

Итак, двое остались, чтобы отвлечь по-прежнему непобедимого и к тому же разгоряченного схваткой врага, остались, чтобы беспомощно метаться и кричать и с криком умереть – или тоже превратиться в придурков. Они устремились наверх, зная, что спасения нет, но зная еще и то, что к тому времени, когда их схватят и высосут их непокорный разум, остальные затеряются в людской толпе и будут в безопасности.

Ради них эти двое пожертвовали жизнью. Грэхем молчал: сейчас любые слова прозвучали бы фальшиво; он знал, что никто не ждет и не требует от него никаких слов. Оперативники просто исполнили свой долг – так, как они его ощущали, в соответствии с традицией Разведывательной службы – вот и все.

Погладив пульсирующую левую руку, он приподнял тонкую повязку. Пустяковая царапина.

– Пусть это послужит тебе уроком, – сказал Воль, – не лезь туда, куда даже ангелы побоялись бы ступить. Что ты получил – сплошное несчастье!

– Надеюсь, что получил пропуск в рай, – отрезал Греем и, не обращая внимания на озадаченный вид приятеля, повернулся к четверке оперативников. – Вы двое, – сказал он, обращаясь к одной паре, – поспешите в Йонкерс. Прямо туда вам не попасть – по пути сильная радиация. Скорее всего, придется добираться кружным путем. Но попасть туда вы должны любой ценой.

– Будьте спокойны, мы не подведем, – заверил его один из двоих.

– Вот и отлично. Передайте Стиву Кенигу, чтобы он срочно занялся волной ноль целых пять десятых сантиметра – это горячая новость. Вам лучше разделить и; если получится, выбрать разные пути: тогда шансы на успех возрастут вдвое. Запомните: пять десятых сантиметра. Это все, что нужно знать Кенигу. – Он обратился ко второй паре: – Компания Маркони расположила свой завод в подземном городе близ Куинса. Они там химичат на свой страх и риск, не ожидая указаний из Вашингтона, но моя информация может им пригодиться. Так что скорее в путь и скажите Дикону: у нас есть все основания считать, что длина волны пять десятых сантиметра – как раз то, что надо.

– Будет сделано, мистер Грэхем, – ответил один из них.

Под конец он сказал всей четверке:

– Еще передайте: если кто-нибудь из них добьется успеха, пусть не зевают, если не хотят остаться не у дел. Первая же установка, которую они соберут, должна быть направлена на защиту их лаборатории и станций, снабжающих их энергией. Только тогда – и никак не раньше! – они могут выполнять правительственный заказ. Скажите, чтобы не поддавались никаким начальственным паникерам, кока не обеспечат защиту своих установок и электростанций. Ясно?

– Так точно, мистер Грэхем. – Быстро и осторожно они вышли.

На лице у Грэхема застыла решимость.

– Если нам удастся получить эффективное оружие, нельзя допустить, чтобы его уничтожили на корню, – сказал он Волю.

– Вполне логично, – согласился тот, вскидывая на приятеля вопросительный взгляд. – Ты никак что-то придумал, Билл?

– Да, я узнал у Хетти одну конкретную деталь, на поиск которой был запрограммирован ее разум. Не сомневаюсь, что витоны собирались вырвать у нее эти сведения, как только она их получит, и немедленно принять соответствующие меры. – Он достал из кармана изодранного пиджака пустую фляжку, хмуро повертел в руках и отбросил. – Хетти должна была по возможности выяснить местоположение любой группы, экспериментирующей с волной пять десятых сантиметра или около того. Если бы ей удалось это узнать, их бы немедленно разгромили. А заодно, возможно, разгромили бы и другие группы – только для того, чтобы нас запутать. У нас не осталось бы никакого ключа к нужной длине волны, а они накрыли бы ту, которая для них опасна.

– Вот дьявол! – В голосе Воля прозвучал восторг, смешанный с изумлением. – За этим ты туда и сунулся? Похоже, сами витоны открыли тебе свой секрет!

– Они и открыли, – коротко ответил Грэхем. – Устами своего пособника. Очень любезно с их стороны, чтоб им ни дна ни крыши! – Он взглянул на часы. – Теперь отсчет пойдет с этих секунд. Еще несколько часов – и мы должны получить долгожданный ответ. Поляризация – порядочная канитель ведь мы имеем дело не с обычным светом, а с короткими волнами.

– Ничего, – успокоил его Воль – Пока ты прекрасно справляешься.

– Я? Ты хочешь сказать: мы!

Я хочу сказать: именно ты, – настаивал Воль. – Ты прекрасно справляешься. Все будет в порядке. Не зря говорят: у каждой тучки – серебряная изнанка.

Поскорее бы увидеть это серебро, иначе будет слишком.. – Он замолчал, потер саднящую руку и взвлянул на друга. – Мне припомнилось что-то о фотонах, которые, отражаясь от полированного серебра, изменяют траекторию с двойной восьмерки на чистую спираль.

– Ну и что из этого? Я, например, тоже покручиваю по спирали кружку, когда в нее налито пиво.

– Серебро – это мысль! – продолжал Грэхем, не обращая внимания на шутку приятеля. – Главная проблема – добиться преломления, а не отражения, и серебро тут – как раз то, что надо. Есть хороший шанс, что такая оборотная волна может пойти по спирали, если удастся отразить луч от серебряной пластины, и особенно, если использовать электромагнитный ускоритель Бергстрома, чтобы придать серебру необходимую твердость и прочность, тем самым исключив поглощение.

– Ну, ты даешь! – Воль смущенно улыбнулся. – Наверняка получится так, как ты сказал. Я вижу все так ясно, что мог бы увидеть и через месяц в тюремной камере, да еще с заткнутыми ушами!

– Один счастливый шанс из тысячи! – бормотал Грэхем. – Стоит попробовать, если Лори не изобрел ничего лучшего. – Кончив нянчиться со своей раной, он внезапно оживился: – Шевелись, Арт, – мы возвращаемся к Лори.

Сотня квалифицированных рабочих трудилась в поте лица в огромном цехе Фарадеевской компании. Их откомандировали местные радиотехнические и

приборостроительные заводы. Каждый рабочий настолько хорошо знал свое дело, что Лори со своей немногочисленной командой мог без помех сосредоточиться на особой задаче, стоящей перед ними.

В результате многочасовой безостановочной работы на свет появился компактный, но сложный аппарат, который, сверкая металлом и стеклом, стоял посреди захламленного помещения. В центре агрегата поблескивали длинные узкие трубки; из ажурных конструкций, установленных на поворотном круге, выдавались цилиндрические экраны, ниже виднелась дюжина колес. С сиденья оператора, смонтированного перед небольшой панелью управления, можно было с помощью электрического привода перемещать и поворачивать всю установку на манер подъемного крана; ток к ней подавался по кабелям, которые выходили из конечных разъемов и змеились по полу к генераторам.

Вот один из рабочих, склонившись над идеально гладким пералуминовым диском, покрывает его тонким слоем серебра. Электрическая дуга разбрызгивает дождь мельчайших капель. Другой, рядом с ним, наносит на диск пленку гранулированного серебра, подавая его в пламя экзоацетиленовой горелки, которое напыляет серебряное покрытие на раскаленную поверхность. Любой метод годится – был бы человек, способный выполнять работу с ювелирной точностью.

Еще один рабочий доводит уже напыленный диск на реквизированном где-то полировальном круге, то и дело проверяя результат микрометром. Позади него один из помощников Лори заканчивает сборку полусферической решетчатой антенны. Двое ученых суетятся вокруг громоздкой цилиндрической трубы; один прилаживает к ее верху рамочные прицелы, передний и задний, другой выполняет тончайшую регулировку сложного ускорителя.

Оставалось всего два часа!

Вошел Грэхем, в руках у него была старомодная печатная газета. Поставив ногу на поворотный стол агрегата, он стал просматривать первую страницу. Айова на пороге битвы за Омаху. Бронетанковые войска азиатов вошли в Люксембург. Мадрид уничтожен ядерным взрывом. Скандинавия – наш последний оплот; Новые ядерные ракеты обрушились на Британию. Мрак, сплошной мрак. Когда к нему подошел Лори, он как раз переходил к боковой колонке. Падение Франции неизбежно. Грэхем сунул газету в карман.

– Дурные новости? – спросил Лори.

– Хуже некуда. Но есть еще кое-что. Вот, получили из Филадельфии по любительской связи. Сегодня утром почти готовый аппарат Вейтча взорвался ко всем чертям.

– Неужели? – Лори нахмурился, так что кустистые брови сошлись к переносице. – Значит, он был на верном пути. А если он был на верном пути, выходит, что мы избрали неверный.

– Вовсе не обязательно. В команде у Вейтча был придурок. Мы его предупреждали, и он сказал, что постарается запутать парня. Избавляться от него Вейтчу не хотелось: ведь тогда пришлось бы его кем-то заменить. Уж лучше известное зло, чем неизвестное.

– Так это сделал придурок?

– Да, и сам погиб при взрыве. Так сказать, совершил почетное харакири. Есть двое

раненых. – Грэхем задумался. – Я бы сам позвонил Вейтчу, да все их каналы связи работают только на передачу. Он должен был намного опередить всех: ведь к ним из Флориды перебросили тонны оборудования, оставалось его только перемонтировать.

– Вот оно что. А еще новости есть?

– Только одна – Сангстер нашелся. Я уже беспокоился о нем. Его обнаружили в подземной больнице. Он оказался на Уильям стрит, когда рухнул большой кусок воздушки. Бедняге уже лучше.

Расставшись с Лори, Вилл Грэхем вышел на открытую площадку перед цехом. Здесь, в центре расчищенного пространства, поблескивало кольцо гигантских медных проводов, которые оставалось присоединить к батарее конденсаторов, образующих сложную систему заземления передающей установки.

Строй голубых точек, казавшихся издали совсем крошечными, держал курс на запад где-то над ЛонгАйлендом. При одном взгляде на них глаза у Грэхема разгорелись. «Отличная цель, – подумал он, как всегда забывая, что сам представляет собой еще лучшую цель – Так и напрашивается сравнение с армией трудолюбивых пчеловодов, спешащих обыскать тысячи ульев, населенных десятками миллионов пчел. Можно поспеть туда и сюда, и в десятки других мест, да только везде разом не поспеешь. Вот где их слабое место!»

Он снова посмотрел на медные провода заземления. Сможет ли даже такая мощная система принять на себя чудовищный удар мстительного врага? Он не был уверен. Будь она и в десять раз больше, ей не удалось бы сдержать адскую ярость, которая обрушилась на Силвер Сити.

Позади площадки, предназначенной для передатчика, виднелась огромная яма. Ее стены, покрытые шестидюймовым слоем быстросохнущего бетона, уходили вглубь. В центре торчал гладкий шест.

Передатчиком должен был управлять один человек. В случае успеха он попытается уйти от неминуемой гибели, которую повлечет за собой этот успех, соскользнув по шесту в шахту, в ее спасительную черную глубину. Конечно, убежище примитивное, но в данных обстоятельствах ничего лучшего не придумаешь.

Грэхем вернулся в цех и спросил у Лори:

– Сколько осталось?

– Пятнадцать минут. – Лори вытер потный нахмуренный лоб. – Еще пятнадцать минут, и мы готовы. Если выиграем, тут же приступаем к сборке еще десяти передатчиков. – Он махнул рукой в сторону суетящихся рабочих. – И, если нас не прикончат, мы их слепим за какую-нибудь пару часов.

Него подобного! – властно отрезал Грэхем тоном, не допускающим никаких возражений – Вы сию же минуту перебросите заготовки в безопасное место. Ведь если витоны озвереют, все здесь взлетит в воздух, так что на случай заварушки счет отправить ваши железки подальше от греха. – Он взял микрофон и стал торопливо отдавать распоряжения.

Через три минуты у входа развернулась колонна грузовиков. Каждый забирал свой груз и с грохотом отъезжал. Притихшие, задумчивые рабочие тоже уехали, оставив совершенно пустое помещение, посреди которого, поблескивая, застыл излучатель поляризованных волн. Четверка экспериментаторов торопливо заканчивала последние приготовления.

Облокотившись на поворотный круг, Грэхем наблюдал за ними с каким-то отстраненным спокойствием, удивлявшим его самого: ведь время решающего испытания стремительно приближалось. И вот после многодневной изматывающей нервы гонки он вдруг обрел бесстрашие каменного Будды – так ощущает себя человек, который после тягостного ожидания в приемной наконец оказался в зубоврачебном кресле. Взгляд его задержался на одном из четверых ученых, тщедушном коротышке с венчиком волос вокруг блестящей лысины.

Как только он закончил работу, Грэхем намеренно резко произнес:

– Мне не ясно, кого вы пытаетесь обмануть, присоединяя подающий провод к выключателю ускорителя.

Услышав его ядовитый тон, окружающие вздрогнули. Человечек, к которому он обратился, повернулся к Грэхему морщинистое обезьянье личико, бессмысленно тараша бледно-голубые глаза. Выронив конец провода, он незаметно полез в карман, как будто собираясь достать кулачки.

Грэхем уложил его на месте; мощный выстрел в упор отбросил коротышку назад. Пока Лори с товарищами, побледнев, не сводили с него глаз, Арт Воль как ни в чем не бывало шагнул вперед, порылся в карманах трупа и извлек маленький яйцевидный предмет.

– Вот дьявол – бомба! Ведь эта штукавина могла запросто разнести нас на куски!

– Ладно, проехали. Забери ее, Арт, и брось в пруд там, за цехом. – Он обратился к Лори: – Отключите ток, Дункан, и проверьте всю цепь. Просмотрите, все ли в порядке. Если да, пора выкатывать установку – нужно ведь еще присоединить ее к проводам заземления.

Через минуту Лори объявил:

– Все готово! Лучше работать она не будет, даже если у нас ничего не выйдет.

– Порядок!

Поляризатор выкатили, подключили к системе заземления. Лори с тремя спутниками ушел, остался только Воль.

Грэхем забрался наверх и занял место за пультом. Все было под рукой – подача тока, ускоритель, рычаги управления подъемником и поворотным кругом. Над головой тяжело нависло хмурое небо. Высоко на юге клубился дым ракетного зала. Оставалось отделаться от Воля.

– Беги, Арт! – приказал он. – Витоны приближаются. – Он показал на стаю шаров, подлетающую с северо-востока. – Мне некогда сидеть и спорить. Догоняй Дункана и его ребят. Даю тебе полминуты, чтобы исчезнуть.

– Но ведь... – попытался возразить Воль.

– Сказано, убирайся! – свирепо рявкнул Грэхем.

Он смотрел, как Воль с несчастным видом трусит прочь, выжидая, пока тот скроется за углом цеха. Прямо перед Грэхемом, подобно дулу гигантской пушки, вздымалась цилиндрическая труба. От приближающихся шаров его отделяла всего миля.

Давая приятелю время уйти на безопасное расстояние, он зорким взглядом обшаривал небо. «Мы так никогда и не узнаем, откуда взялись витоны, – размышлял он. – Их происхождение останется для нас такой же загадкой, как и возникновение

пневмококков, пуделей да и всех прочих творений природы». И все же он склонялся к выводу, что именно витоны – коренные обитатели планеты, и предчувствовал, что их вот-вот навсегда сметут с лица Земли – не одна враждующая группировка землян, так другая.

Подошел решающий час, судьбоносный миг настал. Грэхем развернул гигантскую трубу, нацеливая ее на подлетающие шары. Труба легко двигалась на шарнирах, а сама установка плавно вращалась на своем поворотном круге. Слушая, как в цехе ровно гудят генераторы, он подумал, что всего девяносто минут отделяют Европу от гибели. Нажал на выключатель и подал в установку ток.

Прошло несколько секунд – трубки нагрелись. Где-то наверху, на высоте десяти-двенадцати этажей, застыли на своих постах наблюдатели, бинокли подрагивали у них в руках.

И вот направленный поляризованный луч с длиной волны полсантиметра брызнул в отверстие трубы и вырвался из жерла излучателя. Ось его закрученных импульсов шла параллельно прицеу, наведенному на свору витонов.

Такая частота выходила за пределы даже зрительного диапазона, открытого Бьернсенем, и луч был невидим. Зато был виден результат его действия, да еще какой! Вожак стаи налетчиков, состоящей из десяти шаров, застыл в воздухе, как будто наткнулся на невидимую преграду. Цвет его сгустился, превратившись из ярко-голубого в темно-фиолетовый, потом почти мгновенно сменился ослепительно сверкающим оранжевым – и вдруг шар лопнул! Исчез так неожиданно и бесследно что армия затаившихся наблюдателей долго не могла прийти в себя.

Оставшаяся девятка нерешительно замялась; еще один остановился, прошел все фазы исчезновения – от голубой до оранжевой – и тут вся свора бросилась наутек. С быстротой молнии шары взвились вверх и скрылись за облаками.

Кто-то заревел, как раненый слон, увидев, что Грэхем поднял трубу и сразил третьего витона на лету. Кто-то отпустил дурацкую шутку мол, срезать их в полете – куда увлекательнее.

Краем глаза Грэхем заметил, как где-то в районе Бродвея взвился гигантский столб белесого желтоватого пламени. Послышался гул, потом налетела ударная волна, едва не сбросившая его с сиденья. Он крепко стиснул зубы. Странный звук затих. И тут Грэхем осознал, что это он орал как оглашенный.

Какое-то шестое чувство – может быть, экстрасенсорное восприятие – заставило его развернуть установку. Метнувшись за кожух ускорителя, он прицелился в вереницу шаров, атакующих с юга. И снова заорал, увидев, как вожак наливается фиолетовым. Остальные витоны затормозили так резко, что он подумал: уж нет ли у них ног, и, тщетно пытаясь остаковиться, продолжали по инерции скользить вперед. Слишком велика была скорость. Они врезались в подбитого собрата как раз в то мгновение, когда он вспыхнул слепящим оранжевым огнем.

– Вот вам – за Мейо! – взревел Грэхем, подпрыгивая на сиденьи. – А вот – за Уэбба! Теперь – за Бича, слизняки вонючие, чертовы паразиты! А теперь – за Фармилоу! А вы, сволочи поганые, получите за Бьернсена!

Исчерпав запас ругательств, он следил за результатом воздушного бои. Какой-то захватывающий миг бешено крутящийся в застывших небесах клубок энергии продолжал сохранять чудовищно разбухшую шаровидную форму. Потом с оглушительным треском взорвался.

Грэхему показалось, что у него лопнули барабанные перепонки. Порыв ветра чуть не сбросил его с шаткого насеста. Весь аппарат так и застонал, пытаясь вывернуться из креплений. В вышине заметались обезумевшие волны; жесткое излучение обрушилось на Грэхема, как тропическое солнце, так что ему пришлось закрыть глаза, чтобы уберечь роговицу.

Но он не мог да и не хотел усидеть на месте. Вот и конец погони, пришел его звездный час, едва ли такое выдастся еще раз. Но прежде всего настал час возмездия. Он гикнул, как завидевший врага индеец, проворно крутанул трубу на девяносто градусов и прошил двух сверкающих налетчиков, пикирующих на него с высоты.

Теперь ясно, как они подорвали резервуары в Силвер Сити. Целая дюжина витонов, а может, две или даже полсотни совершили самоубийство: врезались в хранилища, сталкиваясь при ударе. При столкновении их природное равновесие нарушилось, и они все вместе превратились в чудовищный детонатор. Их род владел древним секретом, который лишь недавно сил известен их рабам-людям: секретом бурного распада и случае, когда сгусток энергии – радиоактивной или витонской – превысит критическую массу.

Резервуары с нитратом серебра приняли на себя самый яростный удар за всю историю человечества, удар такой сокрушительной силы, что по сравнению с ним даже атомная бомба казалась детской игрушкой. А огромный черный перст, указующий направление, в котором вознеслись души обитателей Силвер Сирии, был не чем иным, как столбом обезумевших атомов, устремившихся ввысь в поисках новых связей.

Снова повернув излучатель, он обрушил адскую кару на подлетающую шестерку и с удовлетворением увидел, как витоны выплеснули свою энергию в видимые частоты и отправились к праотцам. Они могут сколько угодно плевать на лучи, падающие на них по сложной траектории Лиссажу – ведь природа сделала их неуязвимыми к солнечному излучению. Его они запросто переносят. Может быть, даже с удовольствием. Зато лучи, направленные по гиперболе, вонзаются им прямо в потроха!

На севере, у самого горизонта, собиралось огромное полчище витонов. Грэхем попытался достать их лучом, но, убедившись, что все его усилия безрезультатны, сделал вывод: они вне радиуса действия установки. На востоке снова загрохотали рукотворные вулканы. В воздухе стоял запах озона, жженой резины и мокрого цемента. Вокруг слышались выкрики, но из-за расстояния он не мог разобрать слов.

Он думал о воздушных силах Америки, прикованных к земле, – десять тысяч стремительных боевых машин не осмеливаются взлететь, пока существуют витоны, угрожающие подчинить себе мозг пилота и натравить брата на брата. Скоро все кончится, теперь уже совсем скоро. Небо запестреет крылатыми воителями, а внизу народ будет повторять сладчайшее для любой войны слово: «Наши!»

Пока Грэхем приканчивал только беспечных, ленивых или неосторожных, но теперь враг осознал грозящую ему опасность. Теперь он готовит массовую атаку, штурм, призванный раз и навсегда продемонстрировать всю мощь, на которую способны витоны, сплотившиеся воедино. Они бросят на него роты, батальоны, бригады – в таком количестве, что ему не отбиться. Хотят стереть его с лица Земли, которую считают своей вотчиной, а вместе с ним – и поляризатор. Да, конец близок, но к нему вел длинный путь.

Оглядывая небо, он увидел эскадрон азиатских стратопланов, удаляющихся на восток в полной уверенности, что за ними сам Всевышний. Позади и ниже вспыхивали разрывы, сыпались искры. «Интересно, видели ли пилоты-фанатики, какая судьба постигла кое-кого из так называемых духов их предков?» – подумал, Грэхем и пришел к выводу, что нет.

А ведь новость должна бы уже облететь весь мир, во всяком случае, Новый Свет. И до Европы подробности, наверное, уже дошли. Теперь, зная, что победу решает только время, а не сомнения, Европа должна выстоять. Может быть, какая-нибудь из других групп тоже добилась успеха. Хотя какая разница – триумф Фарадеевской компании стал триумфом всего человечества.

Он прервал размышления, увидев, что далекая армада взмыла ввысь. Ее окружало гигантское фантастическое зарево, и было трудно поверить, что для обычного зрения, не прошедшего обработку, витоны совершенно невидимы. Надвигалось несметное полчище голубых светил, сверкающей стеной заслонившее весь северный небосклон, – наводящее несказанный ужас небесное воинство, родом не из рая и долго отвергаемое адом. Витоны приближались так стремительно, что глаз отказывался верить.

Грэхем еще только готовился принять бой, а небольшой участок голубизны в центре вражеского строя вдруг налился фиолетовым, перешел в оранжевый и начисто пропал. На какой-то миг он пришел в замешательство, потом вспомнил – Йонкерс!

– Старина Стив! – взревел он. – Все-таки добился своего. Задай-ка им жару, Стив!

Увеличив мощность, он prošил стремительно наступающую орду. Голубизна вспыхнула фиолетовым, оранжевым – и исчезла. Уцелевшее крыло отделилось от основной массы и обрушилось на Йонкерс. Некоторые шары, падая, меняли цвет.

Другое крыло мстительно устремилось прямо на Грэхема. Он знал, что сейчас произойдет, чувствовал по тому, как они все теснее сплачивают ряды, ускоряя полет. До самого последнего мгновения он давал им прикурить, поливая отборной руганью и смертоносными лучами. Как только витоны столкнулись, образовав убийственную смесь, он в четыре огромных прыжка добрался до ямы, обхватил шест и, увлекаемый силой тяжести, ринулся вниз.

С захватывающей дух скоростью скользя по шесту, он видел, как жуткая сверкающая голубизна мгновенно сгустилась и нависла над устьем шахты. Все небо превратилось в пылающий лазурный купол. И вдруг вспыхнуло нестерпимым блеском. В уже и без того поврежденные перенонки Грэхема ударил оглушительный треск – как будто космос разорвалел на части. Шест заплясал, словно палочка в руках жонглера.

Грэхема, как перышко, стряхнуло с шеста, и он рухнул в содрогавшуюся глубину. Шахта ходила ходуном от верха до самого дна, стены крошились, вниз обрушился смертельный ливень земли, камней, осколков бетона. Что-то большое, черное, пробив темноту, показалось в проеме и тяжело рухнуло прямо на беззащитное тело.

У Грэхема вырвался сдавленный стон. Сознание отлетело, как черная погребальная ладя, отплывающая в туманные моря.

Постель была удобной, такой удобной, что хотелось подольше протянуть этот сон. Блаженно повернув голову, Грэхем почувствовал, как ее пронзила острая боль, и открыл глаза.

И правда, он в постели. Грэхем пошевелил пальцам, ощупывая ее. Определенно, это постель. Он с изумлением оглядел белую простыню, изучил картину на

противоположной стена. Это был «Загнанный олень». Грэхем показал ему язык.

Рядом скрипнул стул. Сморщившись от боли, он повернул голову и обнаружил широкоплечую фигуру Воля.

– Добрый вечер, Рип ван Винкль, – с елейным радушием приветствовал его Воль. – Он указал на часы, потом на календарь. – Сейчас десять вечера, четверг. Целых три дня ты был глух, нем, туп и недвижим – словом, оставался самим собой.

– Да ну? – Грэхем фыркнул, но не так гневно, как обычно. Потом метнул взгляд в сторону картины. – Не ты им водрузил здесь эту дрянь? Если ты, то не вижу здесь ничего смешного.

Воль обозрел картину, пытаюсь понять, чем она не угодила приятелю. Наконец его осенило, и он загоготал.

С трудом сев, Грэхем оперся на локоть, не обращая внимания на дергавшую боль в голове.

– Тащи сюда мои пожитки, безмозглый толстяк, – мне пора по делам.

– Ничего не выйдет. – Широкая ладонь Воля мягко уложила его обратно. – Нынче тот единственный случай, когда команду я, а ты повинешься.. – Он заявил это с неприкрытым злорадством, потом добавил: – Витоны сровняли с землей площадь диаметром пару миль, прикончили многих наблюдателей. Нам понадобилось двенадцать часов, чтобы обнаружить твою нору и откопать кусок фарша, в который ты превратился. Так что полеживай себе смирно, а дядюшка Арт расскажет тебе сказочку на сон грядущий.

Он достал газету, развернул ее и с торжеством в голосе прочитал краткий обзор событий дня:

– Мэр Салливан утверждает: теперь город надежно защищен. «Электра» довела выпуск новых излучателей до тысячи штук в день. Еще две эскадрильи азиатских стратопланов приземлились в Бэттери Парк и сдались. – Взглянув на приятеля, он добавил: – Это только местная хроника. Столько всего случилось, пока ты тут храпел, как жирный боров.

Грэхем сердито хмыкнул.

А как дела у Кенига?

Двое операторов погибли, когда Йонкерс принял на себя удар. Много наблюдателей, находившихся поблизости, тоже отправились на тот свет. А в остальном – все в порядке. – Воль снова уткнулся в газету. – Вот еще, послушай, – предложил он. – В Небраске выровнена линия фронта. Наши бронетанковые войска теснят слабеющего противника. В рядах азиатов вспыхивают восстания, по мере того, как наши передатчики продвигаются к линии фронта и поражают витонов прямо у них над головами. Азиатские пацифисты захватили короля Чунга и приступили к производству антивитоновских излучателей. Европейские вооруженные силы полным ходом двигаются на восток. Вашингтон ожидает, что азиаты предложат перемирие и содействие в уничтожении витонов. – Он сложил газету и сунул ее Грэхею под подушку. – Можно сказать, война идет к концу – и все благодаря тебе!

– Черта с два! – кисло произнес Грэхем и снова приподнялся. – Отдавай мою одежонку. Я ведь не такой жулик, как ты, – одеял не таскаю.

Воль встал и с притворным ужасом воззрился на друга.

– Клянись Богом, Билл, вид у тебя просто жуткий. Краше в гроб кладут. По-моему,

тебе необходим врач. – Он направился к двери.

Не валяй дурака! – крикнул Грэхем. Он быстро сел, тут же схватился за голову и не отпускал рук до тех пор, пока не удостоверился, что она не разломится на части. – Тащи сюда мои штаны, а то встану и отделаю тебя как следует. Я сейчас же смываюсь из этой богадельни.

– Ты сам не знаешь, что тебе нужно, – с упреком бросил ему Воль от двери. – Ведь ты в новой подземной больнице, бывшей Самаритэн.

– Что-что?

– Самаритэн, – повторил Воль, покосившись на оленя.

Грэхем охнул, поспешно улегся и глухо застонал.

Что-то мне худо, Арт. Наверное, я умираю. Позови врача.

– Будет сделано! – воскликнул Воль и принял позу, выпятив зад и натянув воображаемый лук. – Нет, ты только взгляни: вылитый Купидон! – потом вышел.

Вскоре вошла она, присела рядом с постелью и самым что ни на есть профессиональным тоном спросила:

– Ну, как себя чувствуем?

– Как всегда, когда я рядом с вами. – Он взял ее ладонь.

Девушка резко отдернула руку.

Здесь не место для подобных выходов.

– В других местах вы тоже не давали мне особо развернуться, – пожаловался он.

Не отвечая, она устремила невидящий взгляд на оленя.

– Вот гадость-то, – сказал он.

– Не поняла.

– Я про эту мазню, – он кивнул в сторону картины – Полагаю, кто-то решил меня съесть. Уж не вы ли?

– Я? – она искренне удивилась. – Что за глупость. Если вам не нравится, я велю снять.

– Сделайте одолжение. Уж слишком он похож на меня. Как, впрочем, и на всех остальных.

– Вы так считаете? Но почему?

– Потому что загнанный. Мы все с незапамятных времен были загнаны. Сначала – сами того не ведая, потом – зная всю правду до конца. Приятно сознавать, что все позади. Может быть, теперь наконец мы сможем повеселиться. Вы помогали мне раньше, сможете помочь и сейчас.

– Что-то я не помню, чтобы особенно вам помогала, – чопорно ответила она

– Именно вы дали нам ценные сведения о Биче, о кабинетах физиотерапии, о Фармилоу. Если бы не вы, мы до сих пор гонялись бы за призраками. – Он сел и посмотрел ей в глаза. – Но больше я за призраками не гоняюсь.

Ничего не ответив, она отвернулась и задумчиво уставилась в потолок. Грэхем пожирал глазами мягкий изгиб ее щеки, разлет бровей и знал, что она ощущает его взгляд.

– Там, в вышине, – звезды; – продолжал он. – И знаете, Гармония, на них могут обитать люди, живые люди, как мы с вами. Дружественные народы, которые,

возможно, побывали на земле еще до витонского ига. Ганс Лютер считал, что их предупредили держаться от Земли подальше, и она оказалась запретной планетой. – Он снова посмотрел на девушку. – Все лучшее оказалось под запретом для тех, кто хотел бы посетить Землю, и для нас, которые стали ее узниками. Не разрешалось ничего, кроме того, что наши господа считали выгодным для себя.

– Но теперь все по-другому, – пробормотала она.

– Да, по-другому. Теперь мы можем испытывать эмоции для себя, а не для других. Наконец-то наши чувства принадлежат нам самим. Вдвоем хорошо, а третий – лишний, особенно, если этот третий – витон. До вас дошло, что только теперь мы по-настоящему наедине?

– Мы?

Она повернулась к нему, брови вопросительно изогнулись.

– Возможно, здесь и вправду не место, – сказал Грэхем, – зато случай уж больно подходящий! – Он привлек девушку к себе и припал к ее губам.

Она сопротивлялась, но не слишком настойчиво. Потом и вовсе перестала. Рука ее обвилась вокруг его шеи.